

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XXXV международной научно-практической конференции*

№ 4 (35)
Апрель 2014 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

B59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4 (35). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 190 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Культурология	7
1.1. Теория и история культуры	7
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛОГА Селиванова Елена Сергеевна	7
Секция 2. Языкознание	13
2.1. Русский язык	13
Языки народов Российской Федерации	
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОСОБИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ДЛЯ ПРОДВИНУТОГО ЭТАПА Кацман Евгения Михайловна	13
АРГОТИЗМЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ Корачкова Анастасия Олеговна	20
2.2. Германские языки	24
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОВЕСТИ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ Петер Ирина Георгиевна Мкртчян Каринэ Владимировна	24
ЯЗЫК И ВРЕМЯ Болдырева Светлана Ивановна Семенова Елена Павловна	32
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Борсук Людмила Франковна	40
РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗЕ П.Г. ВУДХАУЗА «КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ ДЖИВЗ» (P.G. WODEHOUSE “JEEVES TAKES CHARGE”) Захарчук Людмила Николаевна	48
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДОБРО» И «ЗЛО» Михалкина Виолетта Александровна Шишигин Кирилл Александрович	52

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В РАМКАХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА С ПОМОЩЬЮ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ Христофорова Наталья Игоревна	59
2.3. Классическая филология, византийская и новогреческая филология	68
ВИННИ-ПУХ — ЗНАКОМЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ: ДИАЛОГ ПЕРЕВОДЧИКОВ С АВТОРОМ Карачёва Надежда Сергеевна Куницына Евгения Юрьевна	68
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА ФАОС/СВЕТ В ТРАГЕДИЯХ ЭСХИЛА, СОФОКЛА И ЕВРИПИДА Левко Александр Вадимович	77
2.4. Теория языка	84
ЭКСТРЕМИЗМ: СТРАТЕГИИ ОСМЫСЛЕНИЯ НОВОГО ПОНЯТИЯ Выговская Дарья Геннадьевна	84
РАЗДЕЛЫ ФИЛОСОФСКОЙ ГРАММАТИКИ КАК НАУКИ О ЯЗЫКЕ, РАЗРАБОТАННОЙ К. ГЕРМАННОМ Лоза Анжела Валерьевна	89
2.5. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	97
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. Ступкина Марина Владиславовна Наджафова Рамила Вагифовна	97
Секция 3. Искусствоведение	102
3.1. Теория и история искусства	102
ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ Михальчук Вадим Владимирович	102

3.2. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	107
КАФЕДРА ДИЗАЙНА АГИИК: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ	107
Петрова Анна Григорьевна Решетников Георгий Николаевич Рахлеева Ольга Афанасьевна	
3.3. Техническая эстетика и дизайн	117
ИНТЕРАКТИВ В ДИЗАЙНЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О РЕГИОНЕ (РОССИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ), 2004—2014 ГГ.	117
Марьясова Мария Константиновна	
3.4. Теория и история искусства	125
ОБРАЗ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.В. ТУРЖАНСКОГО	125
Савина Екатерина Алексеевна	
Секция 4. Литературоведение	131
4.1. Русская литература	131
КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ 1812 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Е.Я. КУРГАНОВА	131
Брызгалова Елена Николаевна	
ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РАССКАЗАХ К. КАРНЫШЕВА	140
Колмакова Оксана Анатольевна	
4.2. Фольклористика	145
ЗАПРЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ, ИМЯНАРЕЧЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА	145
Гайсина Фанира Фасхетдиновна	
4.3. Теория литературы. Текстология	154
ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ДРАМАТУРГИИ НА КАРАКАЛПАКСКИЕ КОМЕДИИ	154
Матмуратова Рита Захидовна	

МАРГИНАЛЬНОЕ ГЛОССИРОВАНИЕ В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539 Г.). ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ Цапаева Сабина Юрьевна	160
4.4. Журналистика	169
РЕАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ Камзин Какен	169
МЕТОД ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ Кодола Наталья Валерьевна	177

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛОГА

Селиванова Елена Сергеевна

*аспирант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина,
РФ, г. Екатеринбург*

E-mail: elena.selivanova.09@yandex.ru

MODERN ART AND RELIGION: PROSPECTS OF COOPERATION

Elena Selivanova

*post graduate student of Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изменению положения религии в современном обществе, формированию новой религиозности, межрелигиозным отношениям, оказывающим влияние на различные сферы общественной и духовной жизни человека. Для примера приводится ситуация с так называемым «современным искусством», часто находящимся в конфронтации с религией. В качестве перспективы построения диалога между искусством и религией рассматривается архитектура, выявляется единый архетип православного храма и мечети.

ABSTRACT

The article is devoted to the change of position of religion in a modern society, formation of the new religion, inter-religious relationships which

affect different spheres of public and spiritual life of a person. As an example, there is proposed a situation with so called “modern art” which is often confrontational with religion. Architecture is considered as a prospect for cooperation between art and religion; a unified archetype of Orthodox Church and Mosque is defined.

Ключевые слова: религия; современное искусство; культовая архитектура.

Keywords: religion; modern art; religious architecture.

Изменения, происходящие в современном мире — стремительное развитие науки, техники, информационных технологий, процессы глобализации не привели, тем не менее, к уменьшению влияния религии, как предполагали многие исследователи, разрабатывая теорию секуляризации. Конец XX века отмечен возвращением религии в политическую и общественную жизнь — в России наиболее заметным стало возрождение православия, а на международной арене — возрастающее влияние ислама.

Однако, наряду с возрождением религии, исследователи отмечают, что вернувшаяся в нашу жизнь религиозность, не является религиозностью в традиционном понимании. Мировоззрение современного человека, сталкиваясь с религиозными идеями и феноменами, трансформирует их, создавая новые культы и учения. Подобное явление П.С. Гуревич назвал «новой религиозностью», определяя его как одно из характерных направлений современной духовной жизни [1, с. 257]. Также осложняют положение религии, в особенности ислама, политические конфликты и террористические акты. То есть, несмотря на происходящее возрождение религиозности, существуют определенные сложности, связанные с религиозным вопросом.

Эти проблемы находят свое отражение в изобразительном искусстве, являющимся своего рода барометром, отражающим изменения в духовной культуре, а также в современной политической и религиозной ситуации. Примером могут служить нашумевшие акции и выставки так называемого «современного искусства» — «Осторожно, религия!» (2003), «Запретное искусство» (2006), «Духовная брань» (2012), «Культурный альянс» (2012), «Icons» (2012), так называемый панк-молебен группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в Москве (2012) и т. д. Подобная конфликтная ситуация между искусством и религией характерна не только для нашей страны. Работы американских и европейских художников, таких как Андрэс

Зеррано, Томас Ленерер, Мартин Киппенберг и др., создаваемые с конца 80-х годов XX века, также продолжают вызывать споры. Еще одним примером является история с карикатурами пророка Мухаммеда в одной из датских газет в 2005 году, ставшая поводом для конфликта между мусульманами арабского мира и современной западной культурной богемой.

Россия исторически находится на стыке Востока и Запада, что оказывает влияние практически на все сферы жизни и специфику развития. Стремясь приблизиться к Западу, особенно в области политики и экономики, Россия, тем не менее, на протяжении всей своей истории многое заимствует у Востока, что отражается в многообразии и разнородности современной российской культуры. Помимо этого, Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной (кроме исторических причин это связано и с современными процессами миграции) и существует проблема мирного сосуществования людей разных культур и религиозных убеждений. Большая часть верующих в России это православные и мусульмане. И если изобразительное «современное искусство» в виде картин, фотографий, инсталляций, акций и перформансов достаточно быстро и часто провокационно реагирует на изменения современной жизни, то архитектура, будучи менее оперативным видом искусства, редко является выражением провокационных идей (по крайней мере, в нашей стране). Однако именно архитектура как нельзя лучше выражает различия и сходства в мироощущении и религиозном чувстве православия и ислама, а также демонстрирует возможность диалога культур.

В Библии присутствует описание храма Соломона, который можно рассматривать не только как один из первых иудейских храмов, но и как некий архетип мусульманской мечети и православного храма. В плане храм Соломона представлял собой три смежных помещения, располагающихся на одной оси — притвор, святилище и святая святых. Храму предшествовал большой двор, разделенный на две части — внешнюю и внутреннюю. Первым помещением с восточной стороны храма был притвор (улам), отделяющий святое от мирского. К притвору вел ряд ступеней. Православный храм также имеет притвор, символизирующий область грешного мира. К притвору ведет паперть — крытая или же без крыши лестница, называемая иногда внешним притвором. Для мечети характерно наличие открытого двора с фонтаном для омовений, который в российских климатических условиях часто трансформируется в крытое помещение.

Следующим за притвором в библейском храме было святилище (хейхал) — самое большое помещение храма, где происходило священнодействие. В православной церкви за притвором следует также самая большая по размеру часть, именуемая «храм-земля». Эта часть храма предназначена для прихожан, здесь же проходит богослужение. В мечети этому помещению соответствует молитвенный зал, где во время молитвы собираются верующие.

В глубине святилища храма Соломона располагалось небольшое по размеру помещение — святая святых (двир). Уровень пола в святая святых был выше, чем в святилище и потому туда вела лестница. Двир был отделен каменной стеной с дверью, завешанной дорогим занавесом. В святая святых имелось возвышение, на котором был установлен Ковчег Завета где хранились Скрижали Завета. Входить в двир мог только первосвященник. Описание этой части храма Соломона во многом соответствует алтарной части храма православного. В средней части храма перед иконостасом имеется небольшое возвышение — солея. Подниматься на солею во время службы или для чтения проповедей, как и входить в алтарное пространство могут только священнослужители. Иконостас, отделяющий алтарь и среднюю часть храма, имеет дверь, называемую царскими вратами. В самом алтарном пространстве находится престол — возвышение кубической формы для совершения на нём Евхаристии. В мечети помещений, следующих за молитвенным залом, нет. Однако кибла — стена, указывающая направление на Мекку, имеет неглубокую нишу — михраб. Она предназначена для молитвы имама. В качестве аналога солеи христианского храма можно рассматривать специальную кафедру для чтения проповедей — минбар, установленную возле михраба.

Таким образом, можно сделать вывод, что архетипом православного храма и мусульманской мечети можно назвать описанный в Библии храм Соломона. Однако существует ряд отличий, обусловленных канонами конкретной религии подробно рассмотренных в работе И.А. Ибрагимова [2]. В первую очередь это пространственное расположение. Христианский храм всегда сориентирован по сторонам света и располагается алтарем на восток (ориентация на восход солнца и предполагаемое местонахождение Эдема), а в исламе у мечети нет ориентаций по сторонам света, но одна из стен — кибла всегда указывает направление на Мекку.

Во-вторых, визуальная динамика архитектуры. Важное значение для христианского храма имеет вертикальная устремленность архитектурных форм, что связано с идеей вознесения к Богу.

Устремленность ввысь достигается за счет преобладания вертикальных линий над горизонтальными, путем сокращения объемов кверху, вытянутых вверх окон, деталей фасада, островерхих завершений закомар. Также можно отметить вытянутость вверх главы храма, что достигается не только за счет определенной луковичной формы купола, но и за счет высокого барабана поддерживающего главу. Для архитектуры мечети более характерна горизонтальная развернутость, поскольку мусульманин, совершая молитву, устанавливает горизонтальную сакральную связь с Каабой. Горизонтальную устремленность в архитектуре мечети можно наблюдать в ступенчатости композиции в сторону Мекки — открытый двор и далее купол над молитвенным залом. Купола и порталы, которые используются как в христианской, так и в исламской архитектуре, в мечети отличаются наличием тупых углов, они как бы прижаты к земле. Это характерно и для куполов мечети, не вытянутых, как в церквях, а сплюснутых, приближенных к основному объему здания.

То есть, наблюдаем как единый архетип мечети и православного храма, так и различия в организации пространственно-художественного решения церкви и мечети, обусловленные религиозными представлениями.

Пространство религиозного помещения, к какой бы конфессии оно не относилось, может служить не только культовым целям. Некоторые общественные деятели пытаются организовать встречу не только сфер религии и искусства в широком смысле (значительное взаимоналожение которых в определенном смысле и так имеет место, как мы видим на примере храмовой архитектуры), но и религии и «современного искусства».

Можно отметить практику проведения художественных выставок в пространстве действующих религиозных объектов. Подобные примеры нашли достаточно широкое применение за рубежом: в городе Билефельд в Систеркирхе проходят выставки авангардных художников, на биеннале в Венеции в течение последних лет можно наблюдать тенденцию, когда художникам предоставляются действующие религиозные помещения, которые они оформляют в соответствии со своими художественными представлениями и идеями. В нашей стране подобные примеры немногочисленны — выставка, прошедшая в храмовом пространстве, «Двоесловие/диалог» (2010). Существуют и другие проекты, направленные на построение диалога между религией и «современным искусством» — «Хлеб Неба» (2010), «Обратная перспектива» (2012), «Искусство и религия в пространстве современной культуры» (2013) и др. Насколько такой

путь является конструктивным — покажет время. Ведь современное искусство в широком смысле и так, как мы видим, в значительной степени укоренено в сфере религии.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Культурология. М.: Проект, 2003. — 336 с.
2. Ибрагимов И.А. Пространственно-ценностная ориентация и визуальная динамика храмового зодчества в христианстве и исламе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dissercat.com/content/prostranstvenno-tsennostnaya-orientatsiya-i-vizualnaya-dinamika-khramovogo-zodchestva> (дата обращения 07.04.2014).

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОСОБИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ДЛЯ ПРОДВИНУТОГО ЭТАПА

Кацман Евгения Михайловна

*канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: eugeniakazman@gmail.com*

REPRESENTATION OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR ADVANCED LEVEL

Evgenia Katsman

*candidate of philology, assistant professor of Saint-Petersburg state
polytechnical university,
Russia, Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу о представлении указательных местоимений в практике преподавания русского языка как иностранного. В статье предложена теоретическая модель для систематизации данного материала в учебных пособиях, основанная на различении

двух базовых прономинальных функций: дейктической и анафорической. Кроме того, в статье рассмотрен ряд специфических функциональных вариантов указательных местоимений, производных от основных, и предложены возможные типы упражнений, направленных на отработку употребления данных вариантов в составе самостоятельно продуцируемых высказываний.

ABSTRACT

The article deals with the question of representation of demonstrative pronouns in teaching Russian as a foreign language. A theoretical model for the systematization of the material in textbooks, based on distinguishing the two main pronominal functions: deixis and anaphora, is suggested in the article. Besides, the article considers a number of specific functional variants of demonstrative pronouns derived from the main ones and suggests possible types of exercises aimed at training of usage of these variants within the students' own utterances.

Ключевые слова: указательные местоимения; русский язык как иностранный; анафора; дейксис.

Keywords: demonstrative pronouns; Russian as a foreign language; anaphora; deixis.

В практике преподавания русского языка иностранным студентам, владеющим языком в объеме как минимум 1-го сертификационного уровня, определенное внимание уделяется специфике употребления местоименной лексики, дается представление об основных разрядах местоимений и функционировании этих единиц в речи и тексте (см., например, пособие О.И. Глазуновой [1, с. 155—195]).

Представляется, однако, что данная тема нуждается в некоторой доработке, а именно: большей систематизации в подаче материала, с одной стороны, и расширении круга рассматриваемых языковых явлений, с другой. У студентов продвинутого уровня зачастую возникает желание всесторонне исследовать материал, ориентируясь преимущественно на функциональный аспект. Особенно это актуально для студентов, чей стиль обучения тяготеет к полюсу когнитивной сложности.

Сложность при предъявлении материала в случае с указательными местоимениями состоит в том, что их значения нельзя объяснить с помощью обычного лексикографического описания, поскольку прономинальная лексика принципиально отличается от номинативной. На существование класса «дейктических слов», параллельного классу номинативной лексики, неоднократно указывали различные авторы [2; 6; 9]. Вопрос о специфике лексического значения

местоимений, в частности, об их промежуточном положении между категориями полнозначительных и служебных слов, был рассмотрен нами в диссертационном исследовании [7]. Таким образом, в случае местоимений целесообразно говорить не о лексическом значении, а о функции.

Основные функции местоименной лексики — дейктическая и анафорическая — также неоднократно становились предметом исследования в русистике [3; 5]. Целесообразной представляется систематизация вариантов употребления (или функционально-семантических вариантов) местоименной лексики в пособиях по РКИ для продвинутого этапа обучения на основе этих функций.

Например, варианты употребления достаточно полно представленной в пособии О.И. Глазуновой группы местоименных единиц «это» (субст.)/ «этот», «эта», «это», «эти» (адъект.) могут быть разделены на две категории — дейктические (связывающие высказывание с внеязыковыми элементами речевой ситуации) и анафорические (связывающие высказывание с предыдущим высказыванием). На функциональное различие между этими категориями стоит указать в отдельном комментарии.

Дейктические употребления этой группы местоимений рассматриваются в вышеупомянутом пособии на примере двух параллельных конструкций, смысловое различие между которыми остается невыясненным:

Это очень дорогая машина. — Эта машина очень дорогая.

Следует, на наш взгляд, прокомментировать тот факт, что при полной идентичности содержания обоих высказываний между ними имеется, однако, различие на уровне актуального членения. В первом случае темой является только субстантивное местоимение «это», остальная часть высказывания относится к реме (т. е. тот факт, что объект указания — машина, относится к новой информации). Во втором случае к теме относится сочетание адъективного местоимения «эта» с существительным, следовательно, новой является только характеристика машины. Таким образом, при употреблении адъективного местоимения в пресуппозиции высказывания содержится знание адресата о том, что объект указания — именно машина, а не что-то иное. Стоит обратить внимание студентов на эту особенность, чтобы обеспечить корректное употребление ими местоимений данной группы при продуцировании собственных высказываний. Особенно важно это для носителей английского языка, в котором, как известно, субстантивный и адъективный варианты местоимения “this”, употребляющегося в дейктической функции, омонимичны.

Вторая группа употреблений — анафорические. При анафорическом употреблении объем антецедента субстантивного местоимения «это», как правило, равен всему предыдущему высказыванию или его смысловому центру (реме):

Ко мне приехали друзья. Я очень рад этому.

В данном примере форма «этому» указывает на ситуацию в целом, а не на отдельный ее компонент, например, «друзья». В последнем случае носитель языка употребил бы форму личного местоимения «они» — «им».

В другом примере форма «этому» кореферентна смысловому центру высказывания, представленному глаголом в форме инфинитива (однако на месте инфинитива может быть и личная форма):

Я умею шить. Этому меня научила мама.

Реже встречается катафорическое (правонаправленное) употребление, как правило, в составе вступительных фраз. Постцедентом при этом выступает значительный фрагмент текста, содержащий описание ситуации:

Это случилось пару дней назад. Я шла по улице. Внезапно зазвонил телефон, и в трубке раздался мамин голос... (Интернет).

Адъективное «этот» сравнительно редко употребляется в традиционной функции синтаксической анафоры, при которой антецедент четко вербализован и легко выявляем в предтексте. В этой ситуации чаще употребляются личные местоимения, сокращающие высказывание:

Ср.: *Недавно я купила платье и надела это платье на вечеринку/ Недавно я купила платье и надела его на вечеринку.*

Чаще встречаются такие употребления этого местоимения, которые можно квалифицировать как «фокусную» анафору [4]:

...я заметила заглавия толстых книг — «История наполеоновских войн» и «Библия». Я давно уже смотрела во все глаза: маленькие детали — оранжевый стол, багровые ногти Эйлин, эти золотые буквы — были столь яркими и выпуклыми, что было жалко потерять хоть крупичку... (Улицкая).

Еще более частотны употребления местоимения «этот» в сочетаниях «на этой неделе», «в этом году» и т. п., приобретшие устойчивое значение «текущий период времени». Эти варианты находятся в антонимических отношениях с аналогичными вариантами употребления местоимения «тот» в значении «прошлый»: «на той неделе», «в том году».

В целом, говоря о местоимении «тот», надо отметить, что варианты употребления этого местоимения далеко не всегда характеризуются четкой противопоставленностью местоимению «этот». Фактически, кроме

вышеупомянутого употребления во временных конструкциях, можно отметить только первичную оппозицию в сфере пространственного дейксиса: «близкий»= «этот», «далекый»= «тот». Но это противопоставление носит скорее теоретический характер, а в составе реальных высказываний встречается довольно редко. Фразы типа *Ты хочешь эту конфету или ту?* звучат несколько искусственно. Вообще, в дейктической функции местоимения «то», «тот» чаще всего встречаются в сочетании с указательной частицей «вон»:

Покажите мне, пожалуйста, вон ту сумку.

Кроме того, эти местоимения крайне редко формируют левонаправленное анафорическое отношение (только «то», употребляемое в качестве поэтического синонима местоимения «это», либо «тот» вместо личного местоимения — это употребление будет рассмотрено ниже).

Гораздо более характерны для местоимения «тот» (а также и для субстантивного «то») синтаксические употребления в составе местоименно-соотносительных конструкций:

В ней (музыке) звучал тот трепетный гам, который слышишь всегда, проходя по коридору музыкальной школы... (Улицкая).

Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать (Крылов).

Следует упомянуть также и грамматикализованное употребление «то» в качестве второй части составного союза «если..., то...». В этом варианте, однако, референциальная функция не выражена.

Но если не чудо, то ведь что-то произошло в ту осеннюю ночь. (Улицкая).

Интересно было бы также рассмотреть примеры взаимообратных конструкций с местоимениями «это» и «то»:

Ср.: *Погода испортилась, и из-за этого мы не поехали на дачу. / Мы не поехали на дачу из-за того, что погода испортилась.*

При полном совпадении плана содержания обоих высказываний в их грамматической структуре есть значительные различия. Первое предложение представляет собой сложносочиненную конструкцию, связь между частями которой помимо традиционного соединительного союза поддерживается еще и на надсинтаксическом уровне — с помощью анафорического местоимения. Второе же — сложноподчиненное местоименно-соотносительное предложение «вмещающего» типа. Для иностранного студента, однако, при выборе правильного местоимения важнее будет более практический критерий — порядок следования частей высказывания. При порядке следования частей, отражающем прямую последовательность событий, употребляется местоимение «это»; при обратном порядке — местоименно-союзная

скрепа «то, что». Для отработки этого материала полезным представляется упражнение на трансформацию подобных конструкций.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, еще одно специфическое употребление адъективного местоимения «тот». Это употребление указательного местоимения вместо личного в том случае, когда антецедент представляет собой объект предыдущего высказывания, совпадающий по грамматическому роду с субъектом. Личное местоимение при этом «по умолчанию» кореферентно субъекту, так что во избежание путаницы для объекта используется указательное:

— *Вот он, специальный!* — крикнул первый, оборотясь к спутнику. Тот остановился перед открытой дверью... (Акунин).

В качестве практического задания в этом случае возможно упражнение на подстановку личного или указательного местоимения, в зависимости от кореферентности местоимения субъекту или объекту предыдущего высказывания.

И, наконец, очень мало внимания уделяется в практике преподавания РКИ такой оппозиции внутри разряда указательных местоимений, как референциальный/ десигнационный тип анафорического переноса, по терминологии М.И. Черемисиной [8, с. 66—69]. При десигнационном анафорическом переносе местоимение (например, «такой») указывает не на тождество, а на подобие референтов номинативной и прономинальной единицы:

Ср.: *Я хочу эту машину. / Я хочу такую машину.*

Что же касается наречия «так», то оно указывает не на предметные элементы речевой ситуации, а на образ действия либо на ситуацию в целом. При этом собственно дейктическое указание на ситуацию способно осуществлять только наречие «так», поскольку «это» в дейктической функции будет указывать скорее на предмет. При указании на ситуацию «это» выступает в функции фокусной анафоры.

Ср.: *Сделай это! / Сделай так!*

«Это» в приведенном примере отсылает к действию, о котором было упомянуто ранее (возможно, даже за пределами текущего коммуникативного акта), тогда как «так» чаще всего предполагает наглядность, указывая на внеязыковые элементы текущей речевой ситуации (определенное действие или жест).

Мы полагаем, что стоит обратить внимание студентов на вышеупомянутые различия в употреблении местоимений «этот», «это» и «такой», «так», при этом в качестве практического задания можно предложить коммуникативное упражнение на создание высказываний, соответствующих заданной речевой ситуации.

В заключение нужно подчеркнуть, что предложенную нами функциональную классификацию указательных местоимений можно

использовать для создания на ее основе соответствующего раздела в учебных пособиях по грамматике русского языка для среднего и продвинутого этапов обучения. Не претендуя на исчерпывающее описание всех функциональных вариантов указательных местоимений в русском языке, данная статья представляет собой попытку систематизации языкового материала с целью дать студентам, ориентированным на сознательное обучение, определенную модель функционирования данных единиц в языке, включающую как базовые, так и специфические варианты их употребления. Сопоставление отдельных функционально близких вариантов разных единиц в ситуациях, способных вызвать у иностранца затруднения в выборе местоимения, направлено на облегчение понимания студентами различий в употреблении этих вариантов.

Список литературы:

1. Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. СПб.: Златоуст, 2000. — 424 с.
2. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика: Морфологическая семантика. М., 1989. — С. 146—157.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Л.: Наука, 1965. — 110 с.
4. Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1988. — 20 с.
5. Падучева Е.В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов). Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. М., 1981. — 43 с.
6. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев Одесса: Лыбидь, 1990. — 147 с.
7. Федорова Е.М. Омокомплекс «так» и его функции в современном русском языке. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. — 26 с.
8. Черемисина М.И. О лексико-грамматическом статусе местоимений // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, — 1975. — Вып. IV. — С. 41—71.
9. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс рус. местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1998. — 176 с.

АРГОТИЗМЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ РОССИЙСКИХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ

Корачкова Анастасия Олеговна

*аспирантка Дагестанского государственного
технического университета,
РФ, Махачкала
E-mail: santia_amiral@mail.ru*

ARGOTISMES IN THE SPEECH OF HEROES OF RUSSIAN TELEVISION SERIES

Korachkova Anastasia

*postgraduate student Dagestan state technical university,
Russia, Makhachkala*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается явление массового распространения арготизмов и их влияние на язык. Указываются основные источники и причины популяризации арготической лексики. Приводятся примеры из уголовного жаргона, прозвучавшие в речи героев российских телесериалов. Выявляется их первоначальное арготическое значение, а также новое значение, сформировавшееся в молодежном жаргоне.

ABSTRACT

In article the phenomenon of mass distribution of argotismes and their influence on language is considered. The main sources and the reasons of promoting of argotic lexicon are specified. Examples from the criminal slang, sounded in the speech of heroes of the Russian TV series are given. The initial argotic meaning, and also the new sense received in a youth slang are established.

Ключевые слова: арготизм; воровской жаргон; сленг.

Keywords: argotisme; thieves jargon; slang.

Среди молодежи все чаще можно услышать не только сленговые слова и выражения, но и элементы арго. Используя эти лексические единицы в своей речи, молодые люди зачастую даже не знают

их первоначальное арготическое значение — *завалиться, разборка, тусовка, пацан, терпило, малява и др.* [1. с. 124]. Считается, что такая речь выразительна и эмоциональна, она помогает выявлять личность, ценить нестандартность высказываний, ведет к открытости общения [4. с. 73]. Сами арготирующие склонны воспринимать его как язык хлесткий, удалой, лихой и остроумный [5. с. 159].

Существует взаимосвязь между ненормированной лексикой молодежи и арготизмами криминогенной среды. Однако из арго в молодежный жаргон переходит гораздо больше слов, чем из сленга в арго. Это можно объяснить устойчивостью арго, а также быстрой сменой лексики молодежного жаргона.

Быстрому распространению арготизмов в молодежной среде способствует телевидение, особенно кинофильмы и сериалы. Проанализировав такие российские сериалы, как «Глухарь», «Час Волкова», «Тайны следствия», «Реальные пацаны», «Универ», мы сделали вывод, что около 70% всех эмоционально-экспрессивных лексических единиц являются арготизмами, которые либо используются в первоначальном значении, либо получили новое. Поэтому можно утверждать, что одним из основных источников распространения арготизмов в молодежной среде являются российские телесериалы.

Например, глагол *разобратся (разбираться)*. В криминальной среде он означает «свести счеты обычно с применением насилия, драками, убийством» [3]. В разговорной же речи «разбираться» — решать конфликт, обсудить спорные вопросы: «С бабой разберешься, а с ипотекой — хрен» (Реальные пацаны).

Также существительное *пацан* широко используется в российских телесериалах, один из которых так и называется «Реальные пацаны». Следует отметить, что в детском возрасте это слово употребляется как синоним слову «мальчик», а среди молодежи слово «пацан» несет в себе элементы оригинального значения. В тюремном жаргоне оно употребляется в значении «несовершеннолетний осужденный, придерживающийся воровских традиций и законов» [3]. В современных российских телесериалах пацанами называют тех, кто живет согласно пацановским правилам, по понятиям, настоящим пацанов: «Пацаны попадают, причем конкретно» (Реальные пацаны).

В новом значении в российских телесериалах употребляется существительное *терпило*. Это слово родилось в результате искажения уголовниками юридического термина «потерпевший». И свое первоначальное значение (объект нападения или вымогательства) сменило на обозначение человека слабого, не способного постоять за себя. «Терпило с Верхнего Тагила» (Реальные пацаны).

С телеэкрана часто мы можем слышать слова *кочемарить*, *кемарить*. В тюремном жаргоне это слово обозначает «спать, дремать, отдыхать, бездельничать, молчать» [3]. Это слово прочно вошло в молодежный жаргон и активно употребляется в речи героев молодежных телесериалов. Например, «Дай я покемарю часок» (Реальные пацаны).

Глагол *коцать* употребляется героями сериалов в первоначальном арготическом значении «бить, избивать, портить, ломать, пробивать» [3]. Это слово, скорее всего, перешло из польского арготического *kopsal*, *kobsal* в том же значении или из немецкого *kobsten* — разбить голову. Молодыми людьми этот глагол очень часто употребляется, причем в разных значениях. Сравним: «Они его толпой искоцали всего» (Реальные пацаны) и «Он мне машину втихаря коцает» (Универ).

Фразеологический оборот *качать права* в уголовном жаргоне используется в значении «доказывать», «действовать с позиции силы, добиваться своего превосходства», «разбирать на воровской сходке споры, претензии» [3]. В молодежной речи это устойчивое словосочетание употребляется в значении «в разной форме отстаивать свои интересы». Например, «Хватит мне тут права качать! Иди работать!» (Интерны).

Существительное *малява* тоже стало активно употребляться молодыми людьми в повседневной речи. В тюремном жаргоне *малява* — «записка, письмо» [3]. В сленге употребляется также в арготическом значении. Например, «Я тебе тут маляву накатал» (Глухарь).

В толковом словаре Даля мы можем встретить глагол *чмарить* (*чмырить*), который изначально имел смысл «пребывать в нужде, прозябать» [2]. Постепенно от глагола образовалось существительное, определяющее жалкого человека, находящегося в угнетенном, униженном состоянии. В тюремном мире аббревиатура «ЧМО» означает «человек морально опущенный».

Глаголы *мочить*, *замочить* встречаются в молодёжной речи очень часто, как в арготическом прямом значении «убивать», «убить», так и в расширительно-переносном значении «победить, закончить какое-либо дело, наказать» [б. с. 159]. Устойчивое выражение «Коры мочит» (Реальные пацаны) означает «веселить публику, дурачиться, сыпать шутками».

Глагол *кидать* (*кинуть*) употребляется как в арготическом значении, так и в переносном. В уголовном жаргоне это слово означает «не возвращать обещанного, отобрать, ограбить, выманить какую-либо сумму денег» [3]. В сленге оно получило много значений,

в том числе «обманывать, подводить». Например, «Не дай себя кинуть!» (Реальные пацаны).

Существительное *отмаз* и глагол *отмазываться* зачастую употребляются в общении молодых людей. В уголовном жаргоне «отмазываться» означает «отделываться, отклонять обвинения в чем-то» [3]. В молодежном жаргоне этот глагол употребляется в значении «оправдываться, находить повод, предлог», а зачастую в значении «врать». Например, «Что ты отмазываешься?» (Интерны), «Лепит отмазы» (Универ).

Часто употребляется глагол *наезжать* в значении «настойчиво требовать чего-либо, предъявлять претензии в грубой форме, сопровождая их угрозами и насилием» [3]. В молодежной речи это слово употребляется чаще в значении «высказывать недовольство, грубо обращаться». Например, «Если будешь на него наезжать, без башки останешься» (Реальные пацаны).

Употребление жаргонной, аргогической лексики на телевидении говорит о процессе демократизации языка и распространяющейся моде на аргогические слова. Мы можем наблюдать повышение толерантности к тюремному жаргону, присутствие такого рода лексических единиц в текстах телепередач, в речи героев телевизионных фильмов и сериалов. Использование аргогизмов в речи уже не является показателем принадлежности к преступному миру. Они стали неотъемлемой частью разговорной речи и употребляются как старшим, так и младшим поколениями.

Список литературы:

1. Грачев М.А. Русское арго: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. — 269 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: slovar-dalja.ru (дата обращения 20.03.2014).
3. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980—1990 гг. М.: Азбуковник, 2000. — 694 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: gramota.ru/slovari/argo (дата обращения 20.03.2014).
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. Педагогика-пресс, 1994. — 246 с.
5. Лихачев Д.С. Аргогические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. — С. 311—359.
6. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении / А.Д. Васильев. М.: Флинта: Наука, 2003. — 224 с.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОВЕСТИ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Петер Ирина Георгиевна

*преподаватель кафедры лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет),
филиал в г. Озёрске Челябинской области,
РФ, г. Озёрск
E-mail: irpeter@mail.ru*

Мкртчян Каринэ Владимировна

*студентка 5 курса кафедры лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет),
филиал в г. Озёрске Челябинской области,
РФ, г. Озёрск
E-mail: zorro-77777@mail.ru*

VIEW OF CONSCIENCE IN ENGLISH PROVERBS

Peter Irina

*lecturer of the department of linguistics of Federal State Budget
Educational Establishment of Higher Professional Education
“South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelaybinsk region,
Russia, Ozersk*

Mkrtchyan Karine

*student of the 5th course year of the linguistics department, Federal State
Budget Educational Establishment of Higher Professional Education
“South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelaybinsk region,
Russia, Ozersk*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется объективация концепта «conscience/совесть» в пословицы и поговорки английского языка. Авторы приходят к выводу, что представления о совести в английском языковом сознании связаны с нравственной оценкой человеческих поступков.

ABSTRACT

This article analyzes the concept of objectification on «conscience / conscience» in proverbs and sayings in English. The authors conclude that the notion of conscience in the English language consciousness associated with the moral evaluation of human actions.

Ключевые слова: семантика; сема; совесть; пословицы; сознание.

Keywords: semantics; seme; conscience; proverbs; consciousness

Совесть есть способность, интуиция или же суждение, которое помогает отличить правильное от неправильного. С точки зрения психологии, совесть часто описывается как приведение к чувству раскаяния, когда человек совершает какое-либо действие вопреки своим нравственным ценностям, честности и прямоте [3].

Оксфордский словарь английского языка “Oxford English Dictionary” предоставляет следующие толкования лексемы «conscience/совесть»: 1) ‘the part of your mind that tells you whether your actions are right or wrong’ — «часть вашего сознания, которая говорит вам о том, являются ваши действия правильными или нет»; 2) ‘a guilty feeling about something

you have done or failed to do' — «чувство вины за что-то содеянное или же наоборот несовершенное»; 3) 'the fact of behaving in a way that you feel is right even though this may cause problems' — «факт того, что вы поступили так, как считали нужным, независимо от того что это может доставить проблемы» [6, с. 101].

В английском словаре "Collins English Dictionary" значение лексемы «conscience/совесть» определено как: 1) 'the sense of right and wrong that governs a person's thoughts and actions' — «чувство правильного и неправильного, которое руководит мыслями и действиями человека»; 2) 'regulation of one's actions in conformity to this sense' — «регулирование своих действий в соответствии с этим чувством»; 3) 'a supposed universal faculty of moral insight' — «воображаемая моральная возможность проникать в суть»; 4) 'conscientiousness; diligence' — «добросовестность и усердие»; 5) 'a feeling of guilt or anxiety' — «чувство вины или беспокойства» [5, с. 309].

Словарь "Random House Kernerman Webster's College Dictionary" дает 5 различных значений лексеме «conscience/совесть»: 1) 'the inner sense of what is right or wrong in one's conduct or motives, impelling one toward right action' — «внутреннее чувство добра и зла в поведении или мотивах, побуждающее к правильному действию»; 2) 'the complex of ethical and moral principles that controls or inhibits the actions or thoughts of an individual' — «комплекс этических и моральных принципов, который управляет или сдерживает действия и мысли человека»; 3) 'an inhibiting sense of what is prudent' — «сдерживающее чувство осторожности и благоразумия»; 4) 'conscientiousness' — «добросовестность»; 5) 'consciousness; self-knowledge' — «сознание и самопознание» [8].

Следующие значения лексеме «conscience/совесть» дает словарь Merriam-Webster Learner's Dictionary: 1) 'the part of the mind that makes you aware of your actions as being either morally right or wrong' — «часть сознания, которая сообщает вам насколько нравственно правильными и неправильными являются ваши действия»; 2) 'a feeling that something you have done is morally wrong' — «чувство, что вы совершили что-то неправильное с моральной точки зрения» [7, с. 389].

Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus предлагает всего одну дефиницию лексемы «conscience/совесть»: 'the part of you that judges how moral your own actions are and makes you feel guilty about bad things that you have done or things you feel responsible for' — «та часть человека, которая судит, насколько добродетельны его действия, и заставляет его чувствовать вину из-за совершенных

плохих поступков или же вселяет чувство ответственности за что-либо» [4, с. 315].

Существует и медицинское определение лексемы «conscience/совесть», предоставленное медицинским словарем “The American Heritage® Medical Dictionary”: ‘the part of the superego in psychoanalysis that transmits commands and admonitions to the ego’ — «часть супер-эго (Сверх Я) в психоанализе, которая передает команды и замечания эго (Я)» [9, с. 97].

Таким образом, ядерной семой исследуемой лексемы «conscience/совесть» является ‘оценка наших действий’. Околоядерной семой — ‘моральная ответственность, принципы, управляющие мыслями и действиями’. Периферийные семы лексемы «conscience/совесть» — 1) ‘осторожность действий и мыслей’; 2) ‘добросовестность и усердие’.

Проведенный анализ словарных дефиниций позволил представить концепт «conscience/совесть» четырьмя фреймами: совесть — оценка наших действий; совесть — моральная ответственность, принципы, управляющие мыслями и действиями; осторожность действий и мыслей; добросовестность и усердие.

Однако пословицы и поговорки объективируют только два фрейма, каждый из которых представлен слотами.

Под фреймом мы понимаем многокомпонентный концепт, представляющий собой совокупность стандартных знаний о предмете, явлении и ситуации.

Слот — это составляющая фрейма, характеризующая некоторое свойство или связь описываемого фреймом понятия или объекта.

Фрейм 1 «Совесть — оценка наших действий». Совесть в английских пословицах является оценщиком наших действий, анализирует их и помечает как правильные и ошибочные. Данный фрейм представлен четырьмя слотами.

Слот № 1. «Чистая совесть — спокойствие и счастье». Согласно английской мудрости, человек с чистой, неопороченной совестью всегда спокоен, так как его не мучают угрызения и страх расплаты за свои бесчестные поступки.

Clear conscience never fears midnight knocking. — Чистая совесть никогда не испугается ночного стука в дверь. A quiet conscience sleeps in thunder. — С чистой совестью и в грозу спит. A good conscience is a constant feast. — У кого совесть чиста, тот может спать спокойно.

Англичане уверены в том, что чистая совесть приносит спокойствие и умиротворение в душу человека, наполняя его силой и счастьем, делая неуязвимым для врагов.

*A clear **conscience** is the greatest armor. — Чистая совесть — лучшая броня. A clear **conscience** shines not only in the eyes. — Чистая совесть сияет не только во взгляде. A clear **conscience** laughs at false accusations. — Чистая совесть смеется над клеветой.*

Совесть в английском языковом сознании служит семенем, которое зарождает в душах людей добро, делая их честными, отзывчивыми и искренними.

***Conscience** is the nest where all good is hatched. — Совесть — это гнездо, в котором зарождается все хорошее.*

Слот № 2. «Нечистая совесть — страх и бессонница». Данный слот демонстрирует нам совесть, запятнанную какими-либо бесчестными поступками людей, которые впоследствии не находят покоя, даже во сне.

*A guilty **conscience** is a self-accuser. — Нечистая совесть спать не дает.*

Нечистая совесть, согласно следующим примерам, очень часто отождествляется с очень опасным, назойливым врагом, который способен погубить своего хозяина.

*An evil **conscience** breaks many a man's neck. — Нечистая совесть многих сгубила. A guilty **conscience** feels continual fear. — Виновная совесть испытывает непрерывный страх. A guilty **conscience** is a hidden enemy. — Виновная совесть — невидимый враг. A **guilty conscience** is a lively enemy. — Виновная совесть подобна реальному врагу.*

Слот № 3. «Угрызения, мучения совести». Все мы сталкивались с угрызениями совести, когда какое-то непонятное, угнетающее чувство не дает расслабиться, нагоняет дурные мысли и порой даже доводит до депрессии и нервного срыва.

Следующая поговорка сравнивает совесть с собакой, которая грызет человека не физически, а морально, тем самым не давая покоя его мыслям.

***Conscience** is the dog that can't bite, but never stops barking. — Совесть, как собака, которая не может укусить, но никогда не перестает лаять.*

Иногда совесть не успевает донести до человека всю ошибочность его действий, но внутренний голос, вызывающий с укором к своему хозяину, неизменно будет напоминать ему о совершенном злодеянии или же о постыдном бездействии.

***Conscience** is what tells you not to do what you have just done. — Совесть — это то, что говорит вам не делать того, что вы только что сделали.*

Периодически совесть просто не способна удержать человека от совершения чего-то неприемлемого, но в дальнейшем она все равно заставит его пожалеть о содеянном, значительно мешая ему наслаждаться результатом своих прегрешений.

Conscience doesn't always keep you from doing wrong, but it does keep you from enjoying it. — Совесть не всегда удерживает от совершения неправильных поступков, но при этом не дает наслаждаться ими.

Слот № 4. «Ценность совести». Под ценностью мы понимаем важность, значение совести в жизни человека. Совесть, несомненно, дороже денег, так как она — часть внутреннего мира человека, которая направляет его на путь истинный, мешает ему брать грех на душу и старается предотвратить превращение своего хозяина в бесчужденное, алчное существо.

Именно поэтому англичане в своём сознании, отражённом в пословицах и поговорках, придают совести огромное значение и, несмотря на популярность и желанность денег во все времена, ставят ее на первое место.

A clear conscience is far more valuable than money. — Чистая совесть дороже денег. A good conscience is better than a big wage. — Хорошая совесть лучше, чем большая зарплата. The best asset is a clean conscience. — Чистая совесть — ценнейшее имущество.

Хорошая совесть в языковом сознании англичан расценивается дороже мудрости, которая сама по себе является настоящим богатством для каждого человека.

Better a good conscience without wisdom than wisdom without a good conscience. — Лучшее хорошая совесть без мудрости, чем мудрость без хорошей совести.

Фрейм 2. «Совесть — моральная ответственность, принципы, управляющие мыслями и действиями». Данный фрейм демонстрирует совесть с точки зрения моральных принципов нашего общества, как бы отождествляя ее со сводом законов, который руководит нашими действиями и за проступки нещадно наказывает нас.

Слот № 1. «Совесть — главный свидетель». Неудивительно, что люди с давних времен считают совесть главным свидетелем человеческих поступков, ведь она является нашим постоянным сопровождающим и не позволяет нам спокойно совершать всевозможные проступки.

Conscience is as good as a thousand witnesses. — Совесть — тысяча свидетелей (Proverb/пословица). Conscience is the chamber of justice. — Совесть — зал правосудия.

Совесть как свидетель всех наших злодеяний является невозмутимым очевидцем, которого невозможно подкупить и обвести вокруг пальца. Кроме того, человек с нечистой совестью, даже будучи не осужден людьми, не сможет избежать морального наказания, так как совесть не позволит ему остаться безнаказанным ни при каких условиях.

*A guilty **conscience** needs no accuser.* — Нечистой совести обвинитель не нужен (Proverb/пословица). ***Conscience betrays guilt.*** — Совесть выдает вину (Proverb/пословица). *You can't kid your **conscience.*** — Невозможно обмануть свою совесть.

Слот № 2. «Совесть — верный советчик». В глубине души мы всегда точно знаем оценку всем нашим поступкам. Люди с давних времен называли совесть голосом нашей души: душа изначально чиста и не может подвигнуть человека на злодеяние.

Conscience is the voice of the soul. — Совесть — голос души.

Стоит отметить, что раз совесть — часть нашей души, то просто бессмысленно пытаться ее подчинить, ведь душа по определению свободна. Именно поэтому нам следует беспрекословно следовать велению совести. Она, несомненно, является нашим верным советчиком, так как является нашей частью, она советует нам не из корыстных побуждений, а исключительно в целях самосохранения.

Conscience cannot be compelled. — Совесть невозможно подчинить.

Слот № 3. «Совесть как проявление искренности и честности». Совесть довольно часто считается носителем правды, так как люди верят, что она способна удерживать человека ото лжи.

Conscience is only another name for truth. — Совесть — второе имя правды.

Слот № 4. «Отсутствие совести как нравственного мерила». К сожалению, люди способны игнорировать свою совесть и даже полностью подавлять ее. В процессе совершения каких-либо злодеяний, бесчестных поступков или же при полном безразличии к проблемам ближних голос совести в постоянных безуспешных попытках воззвать к светлой стороне человека постепенно затихает. В поисках лучшей жизни мы беспощадно убиваем нашу совесть и становимся рабами нашего благополучия.

*The belly does not have a **conscience.*** — У живота нет совести.

Проанализировав материал нашей картотеки, мы пришли к выводу, что представления о совести в английских пословицах связаны с нравственной оценкой человеческих поступков. Все содеянное проходит

через призму нашей совести, делится на плохое и хорошее, а затем наступает наказание за совершенные проступки.

Список литературы:

1. Аверина М.А. Представление о красоте в русских и английских поговорках // М.А. Аверина, И.Г. Петер // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2013. — № 25. — С. 105—111.
2. Петер И.Г. Вербализация концепта «joy/радость» в английских поговорках / И.Г. Петер, К.С. Шишкова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 32. — С. 84—90.
3. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. 2004.
4. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2009. — 1852 p.
5. Collins English Dictionary. Collins, 2011. — 1900 p.
6. Hawker, S. Oxford Dictionary & Thesaurus of Current English/ S. Hawker. Oxford University Press, 2007. — 507 p.
7. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. Merriam-Webster, 2007. — 2016 p.
8. Random House Kernerman Webster's College Dictionary. Random House, 2010.
9. The American Heritage Medical Dictionary. Houghton Mifflin company (COR), 2008. — 599 p.

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Болдырева Светлана Ивановна

*канд. филол. наук, профессор кафедры теории и практики перевода
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
РФ, г. Калининград
E-mail: sboldyрева@mail.ru*

Семенова Елена Павловна

*канд. филол. наук, ассистент кафедры лингвистики
и лингводидактики
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
РФ, г. Калининград
E-mail: waiFY@mail.ru*

LANGUAGE AND TIME

Svetlana Boldyreva

*candidate of Philological Sciences, Professor of translation theory and
practice department of I. Kant Baltic Federal University of Russia,
Russia, Kaliningrad*

Elena Semenova

*candidate of Philological Sciences, teaching assistant of linguistics
and language education department
of I. Kant Baltic Federal University of Russia,
Russia, Kaliningrad*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу эволюционности развития языка, изучение которого позволяет выявить социолингвистические факторы, влияющие на язык и вызывающие его изменение, что в свою очередь позволит глубже понять процессы взаимодействия человека с окружающим его миром. Основное внимание авторы акцентируют на выделении наиболее продуктивных способов пополнения лексического состава современного английского языка.

ABSTRACT

The article looks at the evolution of the language with the aim to reveal some sociolinguistic factors affecting the language and bringing about change that in its turn can give the insight into the ways of human interaction with the outside world. The authors mainly focus their attention on determination of the most productive ways of word formation in modern English.

Ключевые слова: языковая картина мира; языковой социум; эволюционность; прескриптивность; креативность; лингвистический пуризм; вариативность.

Keywords: linguistic view of the world; language environment; evolutionism; prescriptivism; creativity; linguistic purism; variation.

Язык, как точно подметила Анна Соуханова, американский лексикограф, это бескомпромиссное зеркало, в котором без ретуши отражены мысли, чувства, мечты, успехи и чаяния людей [3, с. 133]. Язык — не свод грамматических правил, а отражение времени: он впитывает, адаптирует и развивается. Мы — это то, что мы говорим или как мы говорим. Язык может являться катализатором изменений, и эти изменения, и связанное с ним событие, становятся единым целым, маленькой частицей национальной языковой картины мира, которая, как и язык, постоянно эволюционирует, отражая изменения языкового социума.

Вышедший впервые в 2003 году и затем регулярно издающийся “Language Report”, «Слова года» и подобные публикации фиксируют появление в речи новой лексики. Эти слова заслуживают внимания, несмотря на то что какие-то из них, возможно, не закрепятся в языке и не будут в дальнейшем внесены в авторитетные словари. Они — дыхание времени, слепок момента. Так, 2004 год (развивающийся конфликт в Ираке) неизбежно пополнил словарь, связанный с войной: *embeds*, *mouseholing*, *decapitation exercise*; именно тогда появилось новое глагольное сочетание *sexing up* (приукрашать) в отношении досье по Ираку как попытку усилить угрозу, что стало означать ненадежность информации, своего рода фальсификацию. В дальнейшем этот фразовый глагол закрепился в языке и стал употребляться в самых различных контекстах - от преобразования поп-див до научно-популярных статей. Интересно отметить, что в 2010 году получил широкое распространение бленд *to sext* (sex+text) — посылать СМС сексуального характера.

Каждое десятилетие отмечено выдвиганием на первый план лексики, сама частотность которой связана с наиболее значимым событием или явлением того времени — 1940—49 годы: *antibiotic, apartheid, atom bomb, cold war, Gulag, TV, Big Brother, brainwashing*; 1950—59: *beatnik, nuclear disarmament, seatbelt, UFO, fast food, psychedelic, sexy*; 1960—69: *flower children, generation gap, miniskirt, reggae*; 1970—79: *Big Mac, Watergate, green, F-word, punk, detox, karaoke*; 1980—89: *email, glasnost, latte, Prozac, road rage, spin doctor, velvet revolution, virtual reality, double-click*; 1990—99: *blog, Botox, dotcom, ethnic cleansing, Google, text message*; 2000—2010: *axis of evil, chav, SARS, bird flu, 9/11, footprint, Ground Zero, podcasting, biosecurity, simples, Chindonesia, tweetheart, Lib-Con, to twitter, wikiLeak, reset, etc.* Слова — действительно «слепки времени», это подтверждает и эксперимент, проведенный в одном из университетов Великобритании: студентам предложили определить, к какому периоду за последние 200 лет относятся произвольно отобранные слова из пяти отобранных десятилетий, и 80 % слов были точно идентифицированы во временном континууме [4, с. 15].

Изменения (эволюционность развития языка) — один из лингвистических фактов, которые нельзя ни остановить, ни отменить, но можно научиться понимать. Бесплезно и непродуктивно рассматривать этот процесс как ухудшение (деградацию) или улучшение языка. Изучение изменений позволяет глубже понять процессы взаимодействия человека с окружающим его миром, так как язык вербализирует, конституирует процессы, события и явления, происходящие в определенном языковом социуме — ведь язык не может существовать вне людей. Разумеется, каждый язык — это уникальная самонастраивающаяся система, тесно связанная с национальными, культурными особенностями и, в этом смысле, это открывает перед исследователем возможности на фактическом, осязаемом материале отследить, что стоит за этими изменениями.

Английский язык, что общеизвестно, относится к аналитическим языкам, что во многом определяет и пути его изменений. Сами британцы снискали репутацию мастеров парадоксов, banter (дружеского подшучивания) и вербальной шутки, именно благодаря этой потенции языка. В популярном журнале ABC Magazine [1] была помещена статья: *Do you think English is easy?*, где приводятся некоторые примеры сложных для изучающих английский язык случаев конверсии, чрезвычайно продуктивного способа словообразования в английском языке, или омонимии: *The bandage was wound around the wound; The farm was used to produce; I do not object to the object; The wind is*

too strong to wind the sails; Since there is no time like the present, he thought it was time to present the present. Или, например, ряд слов с неясной этимологией, что, как считает автор статьи, (к сожалению, имя автора не указано) делает английский язык «сумасшедшим» (*crazy*): *eggplant* (баклажан) — никак не связано с яйцом; *pineapple* (ананас), где нет ничего общего ни с яблоком, ни с сосной; *sweetmeats* (сладости, конфеты) — ничего мясного; *sweetbreads* (бараньи мозги) — и не хлеб, и не сладкие; *ship by truck and send cargo by ship* — таких парадоксов много.

Креативность — одна из отличительных черт языка и, в частности, английского языка. По наблюдениям исследователей и лексикографов, за двадцатое столетие Оксфордский словарь английского языка пополнился приблизительно 90 000 новых слов, что составляет около 900 новых слов или слов, изменивших своё значение, в год, однако на самом деле таких слов значительно больше, просто многие из них не закрепляются в языке и исчезают из употребления, не успев пройти тест временем и быть зарегистрированными словарями [3, с. 25]. Такой низкий процент выживаемости не уменьшает их значимости как маркеров своего времени. Исчезают те слова, которые искусственно «насаждались», были данью моде, а мода, как известно, переменчива. Практически, только около 1 % всех новых слов создаются «с нуля» [5, с. 1], а 891 из 900 — некая адаптация уже существующих слов, которые появляются как ответ на вызовы нового времени. Так было не всегда. На определенном этапе развития английского общества доминирующим был принцип прескриптивности, некий лингвистический пуризм, основывающийся на двух основных ограничениях: всегда делай (говори) так, никогда не делай (не говори) так [2, с. 104]. Жесткие нормы четко регламентировали речевое поведение и в XVIII—XIX века. Но менялось английское общество, и вместе с ним менялся и язык. Мультиэтничность современной Великобритании не могла не отразиться на современном языке: это и заимствования, и вариативность в произносительных нормах и орфографии (считается, что около 25 % всех слов в английском языке имеют вариативное написание [2, с. 165], и упрощающаяся грамматика. Количество людей, говорящих на RP-произносительном стандарте (королевском английском) упало до 3 % [2, с. 176], а почти 96 % населения Британских островов говорят с ощутимыми региональными вкраплениями. Однако лингвистическая вседозволенность — это другая крайность, которая может привести к хаосу и, в итоге, к непониманию. Где же та грань, которая позволяет отличить правильное от неправильного, ведь понятие правильности тоже эволюционировало: со временем меняется и сам критерий правильности, так как правильность

в языке — понятие условное. Но вариативность не беспредельна и, вероятно, здравый смысл и время — это те незримые критерии, которые регулируют процессы языкотворчества.

Одним из наиболее очевидных факторов, оказывающих значительное влияние на современный английский язык, является всё убыстряющийся темп жизни. Развитие новых технологий общения не могло не сказаться на самом языке общения: возникая сначала в речи, в виртуальном языке (чаты, смс-сообщения, email-сообщения), новые варианты слов (легко узнаваемые сокращенные слова-аббревиатуры или так называемые усеченные слова) проникают в язык журналов, газет, объявлений, рекламы, язык художественной литературы как средство характеристики персонажа, как реалии времени. Они позволяют экономить время и средства, создают эффект лаконичности, и все это требование настоящего времени. Таких единиц все больше и больше: *mag* (*magazine*), *grads* (*graduates*), *aps* (*applications*), *celebs* (*celebrities*), *subs* (*substitute teachers*), *vamp* (*vampire*), *paps* (*paparazzi*), *exec* (*executive*), *tots* (*toddlers*), *perve* (*pervert*), *pics* (*pictures*), *ciggy* (*cigarette*), *teli* (*TV*), *footie* (*football*), *cuppa* (*cup of*), *semi* (*semi-detache*), *chims* (*chimpanzee*) *demo* (*demonstration*) *info* (*information*), *peeps* (*people*), *nicks* (*nick name*), *doc* (*document*) — список можно было бы продолжить.

Современные акронимы и бленды тоже отражают стремление к компрессии, экономии времени, некоторые из них являются своеобразными директивами-клише делового общения; среди них можно выделить и частотные акронимы виртуального общения: TIC (*taken into consideration*), HEW (*high earning worker*), SEP (*someone else's problem*), TATT (*tired all the time*), RIF (*reduction in force*), IRL (*in real life*), IPOD (*insecure, pressured, overtaxed and debt-ridden generation*), FID (*fully involved dad*), Neets (*not in education, employment or training*), LBD (*little black dress*), LOL (*lots of love*), TIP (*theory into practice*), Chav (*council housed and violent*), FILO (*first in, last out*), B2B (*business-to-business*), B2B (*back-to-back meetings*), P2P (*peer-to-peer*).

Среди современных блендов преобладают слова, отражающие значимые для данного времени явления или то, что получает распространение в связи с развитием новых технологий. Это и *globesity* (*global+obesity*) — действительно проблема многих стран, связанная с нездоровым питанием и избыточным весом; *frienemy* (*friend+enemy*) — ненадежный друг, способный предать тебя (падение моральных ценностей в мире, где многое определяется выгодой); *buttlegging* (*butt+legging*) — контрабанда сигарет, нелегальный бизнес, набирающий оборот в результате возросших акцизов; *schooligan*

(*school+hooligan*), свидетельствующий о поведенческих проблемах детей в школах, что тоже является реалией сегодняшней Великобритании, *funemployment* (*enjoying being unemployed*) — новое коалиционное правительство начинает проводить реформы по сокращению социальных расходов и, в качестве аргумента, приводит примеры семей, где никто не работает, но, порой, эти люди живут в лучших жилищных условиях на различных социальных пособиях, не предпринимая попыток заработать на жизнь; *waparazzi* (*wap{wireless application protocol}+paparazzi*) — люди, чаще всего молодые фанаты, преследующие своих кумиров и фотографирующие их на мобильники; *scrapbook*, *scrapclasses*, *scrapoetry* — многомиллионная индустрия, появившаяся сначала в США, успешно развивающаяся в Великобритании (*scrap* — разновидность блога); *intoxiccate* — отвлекаться от управления автомобилем, набирая СМС; *hypnodiet* — использование гипноза с целью изменения отношения к еде (борьба с избыточным весом или анорексией), относится к современным методикам лечения, актуальным в связи с распространением подобных расстройств; *bigotgate* (*bigot+gate*) — связанная с политической ошибкой Г. Брауна, которая стоила ему политической карьеры, когда, не отключив микрофон, он уничижительно отозвался (*bigot* — фанатичка) о стороннице Лейбористской партии, задавшей ему неудобный вопрос; *fauxmance* (*faux+romance*) — вымышленные любовные отношения двух известных людей, *bromance* (*brother+romance*) — близкие, но не сексуальные отношения; *christmasholic* (любитель до изнеможения делать покупки во время рождественских скидок).

Еще одним продуктивным способом пополнения словаря является конверсия — образование новой части речи, что также является отличительной чертой английского языка, например, N-V: *gift - to gift*, *celeb - to celeb*, *office - to office*, *version - to version*, *wife - to wife* (глагол имеет уничижительный оттенок значения — преуменьшать роль и социальную значимость женщины в обществе), *guilt - to guilt*, *black-hole - to black-hole*, *catastrophe - to catastrophize*, *surface - to surface*, *journal - to journal*, *solution - to solution*, *to ad-hoc*, *to freewrite*, *agree - agreeance*, *dialogue - dialoguing*, *leadersip - leadersipping*, и V-N: *to ask - an ask*, *to spend - a spend*, *to pour - a pour*, *to top up - top up*. Ещё одним способом пополнения словаря является словотворчество, в основе которого лежит использование существующего слова в комбинации с частью другого слова: *chic - councilchic*, *shabby chic*, *chip-shop chip* — где добавленный элемент *chic* придает ироничный оттенок всему

сочетанию; *wash* (намеренно изменять внешний вид чего-то, по модели *whitewash* — обелять, приукрашать): *to blackwash (to disclose)*, *to bluewash* (grant retrospective legitimacy to an illegal occupation), *to gold wash* (like spraying with gold); *lite* (indicating a small degree of something): *interview — lite, grief-lite, laughter-lite*. Словотворчество, порой, не имеет границ: термин *Google*, зарегистрированный в Оксфордском словаре в 2006 году как название поисковой системы, практически сразу конвертировался в глагол *to google* («загуглить»), вскоре появилось прилагательное *googlable* (*How **googlable** are you?*), существительное — *googler* и абстрактные существительные *googleability* — *ungoogleability* и еще одно прилагательное *googlicious*.

Другим свидетельством социокультурных изменений, которые находят свое отражение в языке, является смена тематики «социально чувствительных тем», эвфимизация как средство смягчения или уклонения от прямой номинации. В современном мире осталось значительно меньше таких зон: это смерть, болезнь, бранные слова (в письменной речи), однако остаётся ряд общественно значимых тем, требующих деликатного обращения, что достигается с помощью политически корректной лексики. Это война и военные конфликты, терроризм, и последняя в списке, но не менее важная тема сегодняшнего дня, — глобальный экономический кризис. Воистину, слова — слуги времени и политики: так, для оправдания ввода войск в Ирак война была представлена как: *moral crusade, war on terror*, против *axis of evil, a threat to homeland security, constructive engagement* (участие союзников в войне), *unlawful combatant* (prisoner of war), *degrading, deconflicting, attriting* (killing), *detainee* (typically object of torture, abuse, mistreat).

В политическом дискурсе политическая корректность — основа дипломатии: *avoidance of truth (lying), civil pioneers and new localism, full and frank discussion or robust exchange* — примеров множество. По-прежнему остается в списке «социально чувствительных» тема безработицы: *RIF — reduction in human force, BPO — business-process outsourcing, downsizing, managing across the matrix, knowledge acquisition (training), austerity measures (job cuts, taxes rise, cuts of social spending), bailing out (giving loans)*.

Язык чутко и оперативно реагирует на эмоциональные запросы общества: в условиях занятости, постоянного стресса людям не хватает положительных эмоций, и это компенсируется благозвучием, мелодичностью, просодическими средствами. Они всегда существовали в английском языке, но в последние десятилетия их количество значительно увеличилось. Речь идет о своеобразных клише-дуплетах,

структура которых может отличаться, но по функции они близки. Рассмотрим некоторые модели: **N and N**: *Pins and needles, fun and games, tongue and cheek, tear and wear, doom and gloom, chip and pin, cheat and fraud, bits and bobs, stuff and nonsense, bells and whistles, winos and junkies, boosts and busts, kith and kin, skin and bone, son and heir, body and soul, bread and butter, dribs and drabs, foot and mouth, health and wealth, part and parcel, highways and byways, sticks and stones, ups and downs*; **V and V**: *cash and carry, walk and chew, name and shame, wine and dine, hire and fire, stare and care, bake and bite, bubble and squeak, come and go, give and take, hue and cry, kiss and tell, kiss and make up, open and shut, touch and go, wiggle and snuggle, tax and spend, wheel and deal, huff and puff*; **Adj and Adj**: *black and white, nice and clean, nice and warm, near and dear, cold and old, fair and just, pure and simple, pink and fluffy, straight and narrow, lean and mean, tired and true, cheep and cheerful, sick and shabby, high and dry, fair and square, fast and furious, foxy-noxy, super-duper, pally-pally, wishy-washy, neaty-picky, arty-farty, touchy-feely, airy-fairy, higgely-piggely, teeny-weeney, hanky-panky, itsy-bitsy, willy-nilly, dilly-dally, shilly-shally, riff-raff*.

Есть дуплеты, состоящие из предлогов, хотя эта группа немногочисленна: *to and fro, up and down, over and over, off and on, in and out, out and about, on and on*.

Есть бессоюзные дуплеты или связанные союзом: *to flip-flop, mish-mash, riff-raff, ship-shape, you snooze, you lose, make or break, tears for fears, top notch, sink or swim, fight or light, see-saw, matchy-matching* — можно привести целый ряд примеров. Используемая в таких сочетаниях аллитерация, ассонанс, прием редупликации — все это вызов скуке, бунт против условности, некая «бездумность», легкость; порой, это способ смягчить высказывание, это язык сегодняшнего дня.

Список литературы:

1. ABC Magazine. Birkshire, 2010. № 10.
2. Crystal D. The Fight for English N.Y., 2007.
3. Dent S. The Language Report. N.Y., 2004.
4. Dent S. The Like, Language Report for Real. N.Y., 2006.
5. Dent S. Words of the Year. N.Y., 2008.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Борсук Людмила Франковна

ассистент

Тернопольского национального экономического университета,

Украина, г. Тернополь

E-mail: borsuk.lyudmila@ukr.net

PARADIGMATIC AND SYNTAGMATIC PECULIARITIES OF ENGLISH BANKING TERMINOLOGY

Lyudmila Borsuk

assisant of Ternopol National Economical University,

Ukraine, Ternopol

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному изучению парадигматических и синтагматических особенностей английской банковской терминологии. Исследование парадигматических и синтагматических особенностей английской банковской терминологии в различных конstellациях дало возможность образовать пять типологически значимых групп: простые термины, аффиксальные термины (дериваты), термины-композицы, термины-словосочетания и термины-аббревиатуры.

ABSTRACT

The article deals with comprehensive study of paradigmatic and syntagmatic features of the English banking terminology. The study of paradigmatic and syntagmatic features of English banking terminology in various constellations, made it possible to form five typologically important groups: simple terms, affix terms (derivatives), terms-composites, terms combinations and abbreviations.

Ключевые слова: парадигматические и синтагматические особенности; английская банковская терминология; структурно-грамматический тип; синонимия; полисемия; омонимия; банковский дискурс.

Keywords: paradigmatic and syntagmatic peculiarities; English banking terminology; structural and grammar type; synonymy; polysemy; banking discourse.

Системность языковых единиц базируется на различных семантических связях и обобщается двумя типами — парадигматическими и синтагматическими. Если синтагматические связи являются внешними по форме и эксплицитными, то парадигматические связи принадлежат к внутренним и являются имплицитными. Диалектика когнитивной и коммуникативной парадигм выходит на одно из приоритетных мест в современной лингвистической науке (Н.В. Бардина [1], В.И. Карасик [2], И.М. Колегаева [3, с. 102—107], А.М. Приходько [4], А.А. Селиванова [5], И.С. Шевченко [6] и др.). Осознание этого по отношению к дискурсивно-текстовому континууму позволяет изучить вербальные аранжировки деловых текстов (в т. ч. и банковских) под углом зрения когнитивно-коммуникативной парадигмы знания с учетом таких факторов, как мультидисциплинарность, конвенциональность, экспланаторность и т. п. Эти и другие аспекты когнитивно-коммуникативного направления применяются в современном терминоведении.

Особое место занимают исследования лексикографической репрезентации терминологических единиц, их номинативной природы в плоскости когнитивной деятельности, использованной в профессиональной коммуникации и в дискурсивных практиках (N. Asher, P. Denis [7], L. Trimble [8], D. Tuggy [9, p. 343—368], A. Tyler и V. Evans [10, p. 74—77] и др.) Исследование англоязычной банковской терминологии (далее — АБТ) стимулировалось прежде осознанием того факта, что, несмотря на наличие отдельных работ соответствующей тематики, ее когнитивно-коммуникативная природа все еще не нашла своего удовлетворительного освещения.

Решение этого вопроса требует изучения банковской терминологии на основе и принципах общенаучной методологии (индукция и дедукция, конвергенция и дивергенция, анализ и синтез, учёт формы и содержания), а также ее лингвистически релевантных рефлексий (система и структура, парадигматика и синтагматика, ономазиология и семасиология, статика и динамика). В контексте указанных категорий термин выступает как особое слово или словосочетание, номинирующее понятия определенной области знания и/или деятельности и отличающееся от других номинативных единиц однозначностью, точностью, системностью, стилистической нейтральностью, краткостью, независимостью от контекста, которые

обусловлены процессами нормирования и стандартизации. Таким образом, термин является специальным знаком, предназначенным для осуществления профессиональной коммуникации в области гуманитарного или научно-технического знания, связанного с определенной субкультурой.

АБТ является неотъемлемой составляющей банковского дискурса — одного из представителей институционального дискурса. Дискурс является лингвосоциокультурным образованием, имеет потенциал в устном и письменном общении субъектов и объектов банковской деятельности при реализации ими своих социорольевых отношений. Таким образом, банковский дискурс отражает адресантно-адресатную конфигурацию участников общения — агентов (банковские работники) и клиентов (пользователи банковских услуг). Банковский дискурс неразрывно связан с языковой и концептуальной картиной делового мира, которая, репрезентируясь лексическими единицами разного категориального статуса, имеет своим стержнем терминосистему. Она представляет собой иерархически организованную совокупность автосемантических лексических единиц для обозначения специфических профессиональных понятий в сфере банковской деятельности: *issuer*; *fixed income*; *fiduciary*. Когнитивно-коммуникативное исследование АБТ в контексте новейших достижений терминоведения обусловило ее рассмотрение в единстве номинативного и функционально-коммуникативного начал.

Во-первых, находясь в поле парадигматики языка, АБТ позволяет делать обобщения относительно ее семасиологических и ономасиологических свойств. Во-вторых, касаясь синтагматики речи, предполагает рассмотрение функционально-полевой организации и жанрово-дискурсивной специфики АБТ. Семасиологические свойства АБТ коррелируют с ее структурно-грамматическими параметрами, задаваемыми словообразовательным по форме и гетерогенным по сути алгоритмом, поскольку он опирается на ряд средств (аффиксация) и способов терминообразования (безаффиксальная деривация). Соединяясь между собой в различных констелляциях, они образуют не менее пяти типологически значимых групп: простые термины, аффиксальные термины (дериваты), термины-композиаты, термины-словосочетания и термины-аббревиатуры: *loan*; *credit*; *investor*; *creditor*; *bank-issued medium-term loan*; *non-investment-grade*; *IB* — *international Banking*; *IMF* — *International Monetary Fund*.

Среди них самой многочисленной является группа терминов-словосочетаний, образованных комбинацией двух и более слов. При этом двух- и трехкомпонентные АБТ являются наиболее продуктивными, тогда

как частотность словосочетаний с более чем тремя компонентами начинает резко убывать, останавливаясь на отметке «шесть», после которой не зафиксировано ни одной терминологической единицы. Категориальное наполнение и характер синтаксической связи между компонентами терминов-словосочетаний позволяет говорить об определенных паттернах их конституирования — морфосинтаксической модели и субмодели. Между структурным типом модели и количеством построенных по его образцу словосочетаний устанавливаются отношения асимметрии: чем больше структурных компонентов имеет определенная словообразовательная модель, тем меньше терминов строится по ее образцу.

Структурные модели терминов-словосочетаний являются релевантными и для морфосинтаксического моделирования терминов-композигов, но последние имеют существенные различия грамматического порядка: их компоненты не могут присоединять флексии, образовывать степени сравнения прилагательных, подвергаться транспозиции. Термины-композигов делятся на синтаксические, асинтаксические, эндо- и экзоцентрические, которые, в свою очередь, могут быть именными, прилагательными и предложными.

Исследуемый эмпирический материал свидетельствует, что наиболее распространенными являются композиты существительные. В сфере банковских терминов аффиксального типа (суффиксальные, префиксальные, суффиксально-префиксальные) доминирует суффиксальная деривация (например, *-ing* — *funding*, *-tion* — *intermediation*, *-ment* — *management* и др.). Главная семантическая нагрузка заключается в выражении прежде всего таких смысловых компонентов, как «качество» и «абстрактность». Среди префиксальных дериватов продуктивными являются термины на: *re* — *retransaction*, *sub* — *subdivision*, *out* — *outsourcing*, *in* — *indirect finance*, которые имеют склонность к сочетаемости с мотивирующими основами существительного и глагольного типа.

Среди структурно-грамматических типов терминообразования особое место принадлежит аббревиатуре, что имеет тенденцию все большего распространения. На интенсивность использования аббревиатур в сфере банковской терминологии влияют такие факторы, как информационная экспансия, эргономика труда и экономия языковых ресурсов.

Второй ипостасью номинативного потенциала АБТ является ономазиологический аспект, который коррелирует с ее лексико-семантической спецификой. Последняя связана с явлениями синонимии, полисемии и омонимии, в пределах каждого из которых

определенную значимость приобретают морфологические и семантические факторы. Хотя ученые и отрицают наличие указанных явлений в области терминологии, они являются не только объективной данностью в сфере англоязычного банковского дискурса, но и характеризуются двумя ипостасями своего бытования — дивергентным и конвергентным. Дивергентный фактор номинативного потенциала АБТ коррелирует с синонимией.

Синонимия, имея интралингвальные истоки, способствует сознательному выбору языковых средств для точного обозначения понятия там, где существующая единица первичной номинации не «справляется» с отражением или нюансированием определенных узкоспециализированных смыслов. На фоне значительного количества терминологических узуальных синонимов в англоязычном банковском дискурсе преобладают частичные синонимы, особенно активно они используются в тех текстах, где говорится о собственно финансовой информации, приводятся статистические данные и рекламируются банковские услуги.

Конвергентный фактор номинативного потенциала АБТ сопряжен с явлениями полисемии и омонимии, которые обусловлены экстралингвальными причинами (например, стремительным развитием отдельных отраслей знания). Полисемия в АБТ бытует в рамках общеязыковой тенденции к формированию вторичных значений на базе метонимии и метафоры: *bear — a dealer on a stock exchange, currency market who expects prices to fall; Blue button — a trainee stockbroker on the London Stock exchange who can be distinguished by the small blue button badge worn in the lapel*. При этом между внутренней формой термина и его способностью быть многозначным существует четкая коррелятивная зависимость: чем меньше количество компонентов термина, тем больше вероятность его полисемичности. Многокомпонентным терминам в англоязычном банковском дискурсе, как правило, не свойственна полисемия.

Другой закономерностью является корреляция между количеством значений и их употреблением: наиболее употребительными являются термины, имеющие по два-три значения. Несмотря на то что омонимия возникает в АБТ на почве полисемии при ослаблении общего семантического компонента, она, во-первых, гораздо менее распространена и, во-вторых, ограничена только своей межотраслевой разновидностью — тем, что не создает когнитивного диссонанса и, соответственно, коммуникативных сбоев при профессиональном общении клиентов и агентов англоязычного банковского дискурса: *access — a right to use banking services; a right to make deposits to or withdrawals from a bank account*.

Конвергентные и дивергентные факторы обеспечивают гибкость и динамичность банковской терминосистемы. Находясь в состоянии перманентного обновления, АБТ «утилизует» старые термины и усваивает новые. Основным способом пополнения терминологического корпуса является аккомодация, которая происходит в двух направлениях — приспособление общеупотребительной лексики к потребностям банковского дискурса и транстерминологизация. В последнем случае речь идет об «импорте» из другого дискурса определенного термина с его частичным или полным переосмыслением: *check* — *cheque*.

Наибольшее количество терминологических неологизмов в банковской сфере заимствовано из таких сфер, как информационные технологии, бухгалтерский учет и юриспруденция. Системная организация АБТ может быть представлена в виде терминологического (макро) поля, единицы которого соотносятся идеографически, находятся между собой в отношениях структурированности, множественности и иерархичности его конститuentов, упорядоченных по родо-видовому принципу, и образуют четыре микрополя: «Виды банковской деятельности» — *institutional services*, «Экономико-правовые основы банковской деятельности» — *injunctive relief*, «Риски банковской деятельности» — *risk volatility*, «Результаты банковской деятельности» — *letter of credit*. В каждом из четырех микрополей АБТ дифференцируются на ядерные, около- и удаленно-периферийные. Функциональная реализация терминологических единиц банковского дискурса разворачивается по определенным сценариям и сценам. Характерной чертой сценариев и сцен является соотнесенность с соответствующими микрополями, с их ядерными и периферийными зонами.

Наиболее активным, с большим количеством использованных единиц, является сценарий предоставления банковских услуг в микрополе «Виды банковской деятельности» и сценарий определения рисков в микрополе «Риски банковской деятельности». За каждым элементом главного сценария закреплена своя терминология, относящаяся к одной из идеографических групп.

В англоязычном банковском дискурсе концептуального статуса приобретают такие терминологические единицы, как *assets, exchange / foreign exchange, bank / banking, money, loan, fund, cash, value, ratio, securities, account, currency, credit, capital, payment, debt, risk, service, deposit, liability, margin, operation, expense(s), income*. Они релевантны как для динамики банковского терминообразования, так и для определения когнитивной карты англоязычного банковского дискурса.

Динамика использования АБТ в одноименном дискурсе связана с его когнитивно-коммуникативным пространством, определенного

рода жанрово-речевой стратификацией. Речь идет как минимум о трех специфических для него жанрах — профессиональном, академическом и публицистическом. Каждый из них конституируется определенным набором реальных текстов, созданных по алгоритму соответствующих текстовых типов, среди которых фигурируют ведущие и второстепенные. К ведущим текстам профессионального жанра относятся банковские отчеты, академического жанра — учебники по банковскому делу, публицистического жанра — статьи и сообщения в средствах массовой информации. Взаимодействуя между собой, дискурсивные жанры воспроизводят терминологическое единство англоязычного банковского дискурса, который реализуется через соответствующий текстовый континуум.

Использование АБТ в разных жанрах характеризуется интегральными и дифференциальными особенностями. К первым относятся высокий уровень стандартизации, преимущество простых терминов и терминов-словосочетаний, а также активное присоединение прилагательных, целью которых является смысловое выражение термина. Дифференциальные признаки жанрово обусловленного использования банковской терминологии проявляются в отсутствии синонимических параллелей, наличии полисемии и терминологически аккомодированной лексики (профессиональный жанр); в стилистической маркированности синонимических терминов (академический жанр); в наличии контекстуальных синонимических дублетов, преферентном употреблении простых именных терминов и терминов-словосочетаний с комплексными качественными прилагательными, что может сигнализировать об авторской модальности и определенного рода оценочности (публицистический жанр); в значительном количестве аббревиатур в профессиональном жанре и ограниченном их количестве в академическом жанре. Таким образом, англоязычные банковские термины — это языковые маркеры когнитивных структур мышления, с помощью которых происходит понимание текстов банковского направления, осуществляются процессы концептуализации мира.

Банковская терминология представляет собой разнообразные структурные модели, самыми многочисленными из которых являются термины-словосочетания. В аффиксальном терминообразовании АБТ главное место занимает суффиксация. Среди семантических особенностей релевантными выступают явления синонимии, полисемии и омонимии. Англоязычная банковская терминология выступает стержнем лексико-семантической системы в разных жанрах банковского дискурса. Предлагаемый анализ АБТ свидетельствует о перспективности синкретических когнитивно-функциональных исследований на пути к выяснению механизмов использования языковых и речевых

единиц в профессиональной коммуникации, к которой относится и банковский дискурс.

Перспективными в этой связи видятся также исследования лингво-семиотических, лингвокультурных и лингвопрагматических особенностей банковской терминологии в их экстраполяции, во-первых, на другие терминосистемы, во-вторых, на другие типы дискурсов и, в-третьих, на материалы других естественных языков. Все это может, в конечном счете, помочь более глубокому пониманию путей и способов вербальной аранжировки профессионального знания, а также постижению принципов и закономерностей делового общения в условиях межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Бардина Н.В. Языковая Гармонизация сознания / Н.В. Бардина. Одесса: Астропринт, 1997. — 271 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
3. Колегаева И.М. Изображение персонажного дискурса как жанрово детерминированное проявление коммуникативной вторичности в художественном тексте / И.М. Колегаева // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Х.: ХНУ, — 2010. — № 896. — Вып. 61. — С. 102—107.
4. Приходько А.М. Концепты и концептосистемы в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики / А.М. Приходько. Запорожье: Премьер, 2008. — 332 с.
5. Селиванова А.А. Современная лингвистика: направления и проблемы / А.А. Селиванова. Полтава: Окружающая среда, 2008. — 712 с.
6. Шевченко И.С. Основы теории языковой коммуникации: уч. пособ. / И.С. Шевченко. Х. : НУА, 2008. — 168 с.
7. Asher Nicholas Lexical Ambiguity as Type Disjunction / N. Asher, D. Pascal. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.wikipedia.org.
8. Trimble L. English for science and Technology. A discourse approach / L. Trimble. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 189 p.
9. Tuggy D. Linguistic evidence for polysemy in the mind: a response to William Croft & Dominiek Sandra / D. Tuggy // Cognitive Linguistics. 10-4. 1999. — P. 343—368.
10. Tyler A. Reconsidering Prepositional Polysemy / A. Tyler, E. Vyvan // Networks: The Ease of over. Louisiana : Language, 2001. — P. 74—77.

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РАССКАЗЕ П.Г. ВУДХАУЗА
«КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ ДЖИВЗ»
(P.G. WODEHOUSE “JEEVES TAKES CHARGE”)**

Захарчук Людмила Николаевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Старооскольского филиала
Воронежского государственного университета,
РФ, г. Старый Оскол
E-mail: l.zakharchuk@mail.ru*

**LANGUAGE BEHAVIOUR
OF THE PERSONAGES IN THE SHORT STORY
BY P.G. WODEHOUSE “JEEVES TAKES CHARGE”**

Zakharchuk Ludmila

*candidate of philological sciences, associate professor of Stary Oskol
branch of Voronezh State University,
Russia, Stary Oskol*

АННОТАЦИЯ

Контраст в речевом поведении двух главных персонажей анализируемого рассказа строится на противопоставлении подчеркнутой корректности речи (с использованием полных, часто развернутых предложений, отсутствием разговорных лексических элементов, выбором только литературной лексики и порой претенциозных выражений) одного из них и употребления разных языковых кодов (с применением архаизмов, жаргона, сленга и вульгаризмов) в речи второго, что становится источником тонкого юмора и иронии автора рассказа.

ABSTRACT

The language behaviour of the two main personages of the short story under analysis is contrasting, the contrast being based on the contradiction between the markedly correct speech of one personage (characterised by the usage of complete extended sentences, lack of colloquial elements, deliberate choice of literary linguistic units and sometimes pretentious lexis) and employment of different language codes by the other one (usage

of archaisms, jargon, slang, vulgarisms) which is the source of the author's subtle humour and irony.

Ключевые слова: языковая компетенция; социальная роль; языковая и речевая норма; жаргон; сленг; вульгаризмы; литературная лексика.

Keywords: linguistic competence; social role; language norm; speech norm; jargon; slang; vulgarisms; literary linguistic units.

Известно, что уровни языковой компетенции тесно связаны с социальным статусом человека. Языковая компетенция применительно к социальному статусу человека проявляется, в частности, в намеренной демонстрации степени владения языком [1, с. 49].

Один из главных персонажей рассказа П.Г. Вудхауза «Командует парадом Дживз» (и, в целом, серии рассказов П.Г. Вудхауза о Дживзе и Вустэре), аристократ Бертрам Вустер, по-видимому, обладает высоким уровнем языковой компетенции. Этот персонаж владеет разными языковыми кодами, свободно переключается с одного кода на другой в зависимости от той социальной роли, которую он принимает на себя в общении с другими персонажами (своим камердинером Дживзом, своей тетушкой, своей невестой (девушкой из высшего общества) и т. п.). Соответственно, в его речи, в целом выказывающей в нем человека, владеющего языковой и речевой нормой, встречаются архаические лексические элементы (например, *to sup* — (*old use*) *to eat (as) supper*), а также — во множестве — жаргонные лексические единицы, сленг (*swag* — (*sl*)*the goods obtained in a robbery*; *bob* — (*infml old-fash*) *a former British coin, the Shilling*; *old bean* — (*BrE old-fash sl*) *used to address a friend*; *to pip* — (*BrE infml*) *to beat narrowly in a race, competition, etc.*; *fruity* — (*BrE infml*) (*of talk or remark*) *amusing in a slightly shocking or impolite way, esp. about matters of sex*) и даже вульгаризмы (*absolute rot, pretty rotten, devilish, dash it*). Обилие сленга и жаргонных словечек в речи благородного джентльмена можно трактовать, по-видимому, с одной стороны, как указание на его высокий социальный статус, определенную свободу в выборе образа жизни, стиля речи. В этом выражается его известная независимость от окружающих, от их оценок и принятых в обществе стандартов. С другой стороны, это можно рассматривать именно как следование определенным стандартам, принятым в относительно узкой группе людей, к которой данный персонаж себя причисляет. Социолект служит символом групповой принадлежности. Непрестижные социолекты ассоциируются со сниженной речью,

а сниженная речь в мужских коллективах может выступать в качестве показателя мужественности (принцип «гиперкоррекции наоборот», когда намеренно избегаются любые показатели претенциозности) [Ор. cit., 42].

Включение элементов сленга и жаргона в речь данного персонажа, кроме прочего, становится средством создания эффекта иронии и юмора, что подчеркивается не только несоответствием между социальным статусом Вустэра и его речевым поведением в одних случаях, но и контрастом между выбранным автором литературным способом изложения (описания) и тривиальной (социально непрестижной) ситуацией, которую этот персонаж описывает, в других. Ср., например: *Time, the great healer, could never remove from my memory (fml) the occasion when he found me – then a stripling (lit) of fifteen – smoking one of his special cigars in the stables. He got after me with a hunting-crop just at the moment when I was beginning to realize that what I wanted most on earth was solitude (fml) and repose (fml), and chased me more than a mile across difficult country.*

Второй персонаж анализируемого рассказа, камердинер Дживз, на первый взгляд однозначно демонстрирует своим речевым поведением свою принадлежность к более низкому, чем Вустер, социальному классу, а также проявляет свое подчиненное по отношению к нему положение. Так, в рассказе «Командует парадом Дживз» имеет место, в основном, монолог Вустера (от его лица ведется повествование) или диалог этого персонажа с другими, прежде всего равными ему по статусу персонажами. Дживз — персонаж по большей части молчаливый. Молчание также является коммуникативно значимым и может быть знаком нижестоящего (там же, с. 38). Реплики Дживза — это, прежде всего, выражение согласия (*'Jeeves,' I said, 'we shall be going down to Easeby this afternoon. Can you manage it? — 'Certainly, sir.' — 'You can get your packing done and all that?' — 'Without any difficulty, sir),* либо высказывания, связанные с выполнением этим персонажем своих обязанностей камердинера (*'A little more tea, sir?').* Подчеркнутая вежливость камердинера также маркирует его как человека, занимающего в общении с аристократом Вустером более низкое положение. Дживз не переключается с одного кода на другой, его речь характеризуется корректным произношением, использованием полных, часто развернутых предложений, отсутствием разговорных лексических элементов, выбором только литературной лексики и порой претенциозных выражений. Ср., например: — *'I was given to understand that you required a valet.'; 'That is an excellent likeness of Lady Florence Crave, sir. It is two years since I saw her ladyship. I was at one time in Lord Worplesdon's employment. I tendered my resignation because I could not*

see eye to eye with his lordship in his desire to dine in dress trousers, a flannel shirt, and a shooting coat'. Стремление камердинера говорить подчеркнуто правильно и избегать в своей речи разговорных словосочетаний и синтаксических конструкций можно было бы трактовать как намеренное стремление выглядеть выше по социальному статусу, чем это есть на самом деле; также выбор претенциозных выражений характерен для представителей нижнего слоя среднего класса [Op. cit., 40]. Но в контексте всего анализируемого рассказа и, в целом, данного цикла рассказов речевое поведение камердинера, контрастирующее с речевым поведением его хозяина, становится, прежде всего, средством выражения юмора и иронии. Высокообразованный камердинер (his gentleman's personal gentleman), обладающий глубокими познаниями в области истории, искусства, литературы и философии, всегда безукоризненно вежливый и умеющий владеть собой, выгодно отличается по своему поведению, прежде всего речевому, от благородного джентльмена, в услужении у которого он находится. Ср.:

— *'If I might make the suggestion, sir, a simple brown or blue, with a hint of some quiet twill... — 'What absolute rot!' — 'Very good, sir';*

— *'I beg your pardon, sir. I was endeavouring to find you.'* — *'What's the matter?'* — *'I felt that I should tell you, sir, that somebody has been putting black polish on your brown walking shoes.'* — *'What! Who? Why?'* — *'I could not say, sir.'* — *'Can anything be done with them?'* — *'Nothing, sir.'* — *'Damn!'* — *'Very good, sir';*

— *'And then we might — er — so to speak — chuck it away somewhere — what?'* — *'Precisely, sir';*

— *'You know, Jeeves, you're by way of being rather a topper.'* — *'I endeavour to give satisfaction, sir'.*

Камердинер Дживз в данном рассказе по контрасту со своим хозяином, представителем высшего общества Вустером, предстает перед читателем как истинный английский джентльмен. «Человек, отвечающий этому эталону, в представлении англичан бесстрастен, щепетилен, немногословен. Он при любых обстоятельствах сохраняет «жесткую верхнюю губу» (т. е. умеет владеть собой)... Он служит воплощением самоконтроля, порядочности», обходительности [2, с. 354]. Этот контраст — источник тонкого юмора автора, который, как истинный английский юмор, «проявляется в полузаметных намеках, усмешках» и недомолвках [Op. cit., 352], сообщая произведениям Вудхауза особую прелесть и притягательность.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Речевая индикация социального статуса человека / В.И. Карасик // Эссе о социальной власти языка / Под общ. Ред. Л.И. Гришаевой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. — С. 36—56.
2. Овчинников В.В. Корни дуба / В.В. Овчинников. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел. Сборник // Всеволод Овчинников М.: АСТ, Астрель, 2012. — С. 239—481.
3. P.G. Wodehouse. Jeeves takes charge. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.ru/INPROZ/WUDHAUS/jeeves01engl.txt> (дата обращения: 23.03.2014).
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992. — 1528 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДОБРО» И «ЗЛО»

*Михалкина Виолетта Александровна,
студент 5 курса романо-германской филологии
Кемеровского Государственного Университета
учитель немецкого языка Гимназия № 1,
РФ, г. Кемерово
E-mail: bucascha@rambler.ru*

*Шишигин Кирилл Александрович
канд. филол. наук, доцент
Кемеровского Государственного Университета,
РФ, г. Кемерово
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru*

PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS OF GERMAN WITH THE MEANING OF "GOOD" AND "EVIL"

Mikhalkina Violetta

*A fifth-year student of the faculty of roman-german philology
Kemerovo State University A German teacher of Gimnaziya № 1,
Russia, Kemerovo*

Shishigin Kirill

*candidate of Philology, associate professor of Kemerovo State University,
Russia, Kemerovo*

АННОТАЦИЯ

Были проанализированы немецкие фразеологические выражения со значением «добро» и «зло» с точки зрения их когнитивной ценности, структурных и семантических характеристик и в этой связи были даны, соответственно, их тематическая, грамматическая и семантическая классификации.

ABSTRACT

The German phraseological expressions with the meaning of "good" and "evil" from the point of view of their cognitive value, structural and semantic characteristics were analyzed and in this regard their thematic, grammatical and semantic classifications were given.

Ключевые слова: фразеологические выражения; добро; зло; тематическая классификация; грамматическая классификация, семантическая классификация.

Keywords: phraseological expressions; good; evil; thematic classification; grammatical classification; semantic classification.

Настоящая статья посвящена исследованию фразеологических выражений немецкого языка со значением «добро» и «зло». Примеры взяты из словарей Биновича Л.Э. «Немецко-русский фразеологический словарь» [1] и А.Е. Graf “6000 Deutsche und Russische Sprichwörter” [9].

Базовыми положениями проведенного исследования являются:

1. *Когнитивный взгляд на добро и зло.* «По своему императивно-ценностному содержанию «добро» и «зло» представляют собой две стороны одной медали. Они взаимоопределены и в этом они как бы равны: человек узнает зло, поскольку имеет определенное представ-

ление о добре; он ценит добро, испытав на собственном опыте, что такое зло» [2, с. 61].

2. *Структурный и семантический взгляд на фразеологию.*

а. Фразеологическое выражение является одним из видов фразеологизмов наряду с фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями, которые различаются «по характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава...» [7, с. 39]. Фразеологизмы как родовое понятие — это «...устойчивые словесные комплексы... с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава» [7, с. 29].

Таким образом, фразеологические выражения — это устойчивые словесные комплексы, которые «...по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями», в том числе пословицы [7, с. 45].

б. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. «Фразеологические единицы, в том числе фразеологические выражения, всегда обращены на субъект, т. е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы от других номинативных единиц» [5, с. 82].

С точки зрения когнитивной ценности, структурных и семантических характеристик фразеологических выражений со значением «Добро» и «Зло» были даны их тематическая, грамматическая и семантическая классификации.

1. Тематическая классификация

«Добро» и «зло» представляют собой «нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обобщающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой — нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности» [6, с. 178].

В то же время понятия добра и зла не являются однозначными, и об этом свидетельствует весь когнитивный и исторический опыт любого этноса [ср. 14], в том числе немецкого. В связи с этим нами предлагается следующая тематическая классификация фразеологических выражений:

1. Фразеологические выражения со значением абсолютного добра и абсолютного зла.

2. Фразеологические выражения со значением относительного добра и зла.

3. Фразеологические выражения со значением «добро vs. зло».

Абсолютное добро и зло

Абсолютное добро — это выражение добра, ценного самого по себе и не служащего средством ради иной цели. В этом значении добро является моральным, этическим понятием, оно выражает положительное значение явлений и событий в их отношении к высшей ценности — к идеалу. Абсолютное зло — это полная противоположность по отношению к абсолютному добру.

(1) *Selbst ein Hund vergisst Wohltaten nicht.* — Даже собака не забывает благодетеля.

(2) *Ein Übel ruft das andere.* — Зло зовет другое.

Добро и добрые поступки — это прямой путь к достижению идеала. Поступки, сделанные человеком во благо других, никогда не забываются и являются абсолютным добром, в то время как существует ряд явлений, которые порицаемы всегда, что зафиксировано в приведенном выше примере.

К данной группе относятся 75 фразеологических выражений (72,8 %).

Относительное зло и добро

Человек часто оказывается в ситуациях, когда приходится принимать решения, не лежащие в рамках однозначного противостояния добра и зла. От выбора зависит результат, который может быть как положительный, так и отрицательный.

(3) *Der Dieb ist nirgends besser als am Galgen.* — Вору нет места лучше, чем на виселице.

Воровство заслуживает высшей меры наказания — казни. Данное фразеологическое выражение описывает способ достижения социального добра через причинение индивидуального зла.

К данной группе относится 20 фразеологических выражений (19,4 %).

Добро vs. зло

В немецком языке имеются фразеологические выражения, которые описывают постоянное и неустранимое противоборство добра и зла. Эта группа самая маленькая по численности, но не по значимости. К данной группе относится 8 фразеологических выражений (7,8 %).

(4) *Dem Freigeibigen gibt Gott, den Geizigen bestiehlt der Teufel.* — Щедрому дает бог, скупого обкрадывает черт.

Воплощение добра — бог, зла — дьявол. Каждому своё по мере того, что он заслуживает. Щедрость — это моральное качество человека,

заслуживающее вознаграждения. Жадность — противоположность щедрости, обкрадывающая, согласно данному фразеологическому выражению, скупого человека, то есть ответом на содеянное зло является зло.

2. Грамматическая классификация

Анализ немецких фразеологических выражений со значением «добро» и «зло» показал, что по своим грамматическим характеристикам они могут быть подразделены на следующие классы:

1. Полные фразеологические выражения.
 - 1.1. простые фразеологические выражения;
 - 1.2. сложноподчиненные фразеологические выражения;
 - 1.3. сложносочиненные фразеологические выражения.
2. Неполные (именные) фразеологические выражения.

Полные фразеологические выражения

К данному классу относится 96 фразеологических выражений (или 93,2 %) и он является самым многочисленным.

Полные фразеологические выражения представляют собой фразеологические выражения, сформулированные в виде полных предложений, то есть имеющие грамматическую основу и зависимые от них слова. Полные фразеологические выражения делятся, в свою очередь, на *простые* (пример 5), *сложносочиненные* (пример 6) и *сложноподчиненные* (пример 7).

(5) Dem Guten ist jeder Tag ein Feiertag. — Хорошему каждый день — праздник.

(6) Gute und Böse wohnen in der Welt, Gute und Böse bauen das Feld. — Добро и зло живут в мире, добро и зло строят поле.

(7) Lass dich des Guten, das du getan, nicht gereuen. — Откажись от блага, которое ты сделал, не сожалей.

Неполные фразеологические выражения

К данному классу относится 7 фразеологических выражений (или 6,8 %).

Неполные фразеологические выражения характеризуются неполной грамматической структурой, и в их структуре можно выделить ядерный компонент, в качестве которого выступают именные части речи, а именно существительные и прилагательные, поэтому они могут быть названы также именными фразеологическими выражениями, например:

(8) Gut Gruß, gute Antwort. — Добрый привет, добрый ответ.

(9) Großes Gut, große Sorge. — Большое благо — большие хлопоты.

3. Семантическая классификация

Фразеологические выражения имеют различную семантику, то есть по-разному описывают корреляционные и причинно-следственные связи. По семантическим характеристикам немецкие фразеологические выражения со значением «добро» и «зло» можно разделить на следующие классы:

1. Каузативные фразеологические выражения.
2. Идентифицирующие фразеологические выражения.

Каузативные фразеологические выражения

Они представляют собой самый многочисленный класс, к ним относится 73 фразеологических выражений (70,9%), и в них образно описываются ситуации, когда одно действие приводит к другому действию или когда при наличии одного объекта следует наличие другого объекта.

(10) Wer gut schmiert, der gut fährt. — Кто хорошо смазывает, тот хорошо едет.

Действие 1 — «старание» вызывает действие 2 — «благодарность».

Каузативные фразеологические выражения условно можно выразить в виде следующей формулы: $F1 \Rightarrow F2/O1 \Rightarrow O2$, где:

S — «субъект, то есть носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» [3, с. 35]; характерная черта «одушевленность».

O — «объект — вещь, явление, которые подвергаются какому-либо воздействию» [4, с. 432]; характерная черта «неодушевленность».

F — «действие (а также процесс или состояние), направленное на достижение цели» [3, с. 42].

\Rightarrow — следует, то есть действие или процесс, при котором из одного получается другое.

Идентифицирующие фразеологические выражения

Следующий класс — идентифицирующие фразеологические выражения, которые описывают образные ситуации, когда субъект или объект идентифицируется с действием, процессом или состоянием (30 фразеологических выражений или 29,1%).

(11) Guter Gast kommt ungeladen. — Хороший гость прибывает неприглашенным.

В данном примере субъект — «хороший гость» и действие — «приходить без приглашения» находятся в соотношении идентичности.

Их можно представить в виде формулы $S/O=F$, где:

S — «субъект, то есть носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» [3, с. 35]; характерная черта «одушевленность».

O — «объект — вещь, явление, которые подвергаются какому-либо воздействию» [4, с. 432]; характерная черта «неодушевленность».

F — «действие (а также процесс или состояние), направленное на достижение цели» [3, с. 42].

= — равно, то есть одинаково, идентично.

Проанализировав немецкие фразеологизмы, репрезентирующие концепт «Добро и зло», мы увидели, что в тематической классификации доминирующая группа — группа абсолютного добра и зла, второе место занимает группа относительного добра и зла и третье место — добро VS зло.

В лексико-синтаксической классификации с большим преимуществом преобладают полные фразеологизмы. Среди подгрупп полных фразеологизмов доминируют простые и сложноподчиненные предложения. Самая маленькая группа неполные (именные) фразеологические единицы.

Был проведен концептуальный анализ в контексте лингвокультурологического подхода, в результате которого удалось выявить основные принципы классификации сем, присущие фразеологизмам, репрезентирующим концепт «Добро и зло» в немецкой языковой картине мира. При подсчетах фразеологических единиц стало ясно, что в немецкой языковой картине мира самые частотные из них: каузативные и идентифицирующие.

Список литературы:

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. — 768 с.
2. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И.Т. и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003. — 623 с.
3. Копнин П.В., Гносеологические и логические основы науки, М., 1974. — 568 с.
4. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2003. — 520 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.

6. Философский энциклопедический словарь [Текст]/ под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: Сов.энциклопедия, 1989. — 816 с.
7. Чернышева И.И. // Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. — 200 с.
8. Шишигин К.А., Бадер О.В. Глагольные формулы-благопожелания в языке идиш и языковая картина мира // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посв. 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Вып. 2, часть 2. Киев: Изд. дом Д. Будаго, 2013. — С. 87—97.
9. Graf A.E. «6000 Deutsche und Russische Sprichwörter» 1960 — 295 с.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ
В РАМКАХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА
С ПОМОЩЬЮ ВЕРБАЛЬНЫХ
И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ**

Христофорова Наталья Игоревна

*канд. филол. наук, доцент кафедры И-05 «Иностранные языки»,
факультет иностранных языков
Московского авиационного института,
РФ, г. Москва
E-mail: n_khristoforova@mail.ru*

**REALISATION OF ADDRESS CATEGORY
WITHIN A FRAMEWORK OF POPULAR
SCIENTIFIC TEXTS ASSISTED BY VERBAL
AND NON-VERBAL COMPONENTS**

Khristoforova Natalia

*candidate of Philological Sciences, lecturer
of I-05 “Foreign languages”, Foreign Languages Department
of Moscow Aviation Institute,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Задачей автора научно-популярного текста является такое построение текста, при котором потенциальный адресат стал бы реальным, заинтересованным в получении предоставляемой информации, то есть проявил бы желание общаться с автором текста. Настоящая статья посвящена изучению актуализации в немецкоязычном научно-популярном тексте языковой категории адресованности с помощью вербальных и невербальных средств.

ABSTRACT

The author's task while creating a popular scientific text is such a text composition, by which the potential reader would be a real person, interested in an offered information, that is, would be willing to communicate with the text's author. The article deals with actualization of an address language category in a popular scientific German text assisted by non-verbal means.

Ключевые слова: адресованность; научно-популярный текст.

Keywords: address category; popular scientific text.

Текст несёт в себе следы «диалога» автора и читателя — лингвистические сигналы адресованности — особой текстовой категории, определяющей знания о предполагаемом читателе и прогнозируемом характере его интерпретационной деятельности [1].

Поскольку конкретный читатель научно-популярного текста автору неизвестен, он соотносит читателя с представителем той социальной группы, к которой принадлежит сам и ведёт с ним «диалог», предполагающий максимальное усвоение информации читателем с помощью показателей выделения темы, метатекстовых показателей направления хода мысли, анафорических слов разных типов, указателей на эмоциональную оценку информации автором, риторической речи.

К способам взаимодействия автора с читателем относятся, прежде всего, разнообразные типы метатекста, выполняющие в научно-популярном тексте различные функции. В эту группу входят вводные слова и выражения, синтаксические клише с закрепившейся метатекстовой функцией и т. д., взаимодействующие с невербальной составляющей текста. Рассмотрим эти средства:

1. Показатели выделения темы, или топиальный оборот: “Что касается..., то..”, “Если говорить о..., то..”, “Несколько слов о...”, например:

Bei einigen anderen Tierarten, die in Gruppen jagen, sei es üblich mit Schreien auf Beute aufmerksam zu machen, so die Forscher. Bei den Fledermäusen sei es umgekehrt: Statt andere anzulocken, wollen sie mit ihren Lauten die Konkurrenz fernhalten [5].

В тексте, рассказывающем об особенностях охоты самцов летучих мышей, помещены цветные фотографии с подписями, облегчающими понимание вербальной части текста.

2. Метатекстовые показатели направления хода мысли, отклонения в сторону от основной темы: кстати, между прочим, впрочем, хотя:

Drei biß fünfmal pro Tag müssen die Küken gefüttert werden, viermal werden die Kisten gereinigt....Heldhaft findet die Tierschützerin ihren Einsatz dennoch nicht. „Der Held in dieser Geschichte ist der Pinguin und seine Widerstandskraft“, sagt sie. „Wir Menschen schulden ihm Hilfe, denn wir haben ihm Schreckliches angetan“ [9].

Текст содержит пять цветных фотографий и цветную карту Африки с увеличенной «врезкой» того района Южной Африки, где произошла экологическая катастрофа — затонул танкер, нагруженный нефтью, в результате чего нефть вылилась в воду и стала угрозой для жизни 76 000 очковых пингвинов. На «врезке» обозначены место катастрофы и место, куда перевезли 20 000 пингвинов (на одной из фотографий изображён пингвин, покрытый нефтью, на других — работы экологов по спасению пингвинов). На основании невербальной составляющей текста можно придти к тому же выводу, что и эколог, чьё мнение приводится в вербальной части текста: «В заботе о пингвинах нет ничего героического - именно люди виноваты в том, что возникла угроза жизни этим птицам, и люди просто обязаны им помочь».

3. Анафорические слова разных типов (местоимения, прилагательные, наречия), которые так же, как и перечисленные выше метатекстовые элементы, служат показателями связей и эквивалентностей внутри текста: этот, такой, данный, указанный, упомянутый, то же самое и т. д. :

Doch Eukaryoten stellen eine weit größere Herausforderung dar, denn ihr genetisches Konzept ist deutlich komplexer. Ihr Erbgut sitzt in einem Zellkern und ist auf Chromosomen aufgeteilt. Die Backhefe (*Saccharomyces cerevisiae*) besitzt 16 dieser genetischen Strukturen [12].

Текст рассказывает о важном этапе генетических исследований. Объектом исследования были дрожжи, в которых содержатся 16 генетических структур.

4. Указатели на оценку автором информации текста. Эта группа включает несколько видов языковых средств, в основном вводных слов и словосочетаний.

а. Вероятностные слова, с помощью которых оценивается степень достоверности информации: вероятно, несомненно, не подлежит сомнению, сомнительно, очевидно, естественно, скорее всего, разумеется, безусловно, конечно, на наш взгляд и др.:

"Ich habe nicht gemalt, um verstanden zu werden", soll der britische Maler William Turner gesagt haben. "Ich wollte zeigen, wie eine Gegend aussah." Und das scheint dem Künstler besser gelungen zu sein, als er es vielleicht selbst je erhofft hatte [2].

Составной частью текста являются цветные репродукции картин известных художников, фотографии и комментарии к иллюстрациям. Невербальный материал подтверждает: художникам удалось передать изменения в атмосфере, хотя, возможно, и неосознанно.

б. Средства, помогающие автору дистанцироваться от произносимых слов, которые воспринимаются при этом читателем как чужая речь. Кроме того, у читателя создается впечатление низкой степени уверенности автора в истинности или ложности приводимых им высказываний, побуждая его, тем самым, к формулированию собственной точки зрения на рассматриваемую в тексте проблему: якобы, как будто, вроде, как бы, де:

Nie habe es eine Beschwerde gegeben, behauptet die Firma Zeneca, Hersteller des Pürees, vielmehr habe sich das Produkt sogar doppelt so gut verkauft wie die der Konkurrenz [3].

В тексте рассказывается о протестах жителей нескольких стран против генетически модифицированных продуктов питания, хотя по утверждению фирмы, занимающейся производством пюре из таких продуктов, к ней не поступало никаких жалоб. Невербальная часть текста представляет собой цветные фотографии, на которых изображены: исследователь за работой в генетической лаборатории, участники демонстрации против генетически модифицированных продуктов питания, проходившей в США, подопытные растения, растущие в генетической лаборатории, а также коллаж, состоящий из диаграммы, отражающей тенденцию увеличения объема площадей, используемых в мире для нужд сельского хозяйства с 1992 по 1999 год (в 1999 году эта территория уже превысила площадь Германии) фотографии генетически модифицированных сельскохозяйственных культур, имеющих в мире наибольшие площади посева (сои, кукурузы, хлопка и рапса), рядом с ними - список менее популярных в мире таких культур, но также занимающих большие посевные площади

(картофель, помидоры, тыква, папайя, табак). Автор текста предлагает читателю самому решить, насколько правдиво высказывание представителя фирмы, приводимое в вербальной части текста.

в. Указатели на дистанцию по отношению к отдельным смысловым элементам высказывания: собственно говоря, довольно, скорее, почти и др.:

Das Kambrium war eine Zeit des bizarren Lebens: Was da vor 520 Millionen Jahren so alles durch die Urmeere schwamm, erinnert oft eher an die Alien-Phantasien ideenreicher Sci-Fi-Macher als an irdische Arten [6].

В тексте рассказывается об исследованиях кембрийского периода с приведением конкретных примеров того, как питались тогда плотоядные живые существа, какой была тогда экосистема океанов, со ссылкой на специализированное издание в подтверждение указанной информации, но автор начинает текст с того, насколько необычен вид этих существ с точки зрения современного человека. Таких существ могли бы посчитать выдумкой фантастов. Одна из цветных иллюстраций представляет собой рисунок-реконструкцию с подписью-пояснением, другая — компьютерную реконструкцию с подписью-пояснением. Читатель мог бы предположить, что это — плоды фантазии авторов. Однако третья иллюстрация — чёрно-белая фотография, то есть, документальное свидетельство правдивости предоставленной информации с подписью. Невербальная часть текста аргументирует мысль, выраженную вербально: «Существа, жившие в кембрийский период напоминают скорее инопланетян, выдуманных фантастами, хотя это — реальные предки современных существ».

г. Средства, с помощью которых оценивается степень известности информации: как известно, хорошо известно, что..., обще-принято считать и др.:

Vom Großen Panda ist schon länger bekannt, dass er den Geschmack umami — typisch für glutamathaltige Nahrung — nicht wahrnehmen kann. Kein Wunder: Als reiner Bambusfresser kommt diese Geschmacksrichtung in seiner Nahrung ohnehin nicht vor. Offen war jedoch bisher, ob der Panda Süßes schmecken kann oder nicht [7].

В тексте, рассказывающем об эксперименте, выявившем наличие у панд вкусовых рецепторов, способных реагировать на сладкое, помещена цветная фотография панды, поедающей бамбук. Поскольку бамбук для панд — основной продукт питания, была давно известно, что панды не ощущают вкус глутамата натрия, типичный для пищи, содержащей белковые вещества.

д. Средства эмоциональной оценки информации: интересно, удивительно, любопытно, странно и т. д. В аналогичной функции часто выступает риторическая прямая речь (см. п. 5):

Eine Sprite ist ein seltames, dem Polarlicht ähnliches Phänomen, das für Sekundenbruchteile über Gewitterwolken auftreten kann [4].

В тексте рассказывается о явлении, наблюдающемся во время грозы — загадочных красных и синих вспышках света, показанных на фотографии, занимающей 2/3 текста. Фотография наглядно подтверждает загадочность описываемого явления, которое было давно известно, но только недавно получило объяснение. Исследования показали, что эти вспышки представляют собой гамма-излучение.

5. Риторическая прямая речь — диалогические вопросно-ответные единства (разыгрываемый автором диалог с читателем) и проблемные вопросы, сопровождающие развитие тематической линии текста:

Das Rätsel ist, wie in der weltläufigen kosmischen Umgebung dieses Quasars das Helium in den einfach ionisierten Zustand versetzt wurde, nachdem der Kosmos bereits längst unter die Rekombinationstemperatur — bei der sich neutrale Atome bilden — dieses Gases abgekühlt sein mußte und demnach kein ionisiertes Gas mehr übrig sein sollte. Was sorgte im bereits erkalteten Kosmos für die nachträgliche Ionisation des Heliums? [10].

Наглядным подкреплением информации, изложенной вербальными средствами является то, что в отношении как казалось до недавнего времени, совершенно ясного явления (нейтрального состояния гелия в космосе), с помощью телескопа Хаббла были получены новые сведения, требующие объяснения, является график, на котором отображена зависимость наличия ионизированного гелия в межгалактическом пространстве от интенсивности излучения квазара. График помещён на фоне тёмного звёздного неба, что является дополнительным указанием на место исследования — космос и на то, что в связи с этими исследованиями космоса возникло множество вопросов, ответы на которые ещё только предстоит найти.

В научно-популярных текстах информация изложена таким образом, что уже при первом просмотре предполагаемый адресат может выделить типичные коммуникативные блоки, которые можно условно обозначить как «описание последовательности действий». Так, например, в тексте “Alarmzeichen vom Vulkan” [8] рассказывается об исследовании вулкана Стромболи на острове Сицилия — этот уникальный вулкан выбрасывает огонь почти непрерывно минимум 3000 лет:

Seit mindestens 3000 Jahren spuckt er (Stromboli) praktisch unablässig Feuer.

Strombolis Feuerfackeln waren ein verlässliches Leuchtf Feuer für die Seefahrer bis in die Neuzeit.

Seit über einen Jahrzehnt werden am Fuß des Berges alle Impulse von Einzelausbrüchen automatisch registriert.

Следуя ходу изложения информации и опираясь на ключевые моменты, в дальнейшем (возможно, при повторном просмотре или чтении текста, его переосмыслении) на основе вписанной автором в текст программы интерпретации читатель выстраивает собственную программу интерпретации.

Этот текст начинается с объяснения актуальности темы:

Geophysiker haben am italienischen Vulkan Stromboli neuartige sesmische Signale entdeckt, die offensichtlich Lava-Ausbrüchen vorgehen.

Читатель одновременно наблюдает со стороны и принимает участие в действии текста. Структурно-семантическим фоном интерпретации служит особая композиционная организация текста: первая буква первого абзаца текста гораздо больше по размерам, чем другие буквы главной части текста. Синтаксическая организация текста основана на «показе» течения процессов таким образом, что в результате складывается целостная картина. Научно-популярный текст становится картиной действительности для читателя во многом благодаря своей невербальной составляющей. Так, для того, чтобы сделать информацию более понятной, используются две фотографии (исследователя и вулкана) с пояснениями, и две цветные схемы вулкана с подробными пояснениями [8].

Целью сообщения изобразительно-динамической фактуальной информация является создание у читателя ощущения соучастия в действии в определённый период развития события. Лингвистическим показателем такой информации является широкое употребление качественных прилагательных и глаголов с семой бытийности и физического состояния. Изобразительно-статическая фактуальная информация в приведённом выше примере характеризуется остановкой реального времени и стремлением фиксации внимания читателя на отдельных моментах.

Коммуникативные блоки текста складываются по схеме: «от общего к частному с возвратом к общему», например: вулкан извергает пламя более 3000 лет — исследования — результаты — возможности предсказания извержения вулкана заранее. Связь между отдельными блоками текста осуществляется при помощи повтора в синонимических вариантах ключевого слова и посредством употребления настоящего времени,

указывающего на актуальность происходящих действий и событий. Объединение блоков осуществляется лексическими и лексико-грамматическими средствами связи, широким употреблением лексического повтора в виде основной терминологической лексики как в контактирующих, так и в дистантно расположенных блоках, а также с помощью тематически и семантически близких терминологических единиц.

Для успешного осуществления коммуникации необходимо идентифицировать локальный и временной параметры ситуации и соотнести их с указанным отрезком времени. Так, текст „Vier Monate leben wie auf dem Mars“ [11], повествующий об эксперименте по воссозданию на Земле условий жизни на Марсе содержит вербальные указания места описываемых событий:

in einer Wohnkuppel, am Hang des Mauna Loa auf Hawaii, in dem zweistöckigen Habitat, Mars Desert Research Station, in einem ehemaligen Steinbruch am nördlichen Hang des Mauna Loa

а также цветные фотографии участника эксперимента в скафандре, находящегося за пределами «станции», и места проведения эксперимента бывшей каменоломни на Гавайях с подписями.

Встречаются в научно-популярных текстах и темпоральные параметры:

heute, am 28. März 2014, im Jahr 2013, im Jahr 2010, 520 Tage, vier Monate lang, zwölf Minuten Duschzeit pro Woche, 20 Minuten, für zwei Wochen, bereits Anfang des Jahres, am 28. Juli 2014.

Таким образом, особая синтаксическая организация научно-популярного текста основана на «эмпирической иконичности» - представлении процессов, таким образом, что в результате складывается целостная картина и во многом благодаря своей невербальной составляющей.

Список литературы:

1. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата: Монография. Киев: Высшая школа, 1993 — с. 14—15.
2. Wojanowski, Axel. Farbanalyse: Klimageheimnis auf alten Meisterwerken. Der Spiegel. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/rote-farben-auf-bildern-klima-auf-alten-werken-caspar-david-friedrich-a-960131.html> (дата обращения: 25.03.2014 г.).
3. Bredow, Rafaela von. Monsatos Vietnam. Der Spiegel. — 1999. — № 49, — с. 232—234.
4. Hanisch, Carola. Weltweite Blitzkarte für Flugzeuge. Die Welt. 1999. 8.03, — с. 32.

5. nik/dpa. Fledermaus-Jagd: Wer häufiger ruft, bekommt die Beute. Der Spiegel. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/fledermaeuse-maennchen-reservieren-beute-per-ultraschall-a-961481.html> (дата обращения: 29.03.2014 г.).
6. Patalong, Frank. Die Erfindung des Nahrungsfilters. Der Spiegel. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/erster-filter-fresser-sah-aus-wie-schwimmende-assel-mit-tentakeln-a-960586.html> (дата обращения: 27.03.2014 г.).
7. Podbregar, Nadja. Schwarzweiße Zuckerschnuten. Bild der Wissenschaft. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/journal_content/56/12054/3251024/Schwarzwei%C3%9Fe-Zuckerschnuten/ (дата обращения: 26.03.2014 г.).
8. Schick, Rolf. Alarmzeichen vom Vulkan. Bild der Wissenschaft. — 1994. — № 49, — с. 76—79.
9. Schwarz, Birgit. Odyssee im Pappkarton. Der Spiegel. — 2000. — № 3, — с. 166—167.
10. Sieg der Rebellen. Der Spiegel. — 1994. — № 44, — с. 260—262.
11. Vier Monate leben wie auf dem Mars. Wissenschaftler beginnen simulierten Marsaufenthalt. Scinexx. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.scinexx.de/wissen-aktuell-17390-2014-03-28.html> (дата обращения: 28.03.2014 г.).
12. Vieweg, Martin. Meilenstein: Das erste künstliche Chromosom. Bild der Wissenschaft. 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/genforschung-/journal_content/56/12054/3259059/Meilenstein%3A-Das-erste-k%C3%BCnstliche-Chromosom/ (дата обращения: 27.03.2014 г.).

2.3. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВИННИ-ПУХ — ЗНАКОМЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ: ДИАЛОГ ПЕРЕВОДЧИКОВ С АВТОРОМ

Карачёва Надежда Сергеевна

*магистрант, направление подготовки
035700 Лингвистика, профиль Теория перевода
и межкультурная/межъязыковая коммуникация,
ФБГОУ ВПО «Иркутский государственный
лингвистический университет»,
РФ, г. Иркутск
E-mail: live4heaven@mail.ru*

Куницына Евгения Юрьевна

*д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры перевода,
переводоведения и межкультурной коммуникации
ФБГОУ ВПО «Иркутский государственный
лингвистический университет», РФ, г. Иркутск
E-mail: usoliegaz@mail.ru*

WINNIE-THE-POOH — FAMILIAR AND UNKNOWN: INTERPRETERS IN THE DIALOGUE WITH THE AUTHOR

Nadezhda Karacheva

*master of the "Translation Theory and Cross-cultural/interlingual
Communication" program,
Russia, Irkutsk*

Evgenia Kunitsina

*doctor of Philology, Department of Translation and Interpretation, Head,
Russia, Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты сопоставительного анализа двух вариантов перевода произведения Алана Милна «Винни Пух и все-все-все». Анализ проводится в свете диалогической теории Дугласа Робинсона, предлагающей рассматривать перевод как путь, который переводчик прокладывает себе и другим.

ABSTRACT

The article presents the results of a comparative analysis of two versions of translation "Winnie-the-Pooh and all – all – all" by A. A. Milne. The analysis is carried out in the light of D. Robinson's dialogical theory describing translation as a way which the translator lays to himself and others.

Ключевые слова: перевод; диалог; метафора; гипербола; ирония; метонимия.

Keywords: translation; dialogue; metaphor; hyperbole; irony; metonymy.

*Переводы как женщины:
если верны, то некрасивы,
а если красивы, то неверны.
Сафир Мориц-Готлиб*

*Время проходит, но сказанное слово остается.
Л.Н. Толстой*

Перевод существовал всегда. С незапамятных времен переводчики осуществляли межкультурную и межъязыковую коммуникацию. В разные периоды истории к ним относились по-разному: либо незаслуженно унижали, как на заре человечества, когда переводчиками или толмачами были представители низших слоев населения, или в период темного средневековья, когда их считали колдунами, либо неоправданно возвышали, как во времена расцвета античных контаминаций, «предателей-перелагателей» и «прекрасных неверных». Немало времени потребовалось, чтобы осознать ценность переводчиков и сложность их труда, немало усилий приложили и сами переводчики. Однако, несмотря на многовековую историю, множество точек зрения и различных теорий, наука о переводе по-прежнему оставляет больше вопросов, чем ответов. До сих пор нет единого определения перевода, не решен вопрос о переводимости / непереводимости, верности / неверности, адекватности / эквивалентности и т. д. В одном переводчики и переводоведы согласны

полностью, что перевод — это сложное и многогранное явление, без которого человечеству уже не обойтись.

В мире переводится множество произведений различных жанров, немалую часть составляет художественный перевод, представляя собой труднейшую задачу для любого переводчика, так как помимо прагматической функции он несет и эстетическую, созидающую человека изнутри. Таким образом, перевод непосредственно влияет на процесс очеловечивания, ведь «эстетически неразвитый человек есть человек неполноценный» [1, с. 23].

Безусловно, для создания художественного произведения требуется талант, но и для того, чтобы это произведение перевести на иностранный язык необходимы незаурядные творческие способности. Как показывает история, иногда именно переводы превращали художественное произведение в культурное достояние. Только благодаря переводу, миру стал известен медвежонок Winnie-the-Pooh, которому и посвящена данная статья.

Winnie-the-Pooh — персонаж рассказов английского писателя Алана Александра Милна, прототипом которого стала любимая игрушка его сына. Всего было написано двадцать историй о медвежонке, которые стали двумя книгами по десять историй в каждой. В 1926-м году вышла первая книга — “Winnie-the-Pooh”, в 1928 м — вторая “The House at Pooh Corner”. Позднее, книги были объединены.

Советского читателя с Винни Пухом познакомил Борис Заходер в 1960-м году. Вскоре книга «Винни Пух и все-все-все» приобрела широкую популярность в нашей стране, а герои истории вышли за ее пределы и поселились в сердцах детей и взрослых. Мало кто знает, что позднее, в 1990-м году вышел сборник «Винни пух и многое другое», в котором Б. Заходер сохранил оригинальное деление на две книги, названия которых он перевел как «Винни Пух» и «Дом на Пуховой опушке». Долгое время «советский Винни-Пух» считался единственно-правильным переводом, и даже «каноническим».

Однако, в 1994-м году в свет вышла книга Вадима Руднева и Татьяны Михайловой «Winnie Пух», в 1996-ом и 2000-м книга была переиздана под названием «Дом в медвежьем углу». Издание 2002 года, дополненное комментариями переводчиков, имеет общее название «Винни Пух и философия быденного языка». Переводчики осуществили полный перевод дилогии Милна. Винни Пух и все-все-все предстали в свете концепций З. Фрейда и обзавелись психическими диагнозами. Оставив до времени подробный анализ философских положений вводной статьи переводчика, выясним чем этот перевод отличался от предыдущего.

Но, прежде чем приступить к обоснованию перевода, необходимо обозначить теоретическую основу, на которой мы будем строить анализ материала. Согласно диалогической теории перевода Д. Робинсона перевод справедливо рассматривать не как мост между языком оригинала и языком перевода, а как *путь*, который переводчик прокладывает себе и другим. Следовательно, перевод это дорога или *тропа*. Диалог переводчика с автором представлен в виде риторических фигур — *тропов*, таких как метонимия, синекдоха, метафора, ирония, гипербола и металепис [3, с. 122].

Итак, *переводы-тропы* или, в нашем случае, *тропы* перевода. Мы предлагаем вместе с переводчиками пройти тропами, которые они проторили, и отыскать «дом в медвежьем углу».

Однако прежде, чем «отправиться в путь», необходимо сделать еще одно уточнение. В. Руднев, отступив от разграничения переводческих стратегий Л. Вентути (доместикация vs. форенизация), предлагает собственную классификацию. Он определяет свой перевод как **аналитический**, задача которого в том, чтобы «не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка». Советского «Винни Пуха» он называет **синтетическим**, предлагающим читателю «полное погружение» в атмосферу описываемых событий [4, с. 69].

Обратимся к тексту, чтобы подтвердить вышесказанное. Следует уточнить, что мы не будем сейчас искать ответ на вопрос, почему переводчиком было принято то или иное решение, а только проанализируем наиболее яркие примеры из текста, чтобы доказать разность подходов к переводу.

Прежде всего, обратим внимание на имена героев:

Таблица 1.

Перевод имен собственных

Милн	Заходер	Руднев
Winnie-the-Pooh	Вини-Пух	Winnie Пух
Piglet	Пятачок	Поросенок
Rabbit	Кролик	Кролик
Baby Roo	Крошка Ру	Ру
Kanga	Кенга	Кенга
Eeyore	Иа-Иа	ИЁ
Owl	Сова	Сыч
Heffalump	Слонопотам	Heffalump
Woozle Wizzle	Бука Бяка	Woozle Wizzle

Благодаря Б. Заходеру в русской традиции появилось имя *Пух*, хотя в английском языке звук «h» в имени *Pooh* не произносится. В переводе В. Руднева нет, и не могло быть ни *Пятачка*, ни *Тигры*, ни *Иа-Иа*, ни *Слонопотамов*, так как это имена, на которые Борис Заходер имеет авторские права. Ряд имён собственных переводчики «нового Вини Пуха» оставили без перевода, объяснив это отсутствием в русском языке необходимого эквивалента.

Теперь вспомним историю о том, как Винни Пух пытается достать мед. Многие из нас с легкостью могут процитировать заходеровский вариант перевода по памяти:

Таблица 2.

Пример № 1

Milne	Заходер	Руднев
"That buzzing-noise means something. And the only reason for being a bee that I know of is making honey." "And the only reason for making honey is so as I can eat it.	«Это жжжжж неспроста! « А зачем на свете пчёлы? Для того, чтобы делать мёд! По-моему, так!» — А зачем на свете мёд? Для того, чтобы я его ел! По-моему, так, а не иначе!»	«Это гудение что-то да значит. « А единственный резон быть пчелой, который я знаю, состоит в том, чтобы делать мед». « А единственный резон делать мед состоит в том, чтобы я мог его есть»

Руководствуясь принципом «писать так, как писал бы автор, будь он русским», Б. Заходер перевел английское выражение «*the only reason*» привычным для русского читателя «*зачем*», в то время как В. Руднев, в рамках обозначенного аналитического перевода, калькирует словосочетание.

Из следующего примера видно, что В. Руднев оставляет английскую единицу измерения длины, а слово «*crack*», которым автор описывает звук ломающейся ветки, не переводит совсем.

Таблица 3.

Пример № 2

Milne	Заходер	Руднев
He was nearly there now, and if he just s t o o d o n t h a t branch... Crack! "Oh, help!" said Pooh, as he dropped ten feet on the branch below him.	Вот стоит только влезть на эту веточку — и... ТРРАХ! — Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.	Он уже был бы почти на месте, если бы только успел встать вон на ту ветку... Crack! «Ох, на помощь!», сказал Пух, скользнув по ветке на десять футов вниз.

В новом «Винни Пухе» практически на каждой странице в русский текст врезаются английские слова и выражения, которые либо не переведены, либо транслитерированы, например, «*bump*», «*bang*», «*Happy Birthday*», «бэби», или вариации глагола «*bounce*» («прыгать», «хвастать») — *бонсануть*, *дебонсировка*.

Милновские «*copse*», «*spinney*» и «*sandstone*», дословно переведенные В. Рудневым как «роща», «подлесок» и «песчаник», меняются у Б. Заходера на близкие нам «елки», «сосны» и «груды камней». Не очень знакомые рядовому читателю «утесник, дрок» («*gorse*») и «вереск» («*heather*») в советском переводе становятся понятными «можжевельником» и «репейником». Даже место, где разворачиваются основные события — «*the Hundred Acre Wood*», у В. Руднева остается непонятным «Стоакровым Лесом», а у Б. Заходера превращается в сказочный, будто окутанный тайной, «Дремучий Лес».

Таблица 4.

Пример № 3

Milne	Заходер	Руднев
Through copse and spinney marched Bear; down open slopes of gorse and heather , over rocky beds of streams, up steep banks of sandstone into the heather again; and so at last, tired and hungry, to the Hundred Acre Wood .	Винни шагал мимо сосен и ёлок , шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником , шагал по крутым берегам ручьёв и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот, наконец, усталый и голодный, он вошёл в Дремучий Лес	Сквозь рощу и подлесок шествовал Медведь; вниз по открытым склонам, поросшим утёсником , вверх по скалистым берегам ручья, вверх по крутым откосам песчаника и снова вниз в вересковые заросли . И наконец, усталый и голодный, добрался он до Сто-Акрового Леса

Итак, мы видим, что переводчики прибегают к разным стратегиям, а значит, идут разными тропами.

Пришло время обратиться к переводам-тропам. В рамках данной статьи мы не будем давать подробную характеристику всех тропов, остановимся только на тех, которые наиболее отчетливо проявляются в рассматриваемых переводах.

Перевод Б. Заходера — это, в терминах Д. Робинсона, перевод-метонимия, т.е. «пересказ» оригинала, часто в ином стиле, с использованием иных средств трансляции, с соответствующими сокращениями и добавлениями и т. д. Примечательно, что и сам Б. Заходер настаивал

на том, чтобы на обложке книги была надпись ПЕРЕСКАЗ Бориса Заходера [2, с. 12].

Таким образом, переводчик стремится к *диалогической* эквивалентности (ср. динамическая эквивалентность, по Ю. Найда [5, с. 215]), т. е. пытается создать текст перевода, воздействие которого вызвало бы реакцию, аналогичную его собственной реакции на исходный текст.

Таблица 5.

Пример № 4

Milne	Заходер
EDWARD BEAR, known to his friends as Winnie-the-Pooh, or Pooh for short, was walking through the forest one day, humming proudly to himself. He had made up a little hum that very morning, as he was doing his Stoutness Exercises in front of the glass.	Как-то днем известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку. Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой.

Также в советском переводе присутствует *гипербола*. Перевод-гипербола, согласно Д. Робинсону, это перевод-улучшение. Интересно, что прием явного преувеличения во многом достигается использованием в тексте уменьшительно-ласкательных характеристик героев.

Таблица 6.

Пример № 5

Milne	Заходер
Pooh hasn't any brain	Пух совсем глупенький
humming proudly to himself	ворча себе под нос новую песенку
humming to himself in a rather sticky voice	мурлыкая что-то сладким-сладким голоском
-----	крошечный поросенок
Grey Donkey	серый ослик

Кроме того, нельзя не вспомнить о *Сопелках*, *Пыхтелках*, *Кричалка*, *Вопилках* и *Шумелках*, наполняющих перевод Заходера, которых нет в оригинале.

Что касается нового «Винни Пуха», В. Руднев при переводе стремился к «идеальному» тождеству с оригиналом, которое в типологии

автора диалогической теории квалифицируется как перевод-метафора. Метафора — это «супертроп», являющий собой образец художественного перевода [6, с. 135].

Таблица 7.

Пример № 6

Milne	Руднев
THE Piglet lived in a very grand house in the middle of a beech-tree, and the beech-tree was in the middle of the forest, and the Piglet lived in the middle of the house.	Поросенок жил в очень большом доме посередине букового дерева, а буковое дерево находилось посередине Леса, а Поросенок жил посередине своего дома.

Поскольку идеальное тождество, как известно, недостижимо, такое стремление иногда приобретает странные формы

Таблица 8.

Пример № 7

Milne	Руднев
"Hallo, are you stuck?"	«Хэлло, ты что, застрял, что ли?»
(Bear) flew gracefully into a gorse-bush	(Медведь) грациозно свалился в куст

Перевод сказки *per se* и анализ переводческого дискурса В. Руднева дает основания различить в выполненном им переводе *перевод-иронию*. Следует особо отметить при этом, что диалог переводчика с автором носит отнюдь не дружеский характер. Переводчик испытывает чувство превосходства и относится к автору с пренебрежением. Он называет А.А. Милна достаточно *типичным писателем средней руки, недалеким человеком, который сам не оценил, что написал* [4, с. 45].

Итак, в статье был представлен краткий обзор переводов произведения А.А. Милна «Winnie-the-Pooh and House at Pooh Conner». Сопоставление переводческого дискурса и самих текстов показало, что Б. Заходер шел по пути *доместикации*, а В. Руднев — *форенизации*. Диалог с автором у Б. Заходера представлен *метонимией и гиперболой*, а у В. Руднева — *метафорой и иронией*. Здесь следует уточнить, вслед за Д. Робинсоном, что переводы-тропы не являются жесткими логическими категориями, все элементы равноценностны и равновероятны, поэтому приведенные выше тропы это не оппозиции, а возможные комбинации [3, с. 17].

Представленная тема открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения. Большой интерес представляют языковые решения, принятые при переводе. Какие цели ставили перед собой переводчики?

Чем руководствовались при выборе того или иного слова? Какие образы старались передать? Каким они представляли читателя, которому адресовали перевод? Можно ли считать переводческий дискурс В. Руднева претензией на элитарность своего перевода? Или его желание шокировать читателя есть не что иное, как перевод-эпатаж? Какие глубинные смыслы скрываются за знакомыми понятиями, и есть ли они вообще? Что же такое перевод — стремление познакомить читателя с новым миром или «театр одного актера»? И кто такой переводчик — проводник в мир другого языка или игрок, устанавливающий собственные правила?

Совершенно ясно только то, что волшебный мир Винни Пуха таит в себе множество загадок, которые исследователям еще предстоит разгадать. Памятуя о бесконечности интерпретации и невозможности полностью исчерпать смысловой потенциал текста, можно с уверенностью сказать, что какой бы путь ни выбрал проницательный читатель, будь то легкая и приятная прогулка широкими тропами сказочного Дремучего леса или судорожное и скованное блуждание узкими тропками леса Стоакрового, каждый отыщет свой путь к «дому в медвежьем углу».

Список литературы:

1. Даниленко В.П. Смысл жизни: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2012. — 296 с.
2. Заходер Б. Приключения Винни Пуха (из истории моих публикаций). // Вопросы литературы. — 2002. — № 5 — с. 25—27.
3. Куницына Е.Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Иркутск: ИГЛУ, 2011. — 35 с.
4. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. М.: АГРАФ, 2002. — 286 с.
5. Nida E. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden, Boston and Tokyo, 2003. — 331 p.
6. Robinson D. The Translator's Turn. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1991. — 318 p.

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
КОНЦЕПТА *ΦΑΟΣ/СВЕТ* В ТРАГЕДИЯХ
ЭСХИЛА, СОФОКЛА И ЕВРИПИДА**

Левко Александр Вадимович

*канд. филол. наук, ассистент кафедры
общего языкознания и классической филологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
Украина, г. Киев
E-mail: alexaristos@gmail.com*

**SEMANTIC SPACE OF THE CONCEPT
ΦΑΟΣ/LIGHT IN THE TRAGEDIES
OF AESCHYLUS, SOPHOCLES AND EURIPIDES**

Levko Alexandr

*candidate of Philological Science, assistant professor
of General Linguistics and Classical Philology Department,
Institute of Philology, Kiev National Taras Shevchenko University,
Ukraine, Kiev*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вербализация концепта *ΦΑΟΣ/СВЕТ* в древнегреческой трагедии, анализируется семантическое пространство исследуемого концепта, рассматриваются контекстуальные значения ключевых слов. Также автором анализируются фразеологические единицы, в состав которых входят лексемы с семантикой света.

ABSTRACT

The article deals with verbalization of the concept *ΦΑΟΣ/LIGHT* in ancient Greek tragedies, analyzes the semantic space of the investigated concept and examines contextual meanings of the key words. It also covers the phraseological units, which consist of lexemes with semantics of light.

Ключевые слова: концепт; семантическое пространство; сема; фразеологизм; древнегреческая трагедия; свет.

Keywords: concept; semantic space; seme; phraseological unit; ancient Greek tragedy, light.

Свет как семантическая универсалия занимает важное место в древнегреческой картине мира. Среди работ, посвященных исследованию вербализации концептов СВЕТ и ТЬМА в древнегреческой литературе, следует отметить статьи Ю.М. Каган [3], С. Сиропулоса [7], С. Константииду [5], Е. Цицибаку-Васалос [8], С. Андерсона [4]. В этих работах исследована лексика с семантикой темноты в диалогах Платона [3, с. 306-310], в трагедии Еврипида «Медея» [7, с. 79—83], в Пифийских одах Пиндара [8, с. 30—45], а также семантическое пространство концепта ΦΑΟΣ/СВЕТ в эпосе Гомера [5, с. 90—99]. Данная статья посвящена анализу семантического пространства концепта ΦΑΟΣ/СВЕТ в древнегреческих трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида.

Центральной лексемой исследуемого концепта является *φᾶος/φᾶς* «свет». Неслитная форма *φᾶος* встречается в текстовом корпусе трагедий 112 раз, а слитная *φᾶς* — 111 раз. Следует отметить, что для трагедий классической эпохи свойственно употребление омонимической формы *φᾶς* в значении «человек», которая засвидетельствована 75 раз в трагедиях. В словаре Дж. Лидделла и Р. Скотта слово *φᾶος/φᾶς* имеет такие основные значения: а) «свет», особенно «дневной свет»; б) «свет от светильника, огня» и т. д.; в) «сияние глаз»; г) в переносном значении как метафора избавления, счастья, славы, победы [6, с. 1916]. И.Х. Дворецкий добавляет еще значения «день», «солнце» [2, с. 1757].

Почитание древними греками солнца и солнечного света отобразилось в культах Гелиоса и Аполлона. В корпусе трагедий засвидетельствовано 7 случаев употребления словосочетания *ἡλίου φᾶος* «свет солнца» (*ἡλίου φᾶς* — 11 раз) и 5 случаев *φᾶος ἀμέρας* «дневной свет» (cf. Eur. Alc. 244; Eur. Fragm. Antior. 48, 8). Слово *φᾶος/φᾶς* также может самостоятельно употребляться в значении «солнце» (*φᾶος* — Eur. Alc. 1076, Eur. Iph. Aul. 1509; *φᾶς* — Eur. Med. 148, Eur. Hipp. 672), «день» (*φᾶος* — Eur. Bacch. 425; Aesch. Prom. 24; Aesch. Choeph. 62; *φᾶς* — Eur. Or. 1496). Продолжительный период времени может метафорически описываться как «продолжительное светоносное пламя» (Eur. Hel. 629). Кроме слова *φᾶος/φᾶς* «свет», в трагедиях встречается не употребляемое в прозе слово *σέλας* «сияние», когда идет речь о солнце: *φαιδρὸν αἰίου σέλας* «яркое сияние солнца» (Aesch. Eum. 926). Слово *φᾶος* «свет» в значении солнечного света соединяется в трагедиях с прилагательными *ἀγνόν* «чистый», «непорочный» (Soph. Elec. 86), *κάλλιστον* «прекраснейший» (Soph. Ant. 102), *λαμπρόν* «яркий» (Eur. fragm. 43, 1), *φαέθων* «блистающий» (Soph. Elec. 824). Также и дневной свет может называться *ἀγνόν* «чистым»

и «непорочным» (Eur. Fragm. 443, 1). Все, что относится к Гелиосу, описывается в трагедиях с помощью языковых средств с семантикой света: *φαεννᾶς Ἥλιου θ' ἵπποστάσεις* «сияющие конюшни Гелиоса» (Eur. fragm. 771, 5); *λαμπρόταται θεοῦ φαεσιμβρότου αὐγαί* «светлейшие лучи бога, несущего смертным свет» (Eur. Heracl. 750); *φαέθων κύκλος ἀλλοιο* «блистающий круг солнца» (Eur. El. 464). Кроме солнца, другие небесные светила и явления также описываются языковыми средствами с семантикой света, например: *φαιδρᾶ σελήνη* «сияющая луна» (Aesch. Tetr. 44 A, fragm. 585, 5), *φαεννᾶς αἰθήρ* «сияющий эфир» (Eur. fragm. 919, 2), *αἰθέρος ἄβατον φᾶς* «неприступный свет эфира» (Eur. Phoen. 809), *φαεννᾶς ἄστρον ὁδοῦς* «сверкающие пути звезд» (Eur. El. 727), *Διὸς βαρύβρομοι βρονταὶ κεραύνιον τε φᾶς αἰθαλόεν* «Зевса рокочущие громы и пылающий свет молний» (Eur. Phoen. 183). В трагедии «Финикиянки» Еврипида говорится, что Зевс обитает в *φαεννᾶς οὐρανοῦ ναίων πτυχᾶς* «сияющих недрах неба» (Eur. Phoen. 84). Геката, богиня лунного света, в трагедии «Елена» получает эпитет *φωσφόρος* «светоносная» (Eur. Hel. 569).

Среди слов с семантикой света значительное место занимают слова, которые обозначают свет от огня или сам огонь. Сема «видимое излучение» может передаваться в древнегреческих трагедиях:

1. именами существительными: *λαμπᾶς* «факел», «костер» «светильник» (37 раз); *λαμπτήρ* «факел», «лампа» (8 раз); *λόχνος* «светильник» (2 раза); *λαμπαδηφόρος* «факелоносец» (1 раз — Aesch. Agam. 312); *σέλας* «сияние», «пламя», «свет» (39 раз), например, *λαμπαδὸς σέλας* «пламя костра» (Soph. Trach. 1198), *παμφαῆς σέλας πυρός* «ослепительно-яркое сияние огня» (Eur. Tr. 548); *φέγγος* «свет», «пламя», «огонь», сияние (42 раза);

2. прилагательными: *λαμπαδοῦχος* «факелоносный» (1 раз — Eur. Iph. Aul. 1506); *σελασφόρος* «светоносный» (1 раз — Aesch. Eum. 1022);

3. глаголами: *λάμπω* «светить», «сиять» (17 раз); *καταλάμπω* «освещать», «бросать свет» (4 раза); *ἐκλάμπω* «испускать свет», «блистать» (3 раза); *φλέγω* «освещать», «озарять» (27 раз); *φλεγέθω* «сверкать» (4 раза); *λαμπαδεύω* «зажигать светильник» (1 раз — Aesch. Tetr. 44 A, fragm. 740); 2) *ἀνάπτω* «зажигать», например, *πυρός ἀνήνα φᾶς νόμιμον ἐν γάμοις* «зажечь свет пламени в положенное время на свадьбе» (Eur. Phoen. 344).

Следует отметить, что слово *λαμπᾶς* первоначально обозначало зажженную связку хвороста [6, с. 1027], сторожевые огни, маяк [2, с. 1010], факел [1, с. 749]. Позже это слово получило значение «светильник» в широком смысле. Слово *λαμπτήρ* сначала имело

значение «подставка или решетка для сосновых щепок для освещения дома» [6, с. 1028], «передвижной светильник для щепок» [1, с. 750]. Позже это слово получило значение «лампа», «фонарь», «светильник» [2, с. 1011].

Кроме употребления слова *φάος/φῶς* «свет» в прямом значении, трагедии изобилуют выражениями, в которых свет фигурирует в переносном значении. Так, *φάος/φῶς* «свет» может символизировать собою рождение, начало, жизнь. Животворящая сила Урана и Геи описывается в категориях семантики света, в частности, в одном из фрагментов Еврипид воспевает творение мира как рождение и произведение на свет: *τίκτουσι πάντα κἀνέδωκαν εἰς φάος* «они рождают все и приводят к свету» (Eur. Fragm. 484, 4). В представлении древнего грека появление утренней зари, которую он называл *φωσφόρος Ἴως* «светоносной Эос» (Eur. Ion 1157), *τεκοῦσα φῶς* «рождающая свет» (Aesch. Agam. 279), знаменовало собою зарождение нового дня и соответственно новой жизни. Аид как царство мертвых ассоциируется в древнегреческой картине мира с тьмою и мраком, а земная жизнь — со светом. Желаемое или действительное возвращение из Аида в трагедиях Эсхила вербализуется как возвращение на свет. В трагедии Эсхила «Персы» хор умоляет Гею и Гермеса, чтобы они *πέμψατ' ἔνερθεν ψυχῆν ἐς φῶς* «послали душу из-под земли на свет» (Aesch. Pers. 630). В «Плакальщицах» хор просит погибшего Агамемнона восстать из Аида и помочь Электре и Оресту: *ἄκουσον ἐς φάος μολῶν, ζῆν δ' ἔγενοῦ πρὸς ἐχθρούς* «услышь и возвратись к свету, помоги родным против врагов» (Aesch. Choeph. 459). В «Геракле» Еврипида Тесей благодарит Геракла за то, что тот *ἔξέσωσάς μ' ἐς φάος νεκρῶν πάρα* «вывел его на свет от мертвых» (Eur. Herc. 1222).

Из 223 употреблений слова *φάος/φῶς* «свет» в корпусе древнегреческих трагедий 65 раз засвидетельствовано в составе выражений, которые трактуют *φάος* «свет» как жизнь. В трагедиях 7 раз встречается выражение *βλέπειν φάος* «видеть свет» (*βλέπειν φῶς* — 4 раза) в значении «быть живым», например: *Ξέρξης μὲν αὐτὸς ζῆ τε καὶ βλέπει φάος* «а Ксеркс жив и видит свет» (Aesch. Pers. 299); *ἀέλπτως νόστιμον βλέπω φάος* «и я, вопреки ожиданиям, все еще вижу возвращающий надежду свет» (Aesch. Pers. 261). Орест в «Эвменидах» Эсхила спрашивает в отчаянии, суждено ли ему *νῦν ἀρχόνης μοι τέρματ', ἢ φάος βλέπειν* «веревкой закончить или видеть свет» (Aesch. Eum. 746). В трагедиях также засвидетельствованы случаи употребления синонимических выражений со значением «жить»: а) *ὄρᾶν φάος* «видеть свет» — 6 раз; *ὄρᾶν φῶς* — 9 раз; б) *εἰσορᾶν φάος*

«вглядываться в свет» — 6 раз, *εἰσορᾶν φῶς* — 1 раз (Eur. Alc. 283); в) *λεῦσσειν φάος* «видеть свет» — 5 раз, *λεῦσσειν φῶς* — 1 раз (Eur. Alc. 82); г) *φάος εἰσδέρκεσθαι* «взирать на свет» — 1 раз (Eur. Hipp. 907); *φῶς προσβλέπειν* «взирать на свет» — 1 раз (Soph. Oed. Tug. 1183); *χαίρειν φάος ὄρωτον* «радоваться видимому свету» (cf. Eur. Alc. 272) — 1 раз; *δέρκεσθαι φάος τέθριππά θ' ἁλίου* «видеть свет и колесницу солнца» — 1 раз (Eur. Hel. 341), *δέρκεσθαι φῶς* «видеть свет» — 2 раза; д) *ἐς φάος μολεῖν* «прийти к свету», т. е. «возвратиться к жизни» — 3 раза; *ἐς φῶς μολεῖν* — 1 раз (Eur. Phoen. 1597); *φῶς ἀναβλέπειν* «снова увидеть свет» — 1 раз (Eur. Or. 292). Выражение *φιλεῖν οὕτω φάος* «так сильно любить свет», употребленное в трагедии Еврипида «Геракл», означает «радоваться жизни невзирая ни на что» (Eur. Herc. 90). Старость, приближающая человека к смерти, представляется как та, что покрывает *βλεφάρων σκοτεινὸν φάος* «тьмою свет очей» (Eur. Herc. 641). Значение «умереть» передается парафразом *τὸ φάος ἐκλιπεῖν* «лишиться света» (Eur. Herc. 1073), который засвидетельствован в корпусе трагедий 4 раза (и еще один раз употребляется синонимическое *φάος λιπεῖν*). Еврипид обобщает противоположность смерти и жизни как тьмы и света в следующем афоризме: *οὐκ ἔστι τοὺς θανόντας ἐς φάος μολεῖν* «невозможно умершим возвратиться к свету» (Eur. Alc. 1076).

Среди контекстуальных значений слова *φάος* «свет» следует особо подчеркнуть значения радости, счастья, славы. Радостная весть ассоциируется в трагедиях Эсхила со светом, например, Агамемнон возвращается домой с победой над Троей, *φῶς ἐν εὐφρόνῃ φέρων* «неся свет среди ночи» (Aesch. Agam. 522). Солнечный свет может символизировать радость, например, в трагедии Софокла «Филоклет» главный герой, почувствовав внутреннее облегчение, обращается к Неоптолему: *ἡλίου τόδ' εἰσορᾶν ἐμοὶ φάος μόνος δέδωκας* «только ты вернул мне солнца свет» (Soph. Phil. 663). Свет может символизировать праздничную радость, иногда вакхическую эйфорию, например, в трагедии «Вакханки» менада в порыве эйфории взывает: *ᾧ φάος μέγιστον ἡμῶν εὐίου βακχεύματος, ὡς ἔσεῖδον ἀσμένῃ σε* «о величайший свет вакхического торжества, который я увидела, ликуя» (Eur. Bacch. 608).

Среди прилагательных с семантикой света в переносном значении «радостный», «славный» в трагедиях встречаются следующие слова: *φαιδρός* «сияющий, «лучезарный», «радостный» (11 раз); *φαεννός* «блистающий», «яркий» (14 раз); *φαιδιμος* «сияющий», «светлый», «славный» (2 раза); *φανός* «светлый», «радостный» (1 раз). Выражения *φαιδρὰ ὄμματα* «сияющие глаза»

(Aesch. Agam. 520; cf. Eur. Med. 1043), *φαιδρὸν πρόσωπον* «сияющее лицо» (Soph. El. 1297), *γέλῳτι φαιδρὸν κάρα* «сияющее улыбкой лицо» (Soph. El. 1310) ассоциируются с ликованием и радостью человека. В трагедиях 2 раза встречается слово *φαιδρωπός* (досл. «сияющий взглядом») со значением «радостный» (Aesch. Agam. 725; Eur. Orest. 894). Выражение *φαιδρᾶ φρενὶ δέχεσθαι* «принимать со светлую мыслью» указывает на расположение человека, его добрые намерения (Aesch. Choeph. 565).

Примечательно, что в трагедии Софокла «Аякс» слово *φάος* «свет» употребляется в составе оксюморона и обозначает глубокое уныние героя: *Ἰὼ σκότος, ἐμὸν φάος, ἔρεβος ᾧ φαεννότατον, ὡς ἐμοί, ἔλεσθ' ἔλεσθέ μ' οἰκήτορα* «О тьма, мой свет, о светлейший мрак, как по мне, приди и возьми меня к себе» (Soph. Ajax 394—396). Состояние уныния и нежелание человека жить передается в трагедии Еврипида «Ипполит» выражением *ἐχθρὸν εἰσορᾷ φάος* «проклятый вижу свет» (Eur. Hipp. 355). Гекуба о своем горьком отчаянии возвещает следующими словами: *οὐκέτι μοι βίος ἀγαστός ἐν φάει* «и уже не будет у меня приятной жизни в свете/под солнцем» (Eur. Hec. 169).

В трагедии Еврипида «Медея» лексема *φάος* «свет» употребляется в составе фразеологизма *ἀνεσεχέῃ φάος σωτήριον* «зажечь спасительный свет» (Eur. Med. 482) в значении «оказывать помощь», «избавить от угрозы». Человек, который приходит на помощь и способствует избавлению от бед, называется *φάος μολῶν* «пришедшим светом» (Eur. Hec. 531). Значение «быть справедливым» может передаваться фразеологизмом *τῆς Δίκης σοίξειν φάος* «блюсти свет Дике» (Eur. Suppl. 564).

Величие человека может быть представлено в тексте трагедий с помощью языковых средств с семантикой света. Например, Агамемнон в речи Гекубы называется *μέγιστον Ἑλλήσιν φάος* «величайшим светом для греков» (Eur. Hec. 841), Ахилл в одном фрагменте трагедий Эсхила — *φαιδίμος* «светлейшим» (Aesch. Tetr. 26 A, fragm. 212, 41). Свет может символизировать славу, например, Ифигения утверждает о себе: *ἔθρέψαθ' Ἑλλάδι με φάος· θανοῦσα δ' οὐκ ἀναίνομαι* «полис меня воспитал как свет для Эллады: я умру и не постыжусь его» (Eur. Iph. Aul. 1502—1503). Слава города Фив называется *ἱερὸν φᾶς* «священным светом» (Eur. Hec. 797). Внешний вид, в частности доспехи, также могут ассоциироваться со светом и указывать на красоту героя, например, *φαεννοῖς στίλβειν ὄπλοις* «сверкать ослепительными доспехами» (Eur. Andr. 1146).

В результате исследования было установлено, что семантическое пространство концепта ФАОΣ/СВЕТ в древнегреческих трагедиях

включает в себя такие семы: а) «солнечный или дневной свет»; б) «свет других небесных светил и явлений»; в) «свет от огня или светильника»; г) «свет как жизнь, начало, рождение»; д) «свет как избавление, спасение, помощь»; е) «сияние глаз»; ж) «свет как радость, экстаз, ликование»; з) «свет как слава и величие». Номен исследуемого концепта представлен лексемой *φῶς* и ее слитной формой *φῶς*, которые встречаются почти равное количество раз в корпусе трагедий (112 и 111 раз соответственно). Из 223 случаев употребления слова *φῶς/φῶς* 30 % засвидетельствованы в составе фразеологических единиц с семой «свет как жизнь, начало, рождение».

Список литературы:

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. — 1370 с.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. / под. ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд. иностр. и нац. слов., 1958. — 1904 с.
3. Каган Ю.М. Платон и слова, обозначающие свет и темноту // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. — С. 301—316.
4. Anderson S. Journey into Light and Honours in Darkness in Hesiod and Aeschylus // Light and Darkness in Ancient Greek Myth and Religion. Lanham: Lexington Books, 2010. — P. 142—152.
5. Konstantinidou S. The light imagery of Divine Manifestation in Homer // Light and Darkness in Ancient Greek Myth and Religion. Lanham: Lexington Books, 2010. — P. 91—109.
6. Liddell H.G. Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott and H. Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996. — 2042 p.
7. Syropoulos S. S-light Anomaly: Dark Brightness in Euripides' Medea // Light and Darkness in Ancient Greek Myth and Religion. Lanham: Lexington Books, 2010. — P. 77—90.
8. Tsitsibakou-Vasalos E. Brightness and Darkness in Pindar's Pithian 3 Aigla-Koronis-Arsinoe and Her Coming of Age // Light and Darkness in Ancient Greek Myth and Religion. Lanham: Lexington Books, 2010. — P. 30—76.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЭКСТРЕМИЗМ: СТРАТЕГИИ ОСМЫСЛЕНИЯ НОВОГО ПОНЯТИЯ

Выговская Дарья Геннадьевна

*аспирант факультета лингвистики
Южно-Уральского государственного университета
(Национального исследовательского университета),
РФ, г. Челябинск
E-mail: vdariag@mail.ru*

EXTREMISM: UNDERSTANDING STRATEGIES OF NEW CONCEPT

Vygovskaya Darya

*post-graduate student of Faculty of Linguistics
of South Ural State University
(National Research University),
Russia, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отражение понятия «экстремизм» в языковом сознании различных поколений россиян. Результаты метода экспертов, метода свободных дефиниций, кластерного анализа и свободного ассоциативного эксперимента позволяют понять смыслы, которые россияне вкладывают в понятие «экстремизм». Также на примере данного явления автор выделяет несколько стратегий осмысления нового понятия, характерные для трех поколений россиян.

ABSTRACT

The article deals with the reflection of "extremism" in the linguistic consciousness of different generations of Russians. The results of the method of experts, method of free definitions, cluster analysis and free association experiment allow us to understand the senses that Russians put in the concept of "extremism." With an example of this phenomenon the author identifies

several strategies of understanding of the new concept used by three generations of Russians.

Ключевые слова: языковое сознание; экстремизм; метод экспертов; кластерный анализ; свободный ассоциативный эксперимент.

Keywords: linguistic consciousness; extremism; method of experts; method of cluster analysis; free association experiment.

Конец XX — начало XXI вв. стали свидетелями существенного повышения агрессивности человека, серьезных вспышек различных видов экстремизма, который нередко смыкается с терроризмом. Неустроенность миллионов людей, вынужденных отказываться от привычного образа жизни, массовая безработица, достигающая во многих регионах более половины трудоспособного населения, озлобленность, вызванная неудовлетворенностью базовых потребностей (безопасность, идентичность, признание и др.), являющиеся последствиями острейшего системного кризиса, переживаемого Россией и многими другими бывшими республиками СССР, скорее всего, еще долго будут источником экстремистских настроений.

В современном мире многие люди испытывают волнение при упоминании слова «экстремизм». При рассмотрении данного понятия в контексте существующей нормативно-правовой базы, мы увидим, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ от 25 июля 2002 г.) «экстремизм» определяется как система противоправных действий, направленных на подрыв и разрушение: государственно-политических, нормативно-правовых, социально-культурных, морально-нравственных основ, конституционного строя страны.

Безусловно, с этим можно согласиться, т. к. экстремизм нарушает основные права и свободы граждан, а соответственно, и принципы, на которых функционирует большинство современных государств и обществ. В широком смысле, жертвой экстремизма становится человек и общество в самых разных аспектах своей жизнедеятельности — социальной, расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности.

В средствах массовой информации понятия «экстремизм» и «терроризм» зачастую смешиваются и представляются весьма близкими по смыслу или даже равнозначными, что не совсем корректно. По сути, терроризм — это одно из направлений экстремизма, который представляет собой сложный феномен в современной

культуре. Таким образом, для успешной борьбы с экстремизмом особенно значимым исследователи считают концептуальное осмысление этого феномена: его разновидностей, перспектив развития, адекватности антиэкстремистских действий, различий в масштабах, содержании, мотивации проявлений.

В нашем исследовании для нас было важным рассмотреть, какое отражение понятие «экстремизм» находит в сознании различных поколений россиян, а именно:

- молодых людей, проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних);
- российских граждан, прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних);
- старшего поколения россиян, основная социализация которых прошла при социализме (поколение 60-летних).

Так, для того, чтобы понять, чем наполнено понятие «экстремизм» в обыденном сознании россиян, мы применили специально-разработанную методику, в которой были последовательно использованы ряд методов и различные уровни описания. Первым этапом стал метод экспертов, в котором испытуемым нужно было написать слова, которые на их взгляд имеют отношение к данному понятию. Полученные данные мы проанализировали с помощью кластерного анализа и семантического гештальта Ю.Н. Караулова, под которым он понимает структуру, воплощающую тот аспект языкового сознания, который связан с отражением окружающей реальности, «образов» национально-культурного мира, запечатленных в родном языке. Согласно Ю.Н. Караулову, «семантический гештальт есть один из способов представлений знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей» [1, с. 193].

Стоит отметить, что в ходе анализа данных возникали спорные моменты, и для того чтобы избежать излишней субъективности мы использовали метод свободных дефиниций. Группе экспертов было предложено дать определения словам, которые вызывали наибольшие сомнения. Результаты, полученные методом свободных дефиниций, помогли нам в составлении и трактовке «древ значений» исследуемого понятия. Полученные в ходе кластерного анализа схемы («древа значений») были вновь отправлены на экспертную оценку. В данном случае мы попросили экспертов оценить логичность представленных схем.

При рассмотрении древ значений понятия «экстремизм», составленных представителями трех поколений, четко выделяются три общих для всех поколений кластера, а именно — *религия, политика*

и *терроризм*. Характерным только для старшего поколения является наличие еще трех семантических зон — это семантическая зона *плохое, инопланетяне* и семантическая зона обозначенная вопросом «*что это такое?*» и указывающая на либо незнание, либо непонимание данного понятия. Говоря о трактовке понятия «экстремизм» представителями различных возрастных групп, стоит отметить, что наиболее полная и правдивая картина представлена поколением 40-летних россиян.

Следующим большим этапом стал свободный ассоциативный эксперимент. Реакции, полученные на данном этапе, позволили нам выделить ассоциативные поля стимулов. Ассоциативное поле слова является совокупностью всех ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции).

При анализе результатов, полученных в ходе работы с понятием «экстремизм», важным является то, что, как и в случае экспертной оценки, представители всех поколений россиян демонстрируют свою некомпетентность в отношении исследуемого понятия, доказательством служат: 1) такие реакции, как *спорт, адреналин, риск, парашют, скалолаз, скалолазание* и др., 2) а также такие реакции, как *не знаю, новое слово, не знаю значения, не понимаю, что-то новое*. Кроме того, знаковым является упоминание таких имен собственных и этнонимов, как *Ливия, Чечня, китаец*. Наблюдается высокий процент оценочных реакций, причем все оценки даются по принципу хороший/плохой, более того в ассоциативном поле старшего поколения *плохо* является ядерной реакцией, что доказывает актуальность данного стимула в языковом сознании респондентов. Характер и тип предоставленных реакций говорит о значимости данного стимула. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данное понятие находится в настоящее время на стадии осмысления.

В дальнейшем нам удалось выделить стратегий осмысления нового понятия, используемые представителям трех поколений россиян: стратегия отказа, характерная для реципиентов старшего поколения (реакции: *не знаю значения, не понимаю, что-то новое, ммм*); оптимальная стратегия сорокалетних — определение предложенного стимула (*нелюбовь к другим, ненависть к людям, направление в группировках, вызывающие противодействие против общества*) либо указание понятий, связанных со стимулом (*терроризм, террор, взрыв, ваххабизм, вахабит, вахабиты, военные действия*); стратегия, свойственная молодому поколению, не желающему признать свою неосведомленность, стратегия подмены предложенного

стимула «экстремизм» известным понятием «экстрим» (*парашют; скалолаз; экстрим; кайф; адrenalин*).

Все эти факты в совокупности указывают на то, что данное понятие является новым и сложным для понимания, по мнению представителей всех поколений. Однако если обратиться к кластерному анализу, можно заметить, что поколение 40-летних имеет более точное представление о данном явлении. Таким образом, рассмотрение понятия «экстремизм» в языковом сознании россиян позволило понять отличается ли представление об экстремизме в обыденном сознании от того, как это же понятие описывается на уровне общественного сознания, а также обратить внимание на необходимость массовой информационно-разъяснительной работы среди российских граждан по вопросам концептуального осмысления данного феномена.

Список литературы:

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети/ Ю.Н. Караулов //Языковое сознание и образ мира. М., 2000. — 320 с.

**РАЗДЕЛЫ ФИЛОСОФСКОЙ ГРАММАТИКИ
КАК НАУКИ О ЯЗЫКЕ,
РАЗРАБОТАННОЙ К. ГЕРМАННОМ**

Лоза Анжела Валерьевна

*аспирант Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского,
РФ, г. Ярославль*

E-mail: angela.losa88@gmail.com

**PARTS OF PHILOSOPHICAL GRAMMAR
AS A SCIENCE OF LANGUAGE,
ELABORATED BY C. HERMANN**

Anzhela Loza

*graduate student Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Russia, Yaroslavl*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи заключается в освещении основных разделов философской грамматики, научной дисциплины о языке, детально разработанной и предложенной Конрадом Германном (1819—1897), немецким лингвофилософом, профессором философии Лейпцигского университета. В рамках статьи описывается важность каждого из разделов, а также их совокупная значимость для исследователя языка. Материалом для исследования послужил труд К. Германна «Философская грамматика», 1858 г.

ABSTRACT

This article presents the description of the main parts of philosophical grammar, a discipline, elaborated and introduced by Conrad Hermann (1819—1897), a German philosopher of language, Prof. Dr. phil. at the Leipzig University. The article is concerned with the importance of its every single part and their common significance for a language researcher. The article is based upon the work of C. Hermann “Philosophical Grammar”, 1858.

Ключевые слова: философская грамматика; философия языка; филология; синтаксис; этимология; метрика; герменевтика.

Keywords: philosophical grammar; philosophy of language; philology; syntax; etymology; metrics; hermeneutics.

Конрад Германн (1819—1897) — профессор философии Лейпцигского университета, исследователь вопросов истории философии, последователь философии Г. Гегеля, но в отличие от него уделявший в своих трудах большое внимание также вопросам филологии и языкознания (истории и происхождения языка, механизмам его овладения, взаимосвязи с искусством, становлением человеческого духа и др.). В рамках его научной деятельности вопросы философии тесно сплетались с проблемами языка, что особенно проявилось в разработанной и предложенной им науке — **философской грамматике**. Основные положения новой дисциплины К. Германн отразил в труде с одноименным названием «Философская грамматика» (1858 г.).

В общем и целом философская грамматика представляла собой комплексное знание о языке, в котором каждый отдельный компонент раскрывает сущность языка со своей стороны, а в совокупности они обеспечивают целостность данного знания. Комплексная организация данной дисциплины была обусловлена сложностью набора задач, которые, по мнению К. Германна, она должна решить. С одной стороны, она призвана заниматься изучением свойств языка, с другой стороны, на базе языкового материала исследовать закономерности мышления.

К. Германн представил философскую грамматику как пограничную дисциплину между филологией и философией. От филологии философская грамматика получила практический материал, то есть язык, в то время как из философии новая дисциплина заимствовала терминологию и методологический аппарат для исследований [1, с. 169].

В рамках филологии К. Германн выделял несколько разделов, каждый из которых представляет собой определенную сторону познания сущности языка: грамматико-лексический (разработка общих принципов языка), объяснительно-критический (анализ материала языка, уточнение принципов из первого раздела) и археологически-исторический (новые данные о языке) [3, с. 356]. Из указанных трех разделов К. Германн считал грамматико-лексический особенно значимым для структуры языкового знания, так как изначально лишь этот раздел занимался представлением понятий науки о языке в чистом виде (*reine Gestalt*) [3, с. 356—357] (Здесь и далее перевод на русский язык наш — А. Л.).

Каждый из данных разделов связан с дисциплинами и областями знания другого порядка. Грамматико-лексический раздел связан с принципами естественной науки, синтаксис — с логикой и философией; объяснительно-критический компонент — с сущностью поэтической и художественной деятельности духа; археологически-историческая составляющая имеет отношение к науке о действительности человеческой жизни, т. е. к истории [3, с. 357—358].

Рисунок 1. Разделы филологии по К. Германну

Интересен тот факт, что, создавая философскую грамматику как комплексную дисциплину, К. Германн обращался к данным двух, находящихся в XIX веке в состоянии жесткого противостояния областей знания: естественнонаучного и гуманитарного. Данное обстоятельство свидетельствует о широте его взглядов; стараясь максимально приблизиться к раскрытию сущности явлений языка, он избегал односторонности в исследовании.

К. Германн писал, что для науки о языке важны как естественнонаучный, так и духовный компоненты знания. Через естествознание формулируются общие правила языка, здесь находит свое применение принцип аналогии. К. Германн отметил, что модель

естествознания внушает уважение, но жизнь человеческого духа, находящая свое выражение также в языке, неизмеримо богаче и не всегда поддается четким, установленным правилам. Духовный элемент является образующим для языка (das Bildende) и одновременно не поддающимся измерению (unendliches Inkommensurables), поэтому естествознание само по себе нельзя рассматривать как единственную истинную форму науки, оно противопоставлено науке о духе и является равноправной половиной истинного знания [3, с. 362].

В логике собственных исследовательских установок, демонстрируя многоаспектность своих работ, К. Германн выделял в рамках философской грамматики множество разделов, которые в совокупности призваны наиболее полно раскрыть сущность языка, определить зачастую разную природу (свойства) вопросов исследования и применить к ним адекватные методы изучения.

Таким образом, философская грамматика распадается на несколько звеньев: введение, философию языка, этимологию, синтаксис, метрику и герменевтику. Рассмотрим названные разделы более детально, в порядке, указанном выше.

Рисунок 2. Разделы философской грамматики по К. Германну

Первые два раздела дисциплины представлены введением и философией языка. Во введении описываются общие принципы философской грамматики как науки, дается характеристика места, которое она занимает в системе наук, рассматриваются общие закономерности, на которых строится научная идентификация языков, рассматриваются общие вопросы о взаимодействии языка с наукой, историей, мышлением, соотношении логики и грамматики.

Предметом исследования в философии языка является Логос (λόγος), или форма мышления. Тезис о взаимосвязи языка и мышления был одним из важнейших положений лингвофилософских исследований К. Германна. К. Германн писал, что язык представляет собой форму выражения человеческого мышления, неразрывно связанную с ним. Язык имеет для мышления определяющее значение, обуславливает его, так как любая человеческая мысль представляет собой выражение определенного содержания мышления, оформленного с помощью заданных слов, форм и синтаксических конструкций, которыми человек обладает изначально [4, с. 50—51].

Поскольку язык представляет собой форму мышления (логос), поэтому сколько есть различных языков, столько есть различных видов и форм мышления [2, с. 37].

Основные направления изучения языка как выразителя мышления заключаются в анализе его грамматики и лексики. К. Германн писал, что грамматика — это каркас языка, с помощью лексики он заполняется [4, с. 65]. Грамматика, придающая форму языку, распадается на две составные части: этимологию и синтаксис.

К. Германн определял **этимологию** как эмпирическую дисциплину, которая занимается изучением материала языка, способов словообразования, выявляя наиболее характерные для него законы словообразования, изменением значений слов. **Синтаксис**, согласно представлениям К. Германна, представляет собой науку о правилах и способах соединения слов в предложения. Поскольку только в виде образования предложений язык служит выражением мышления, то синтаксис является основной философской дисциплиной [4, с. 65].

Синтаксис, представляющий собой «дух языка», базируется на этимологии, которую К. Германн считал «телом языка» [4, с. 174]. Поскольку синтаксис отражает взаимодействие между грамматикой и логикой, то в нем проявляются «чистая природа способности к мышлению» и «дух языка» [2, с. 66].

Итак, будучи основной частью науки о языке, синтаксис дополняется также данными этимологии (в качестве введения к синтаксису) и метрики (как приложения или дополнения к нему).

К. Германн писал, что **метрика** — это наука о формах стихотворной, (мерной) речи. Наряду с грамматикой и лексикой метрика языка необходима для его полного научного, теоретического познания, а также практического использования [3, с. 273].

В рамках главы, посвященной метрике, К. Германн рассмотрел элементы строения стиха (метр, стопа, стих, строфа), дал им определения, провел параллели между строением поэтической и прозаической речи.

Так, в рамках метрики К. Германн выделял **просодику** (die Prosodie) как учение о естественных способностях отдельных элементов языка к метрической сочетаемости и проводил параллель между ней и отношениями, которые связывают этимологию и синтаксис в обыденной, повседневной речи, когда из слов складываются предложения. Вследствие этого К. Германн указывал, что просодику можно также обозначать как метрическую этимологию (die metrische Etymologie) [3, с. 273].

К. Германн отметил, что понятие просодической метрической лексики раскрывается через “gradus ad Parnassum” (традиционное название словарей греческого и латинского языков), где представлены естественные, просодические свойства каждого отдельного слова, предоставляется совокупность слов, способных к взаимозаменяемости в случае необходимости, а также список слов, с которыми их можно сочетать [3, с. 273].

Следует отметить, что К. Германн относился к поэзии с большим уважением и восхищением, сам занимался драматургией. Он писал, что поэзия представляет собой праздничное, торжественное одеяние, в которое облачается обычный язык. Поэтический облик языка преображает его, очищает душу, противопоставляя данный вид искусства всему мрачному в мире [3, с. 274]. Особое отношение к поэзии, в особенности почитание античной поэтической мысли, К. Германн, вероятно, унаследовал от отца, известного филолога-классика Готтфрида Германа, который преподавал в университете Лейпцига вопросы грамматики греческого и латинского языков, исследовал античную литературу и видел в ее изучении одно из важнейших средств познания языка [1, с. 167].

К. Германн рассматривал античную поэзию (формы стиха) как проявление высшего мастерства в стихосложении. В частности, он писал, что, если бы поэтическая мысль Гомера не была бы выражена в форме гекзаметра, то половина ее очарования была бы утеряна. К. Германн также считал, что одни языки изначально расположены к стихосложению, обнаруживают большую к нему

способность. В большей степени к таковым он относил греческий язык, в меньшей — латынь [3, с. 277, 287].

Следует также отметить, что К. Германн указывал на наличие неразрывных связей между метрикой, историей, культурой и общественной жизнью общества в целом. Развитие одного компонента влияет на развитие другого, поэтому К. Германн отметил высокую значимость истории поэзии, а также предлагал считать метрику сравнительной наукой. К. Германн писал, что так же, как искусство в целом, его проявления у различных народов в определенный отрезок времени отличаются друг от друга, так и законы стихосложения считаются различными по своему характеру [3, с. 286].

Согласно К. Германну, стихотворная речь является важной составляющей жизни языка (одной из форм его существования), которая также (наряду с обыденной речью) должна быть изучена и проинтерпретирована (в том числе в совокупности с остальными элементами культуры и общественной, духовной жизни).

Логическим завершением философской грамматики является герменевтика. К. Германн обозначал герменевтику в качестве филологического объяснения и толкования. В отличие от философов XIX века, разрабатывавших методологию гуманитарных наук и герменевтики, в частности, (И.Г. Дройзена, В. Дильтея), он не проводил искусственной разделительной черты между объяснением как методом естественных наук и пониманием как методом гуманитарного знания, а отмечал их совокупную значимость.

Он писал о том, что в языке множество явлений подчиняются определенным грамматическим правилам, представляют собой закономерность («общее»), исследовать и объяснить которые помогут методы естественных наук (анализ, синтез). Но также в языке много явлений, которые могут не подпадать под установленные правила, это явления «единичного», толкование и объяснение которых обеспечивает герменевтика путем применения сравнительного подхода (рассмотрение отдельных явлений с точки зрения их сходства и различия между собой) и наблюдения «поведения слова» в контексте [3, с. 419].

Таким образом, К. Германн представил детально разработанную, цельную систему новой дисциплины о языке, призванную структурировать и облегчить работу исследователя, в то же время способствующую обогащению науки новыми сведениями.

Список литературы:

1. Лоза А.В. Лингвистическая мысль второй половины XIX века. Конрад Германн и Лейпцигский университет // Ярославский Педагогический вестник. — Том I. — 2013. — № 3. — с. 167—171.
2. Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. — 412 с.
3. Hermann C. Philosophische Grammatik. Leipzig: Friedrich Fleischer, 1858. — 428 S.
4. Hermann C. Das Problem der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte. Dresden: Verlag von Rudolf Kuntze, 1865. — 115 S.

**2.5. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ**

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ
РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КИТАЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Ступкина Марина Владиславовна

*ассистент кафедры восточных языков и МПИЯ
Алтайской государственной академии имени В.М. Шукшина,
РФ, г. Бийск*

E-mail: Malitaitai@mail.ru

Наджафова Рамила Вагифовна

*ассистент кафедры восточных языков и МПИЯ
Алтайской государственной академии имени В.М. Шукшина,
РФ, г. Бийск*

E-mail: kimbirli@list.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SHEECH
ETIQUETTE FORMULAS
IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES**

Stupkina Marina

*assistant of the Oriental Languages and methods
of foreign language teaching department of Altai State Academy
of Education named after V.M. Shukshina,
Russia, Byisk*

Najafova Ramila

*assistant of the Oriental Languages and methods
of foreign language teaching department of Altai State Academy
of Education named after V.M. Shukshina,
Russia, Byisk*

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена изучению национальных особенностей этикетных формул китайского и русского языков. За основу были взяты формулы приветствия, обращения, благодарности, извинения, согласия, прощания, а также невербальные средства выражения приветствия, согласия, несогласия, благодарности, прощания в России и Китае.

ABSTRACT

This work is devoted to the study of national peculiarities of etiquette formulas in Chinese and Russian languages. Was based on the formula of greeting, handling, gratitude, apology, agreement, goodbyes, and nonverbal expressions of greeting, agreement, disagreement, gratitude, goodbyes in Russia and China.

Ключевые слова: этикетные формулы; речевой этикет; сопоставительный анализ.

Keywords: etiquette formulas; speech etiquette; comparative analysis.

Невозможно назвать языковую культуру, в которой не были бы представлены этикетные требования к речевой деятельности. По мнению многих ученых изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, психологии и других гуманитарных дисциплин.

Интерес к данному вопросу обусловлен тем, что, несмотря на очевидную необходимость соблюдения национальных особенностей речевых формул, сходства и различия в их употреблении до сих пор не были полностью изучены. Особенно это касается китайского и русского языков.

«Речевой этикет в узком смысле слова может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения» [1, с. 217]. Основу речевого этикета составляют речевые формулы, характер которых зависит от особенностей общения. Речевой этикет характеризует как повседневное языковое общение, так и языковую норму. Он является составной частью культуры поведения и общения человека. Он обладает национальной спецификой, знание тонкостей которой позволит избежать многих трудностей в процессе общения. Особой чертой китайского речевого этикета является его вежливость, которая превосходит русскую во много раз.

Наше исследование имело своей целью путем анкетирования носителей русского и китайского языков выбрать наиболее часто

употребляемые этикетные формулы данных языков и провести их сравнительный анализ.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе было проведено анкетирование носителей китайского и русского языков. В эксперименте участвовало 25 носителей китайского языка и 25 носителей русского языка. Цель эксперимента состояла в том, чтобы сопоставить основные этикетные формулы в русском и китайском языках. Респондентам была предложена следующая инструкция: опираясь на следующую классификацию, укажите все известные вам формулы приветствия, обращения, благодарности, извинения, согласия, несогласия, прощания и невербальные средства их выражения. После обработки данных мы выделили наиболее часто употребляемые формулы и невербальные средства их выражения в предложенной нами классификации.

На втором этапе был проведен сравнительный анализ этикетных формул предложенной классификации китайского и русского языков.

Заканчивая сопоставительный анализ, были сделаны следующие выводы:

1. Наиболее часто употребляемые формулы приветствия русского и китайского языков — Здравствуй! И 你好! что в переводе означает здравствуй имеют схожую этимологию.

Специфическим китайским приветствием является — «吃饭了吗?», что в переводе означает «Ты ел рис?». Общеизвестно, что слову «рис» придается особое значение в традиционном китайском обществе. Борьба за существование в Китае подчас напрямую зависела от его наличия. По этой причине такая форма является во многом символичной: если ты «ел рис», значит, в твоём доме достаток, и у тебя все в порядке.

2. Формулы обращения особенно ярко отражают национальную специфику речевого этикета. Это связано с различиями в составе имени. В русском языке — фамилия+имя+отчество, в китайском — фамилия+имя. В русском языке в официальной обстановке собеседник называется по имени и отчеству, в китайском языке используют только фамилию и официальную должность, до тех пор, пока собеседник специально не попросит называть его по имени, например, 王大夫 доктор Ван, причем фамилия ставится на первое место. Если должность не известна, то чаще всего используются обращения «先生» — господин, «太太» — госпожа. В русском языке по отношению к незнакомым людям часто используются гендерные формы обращения.

Речевые формулы благодарности в китайском и русском языках не имеют ярко выраженных отличий. Так, и в китайском и в русском

языке, выражение благодарности в официальной обстановке содержит слова «разрешите, позвольте».

В обоих языках встречаются формулы, в которых говорящий показывает свою растерянность, тем самым увеличивая значимость происходящего. Например, «不知多么感谢您! Не знаю, как вас благодарить», или «Я так благодарен вам, что нет слов!».

3. Формулы извинения в китайском языке представлены шире и более эмоционально, чем в русском, что связано с важным в китайской философии «Учении о лице», главным принципом которого является «не потерять лицо» [3]. Даже если китаец случайно коснется рукой стоящего рядом человека, он обязательно скажет несколько извинений, так как принес беспокойство.

4. Формулы согласия в русском и китайском языках представлены по большей части в виде коротких, четких высказываний например, «好吧! — Хорошо!», «行! — Ладно!» в китайском и «Ладно!», «Ок!», « Не вопрос!» в русском языке. Это говорит о том, что с помощью короткого ответа говорящий подчеркивает отсутствие всяких сомнений для согласия.

Формулы несогласия являются самыми трудными в использовании. В китайской традиции при отказе обычно стремятся щадить самолюбие партнера. С этой целью используются конструкции «恐怕- боюсь», «对不起 — извини». Вместо уверенного « Я не согласен», употребляется «不能同意 — не могу согласиться», этим как бы смягчают возможную негативную реакцию. В русском языке намного больше эмоциональных отказов и формул несогласия, например «Ну уж нет!», «Ни за что!», «Ты не прав!», «Ты ошибаешься!».

5. Формулы прощания в китайском языке имеют ряд ограничений, например, фразу «路顺风! — Попутного ветра!» запрещено говорить путешествующим на самолете. Необходимо отметить, что большинство китайских прощаний в своем составе имеют иероглиф «见» (再见, 明天见, 回头见), который означает «встречать, видеть», т.е. прощаясь, китайцы так или иначе упоминают предстоящую встречу. В русском языке также наблюдается подобная тенденция.

6. Невербальные средства выражения приветствия, согласия, несогласия, благодарности, прощания в России и Китае имеют ряд особенностей, которые могут стать препятствием правильного восприятия речевой формулы. Например, невербальные средства приветствия у русских более раскрепощенные. Привычные для русских поцелуи и объятия при встрече для китайцев просто недопустимы.

Также можно увидеть, как китайцы благодарят друг друга за внимательность и любезность, постукивая двумя пальцами правой руки по краю стола. Данный жест вежливости восходит к временам династии Цин, когда один император «уходил в народ» инкогнито. Сопровождавшие его лица не могли высказать свое уважение правителю словами и поэтому постукивали двумя пальцами по столу. Сейчас многие находят эту привычку довольно практичной — так можно сказать «спасибо», не прерывая основной беседы [2]. Для русских, не знающих национальной специфики, этот жест покажется странным и может сбить с толку во время разговора.

В результате исследования было подтверждено, что этикетные формулы обладают национальной спецификой. Более того было установлено, что даже невербальные средства используемые совместно с этикетными формулами, отражают особенности культуры и истории соответствующей страны. Подводя итоги можно сказать, что, несмотря на национальную специфику, ряд этикетных формул китайского и русского языков не только имеют схожую структуру, но и схожую этимологию.

Список литературы:

1. Александров Д.Н. Риторика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ Дана, 1999. — 534 с.
2. Сидихменов В.Я. Китай: общество и традиции: 2000. — 63 с.
3. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан: 2010. — 552 с.

СЕКЦИЯ 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Михальчук Вадим Владимирович

канд. искусствоведения, доцент

кафедры искусствоведения и экспертизы

Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств,

Украина, г. Киев

E-mail: DesignNAU@ukr.net

WAYS OF SELF-REALIZATION OF YOUNG ARTIST IN MODERN UKRAINE

Mikhalchuk Vadim

PhD. in Art History, docent of the chair

of art criticism and expert work of National Academy

of Management Personnel of Culture and Arts,

Ukraine, Kiev

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — актуализовать проблему поиска путей для реализации творческого потенциала талантливых молодых художников в поле арт-бизнеса современной Украины.

ABSTRACT

The purpose of the article — to actualize the problem of finding of the ways to realize the creative potential of talented young artists in art business of modern Ukraine.

Ключевые слова: галерейное дело; арт-бизнес; художник; меценат.

Keywords: gallery activity; art-business; artist; maecenas.

Молодой художник любой эпохи всегда входил в мир искусства и, тем более, в мир арт-бизнеса через тернии. Не потому, что бизнес в художественной сфере — это те самые «звезды» и предел мечтаний, к которым всегда путь пролегает через тернии. А в силу специфики творческой личности, чаще всего не предрасположенной к прагматичным шагам, для осуществления которых требуется определенный процесс «переформатирования» мышления, некой «перезагрузки» сознания художника. Поэтому всегда процессом продвижения начинающего художника, популяризацией его идей, манеры, стиля, формированием его имени в богемных кругах руководил тот, кто мог быть промежуточным звеном между неприспособленным к брэнному миру Творцом и волнами финансового «девятикружия» — ведь действительно реальность для художника часто становится истинным дантовым адом.

В ренессансной Европе эту благую функцию «моста» из мира грез в реальность выполняли меценаты [1]. Италия знала сады Медичи, в которых путевку в жизнь получили многие создатели сокровищницы европейского искусства, включая Микеланджело. Наряду с Медичи меценатствовали, не забывая о личной выгоде, Борджиа и Орсини, не говоря уже о папах, каждый из которых внес свою лепту в расцвет искусств Италии. Особенно отличился, конечно, «самый ренессансный» папа, Юлий II.

Севернее Альп дорогу в карьеру художникам мостили Франциск I (во Франции), Филипп IV (в Испании) и Рудольф II (Пражский художественный центр, положивший начало Рудольфинуму). Они не жалели средств, чтобы окружить себя знаменитейшими мастерами, каждого из которых иногда уговаривали приехать ко двору по несколько лет, деньги на эту затею лились из казны рекой. Именно они способствовали и миграции творческих сил по Европе [5], ее обогащению новыми веяниями, распространению новшеств в художественной жизни держав. С появлением многих академий в Европе начать творческую карьеру стало намного легче — Италия, Франция, Россия показали пример того, как должно формироваться художественное образование.

Если итальянские меценаты Ренессанса привечали преимущественно уже известных художников, и дворы просвещенных монархов Европы соревновались между собой за обладание ими (исключение

составляли, например, сады Медичи, откуда вышли в свет никому еще не известные Микеланджело, Торриджано, другие, в будущем известнейшие мастера), то уже, например, XIX в. подходил к творческому потенциалу иначе, несколько более рискованно. Маршаны Парижа скупали полотна у начинающих, живущих еще впроголодь художников, чувствуя их потенциал, видя будущее, пророчествуя фурор. Импрессионисты стали, пожалуй, лучшим примером процесса взаимодействия художника и его «менеджера», человека, который «продвигает» на арт-арену новое имя. Именно так становились известными мастера Франции рубежа XIX и XX вв., Париж породил многих известных своим уникальным чутьем маршанов. Заря арт-бизнеса, пожалуй, по-настоящему занялась именно тогда, в эпоху импрессионизма, под небом Монмартра.

Многим начинающим русским художникам, еще полунищим в силу неизвестности и непредприимчивости дал путевку в жизнь П. Третьяков. История коллекционирования не мыслима без главы, посвященной ему. Человек с уникальным чутьем, рафинированным вкусом, он был в состоянии не только создать беспрецедентную коллекцию, но и сотворить вокруг себя беспримерную творческую атмосферу. История коллекционирования не знает лакун, любая эпоха в арт-календаре имеет страницы, посвященные формированию музеев и частных коллекций. Но в данном случае речь не просто о создании коллекции или музейного собрания, а о рождении особого микроклимата, в котором ингредиентами были не только произведение искусства, коллекционер и публика, созерцающая шедевр, но и сам художник, являвшийся непосредственным участником процесса. Поэтому та творческая атмосфера, которая царил на Монмартре или в третьяковской России, не имеет аналогов в иные эпохи.

Сегодняшний молодой художник прежде чем выйти на свой Монмартр в поисках Третьякова XXI века, проходит закалку в «кузнице кадров» художественной «муштры». Именно эта ступень, профессиональное образование, и становится поныне первой, фундаментальной в становлении художника. Украинское высшее художественное образование имеет несколько основных центров, которые можно назвать «кузницей кадров» сегодняшней творческой элиты Украины. Alma Mater украинского искусства — Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, изрядно потрепанная ветрами перемен, посеченная шрапнелью, стонущая от невосполнимых утрат. Ушли в небытие многие «мастодонты» художественной классической арены. Мастерские сиротеют без классиков. Но НАИИиА по-прежнему упрямо удерживает планку требований к молодежи, как и ранее, в надежде составить авангард

искусства, стремящийся, прежде всего, сюда. Еще несколько киевских вузов, имеющих под своей крышей художественные кафедры или факультеты, академическую школу дать могут лишь с «натяжкой». Какие-то дают неплохую «ремесленную» выучку, но при слабой теоретической базе. Иные — наоборот: готовят достаточно сильных теоретиков, но практическая база хромает на обе ноги. Хороший уровень полготовки художников, как живописцев или графиков, так и скульпторов, «прикладников» и реставраторов, имеют харьковские и львовские вузы. Остальные учебные заведения могут лишь с большим трудом найти аргументы своей попытке стать рядом с перечисленными в рейтинге художественных вузов страны. Одесса, Луганск — центры, где сосредоточено весьма ограниченное количество вузов, в которые идут будущие художники.

Получив «закваску» в стенах образовательных учреждений, художник выходит в жизнь с оголенным ощущением своей самостоятельности и зачастую — невостребованности. Многим приходится едва ли не «переквалифицироваться в управдомы», чтобы как-то выжить в условиях жесткой конкуренции и современного рынка, отнюдь не имеющего искусство среди приоритетов [6]. Но некоторым везет попасть в поле зрения тех, кто в состоянии совместить приятное с полезным, владея наукой продавать искусство. Вернее, сейчас это уже именуют искусством продавать искусство. Меценатов, коллекционеров, арт-менеджеров, специалистов в области арт-бизнеса в Украине сегодня не так уж и мало, хотя, увы, все они пришли в эту сферу деятельности различными путями, поскольку профессиональной подготовки таких специалистов в стране на сегодня пока нет [6]. Сегодняшняя Украина довольно богата площадками, на которых может реализовать себя молодой художник. Организовать его вхождение в круг света арт-бизнеса не так легко. Это зачастую закрытый мир, в закулисы коего попасть непросто, недешево и небыстро. С каждым днем возникает все больше проектов, организаций, деятельность которых и направлена на то, чтобы помочь молодым мастерам проявить себя и вписать свое имя на страницы истории современного искусства. Среди них — «Мистецький Арсенал» («Художественный Арсенал»), имеющий огромные выставочные пространства, организовывающий выставки, фестивали, конкурсы современного искусства, способствующие популяризации новых имен. Деятельность его музея, фонда, ряда проектов под его эгидой направлена именно на популяризацию украинского искусства, его интеграцию в арт-пространство зарубежья. Та же цель стоит перед Институтом проблем современного искусства Национальной Академии Искусств Украины, который является единственным

сегодня в стране научно-исследовательским учреждением, деятельность которого сфокусирована именно на современном искусстве во всех его проявлениях и которое успешно совмещает исследовательскую работу с выставочными проектами, успеху которых может позавидовать и Европа. Музей современного искусства, выставочные залы Национального союза художников Украины, Национального фонда культуры Украины, галереи Киева — площадки, на которых молодые художники делают первые шаги в арт-мир. Последние несколько лет активизировалась аукционная жизнь страны [2], в том числе и аукционы работ молодых художников, для которых иногда этот путь — единственный шанс стать замеченными и узнаваемыми. К сожалению, специалистов в области аукционного дела Украина тоже пока получает лишь из талантливых самоучек, но они есть, и их количество все увеличивается, несмотря на экономические сложности сегодняшних дней. Исходя из потребностей сегодняшней художественной Украины одна из наиболее насущных проблем для творческой элиты страны, требующая актуализации, — потребность в профессиональных галеристах и аукционистах, с учетом активизации аукционного дела в стране, стремительного развития галерейной деятельности и роста интереса стран мира к молодому украинскому искусству.

Список литературы:

1. Колосова Н. Благодійництво і меценатство та соціокультурні передумови їх запровадження в Україні: Історичний аспект // Вісн. Держ. Академії керівних кадрів культури і мистецтва. — 2003. — № 1. — С. 130—137.
2. Михальчук В. Галерейна справа в системі художньої культури України. Автореф. дис... на здобуття наук.ст. кад.мистецтвознав. К.: НАКККиМ, 2012. — 26 с.
3. Официальный сайт Института проблем современного искусства. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mari.kiev.ua/index.html>.
4. Официальный сайт Национального культурно-художественного и творческого комплекса «Мистецький Арсенал». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://artarsenal.in.ua/>.
5. Романенкова Ю. Причины миграции творческих сил в Европе в эпоху маньеризма. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?archive&id=1275852533&start_from&subaction=showfull&ucat.
6. Романенкова Ю. Искусство как процесс и арт-бизнес как его следствии/Зб. наук.пр. за результатами II Міжнародної Інтернет-конференції [Мистецька спадщина Поділля у контексті полікультурного європейського простору], (Кам'янець-Подільський, 2012). — С. 114—118.

3.2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

КАФЕДРА ДИЗАЙНА АГИИК: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Петрова Анна Григорьевна

*канд. искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой дизайна
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Арктический государственный институт искусств и культуры»,
РФ, г. Якутск
E-mail: kundune@mail.ru*

Решетников Георгий Николаевич

*доцент кафедры дизайна Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Арктический государственный институт искусств и культуры»,
РФ, г. Якутск
E-mail: gosha-resh@mail.ru*

Рахлеева Ольга Афанасьевна

*доцент кафедры дизайна Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Арктический государственный институт искусств и культуры»,
РФ, г. Якутск
E-mail: rakchleeva@yandex.ru*

**DEPARTMENT OF DESIGN ASIAC:
REGIONAL COMPONENT IN THE EDUCATIONAL
PROGRAM AND THE DEVELOPMENT
OF RESEARCH DIRECTIONS**

Petrova Anna

*PhD, Associate Professor, Head of the Design Department
of the Federal State Institution
"Arctic State Institute of Art and Culture",
Russia, Yakutsk*

Reshetnikov George

*associate Professor of Design Federal State Institution
"Arctic State Institute of Art and Culture",
Russia, Yakutsk*

Rakhleeva Olga

*associate Professor of Design Federal State Institution
"Arctic State Institute of Art and Culture",
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика основной образовательной программы по направлению «Дизайн» реализуемой в Арктическом институте искусств и культуры. Дана краткая характеристика содержания авторских курсов, выпускных квалификационных и курсовых работ студентов ориентированных на разработку реальных региональных тем.

Проекты, связанные с решением визуальных коммуникаций, интерьера, проектированием модульных конструкций анализируются с позиций архитектурного, конструктивного, художественного и образного решения основанных на интерпретации форм традиционной материальной культуры и символики Арктики.

ABSTRACT

The article discusses the specifics of the educational program design trends implemented in the Arctic Institute of Art and Culture. The brief characteristic content copyright courses and final qualifying students of coursework focused on the development of real regional themes .

Projects related to the solution of visual communications, interior design modular structures are analyzed from the standpoint of architectural, structural , artistic and imaginative solutions based on the interpretation of the traditional forms of material culture and symbolism of the Arctic.

Ключевые слова: Регионализм; дизайн среды; графический дизайн; традиционная культура; предметный мир; проектирование.

Keywords: Regionalism; environmental design; graphic design; traditional culture; subject environment.

Потребность в специалистах в области дизайна на рынке труда в Республике Саха (Якутия), отмечена динамичным ростом. Сферы деятельности дизайнеров постоянно расширяются, они осуществляют деятельность в городах и улусах республики: в типографиях, издательских домах, рекламных агентствах, дизайн-студиях, дизайн-бюро, проектных институтах частной и государственной собственности, в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, ведомствах, предприятиях и мн. др. Отметим, что в республике получили развитие графический дизайн, связанный проектированием визуальных коммуникаций, полиграфической продукции, и дизайн среды. На эти направления существует устойчивый социальный заказ, обусловленный бурным развитием градостроительства, благоустройства среды, средств массовых коммуникаций, рекламного, издательского дела. Рост потребности в специалистах данного направления связан не только с собственно объектами профессиональной деятельности, но и с тем, что сама область дизайна интегрирует художественную, инженерно-конструкторскую, научную, педагогическую деятельность. Выпускники подготавливаются кроме художественно-проектной деятельности, к осуществлению управленческих функций в различных учреждениях.

Развитие художественно-проектной школы невозможно без формирования научной школы. Сегодня на кафедре дизайна Арктического института развиваются творческие искусствоведческие, культурологические, технические направления, ориентированные на разработку концепции регионального арктического дизайна и дизайн-образования. Проводятся исследования в области традиционного искусства народов Азии, Сибири, Арктики, проблем развития регионального этнодизайна. Основной вектор научных исследований кафедры — органическая связь традиционного народного искусства и дизайна, который стремится не порвать эту связь, но укрепить, расширить культурный контекст традиционного искусства и технологий, транслировать их дальше. Научная работа сотрудников кафедры прямым образом содействует повышению уровня и качества подготовки специалистов и в последние годы в основной образовательной программе направления произошли изменения, связанные с усилением «арктического», шире, регионального компонента. С одной стороны это внедрение авторских курсов, связанных с разработкой прикладных тем, с другой

включение в проблемное поле различных проектных дисциплин задач учитывающих специфику предметно-пространственной среды Арктики.

В основе курсов лежит идея о своеобразии северного этнокультурного региона, об особой организации и форме пространственности, неразрывной связи природы и предметного мира, понимание того, что история дизайна, это история традиционного предметного мира. Так, традиционный предметный мир, архитектура, декоративное искусство народов Якутии (Северо-восток Сибири, Арктическая зона) изучаются в рамках авторских дисциплин «Культура и искусство народов Арктики», «Декоративно-прикладное искусство народов региона». Эти курсы посвящены изучению художественного творчества в целом, творчества народных мастеров, деятельности профессиональных школ, развивающих традиционное и декоративно-прикладное искусство.

Дисциплины «Традиционное шитье и вышивка», «Традиционные методы обработки кожи и меха» углубляют знания студентов в области одежды народов Севера обусловленной климатическими, географическими условиями, образом жизни. Целью курса «Орнамент народов Арктики» [1] является изучение происхождения орнаментальных образований в контексте предметного мира, универсальных композиционных форм и символики в орнаменте народов Арктики. Формированию знаний в области традиционной архитектуры народов Якутии и Арктики посвящено содержание курса «Архитектура традиционных форм». Главные темы — характерные особенности и влияние ландшафтно-климатических условий на формирование архитектуры, ее генезис и эволюция, система пропорциональных отношений построек и пр.

Обращенность к региональной тематике, получила отражение в довольно крупных блоках дисциплин базовой и вариативной частей гуманитарного, общепрофессионального и профессионального циклов: «Арктическое регионоведение», «Изобразительное искусство Якутии», «Символический язык искусства», «Семантика коммуникативных средств в среде (региональная специфика)», «Человеческий фактор в дизайн проектировании в условиях Арктики», «История якутской книги», «Проектирование», «История орнамента», «Ландшафтное проектирование среды». Содержание данных курсов посвящено отдельным вопросам традиционного, современного, профессионального искусства и дизайна региона.

Ориентированность на разработку реальных региональных проектов, имеющих практическое значение, характерна для курсовых и выпускных квалификационных работ кафедры дизайна Арктического института. В последние годы разрабатываются такие направления и темы как дизайн-проекты и концепции модульного быстро-

возводимого жилья для условий Севера, объекты общественного питания, благоустройство сельских территорий (скверов, зон досуга), организация природно-ландшафтных парков, интерьеров; графического дизайна — проектов по мотивам северной мифологии (проектирование книги, визуальные коммуникации и пр.); коллекций одежды, творчески перерабатывающих традиционные формы.

Сегодня этнокультурное наследие приобретает особую значимость в практике дизайна среды, появляющиеся в республике дизайн-концепции создаются с учетом экологичности и природосообразности. В проектах часто интерпретируются принципы формообразования традиционного жилища юрты, летней *урасы*, орнаментальные мотивы, формы вещного мира.

В основе архитектурного образа и решения интерьера проекта К. Егоровой (рук. доцент Решетников Г.Н.) «Дизайн-концепция здания центра Народного творчества со специализированной школой-мастерской по обработке металла», 2013 г. лежат формы традиционной архитектуры, образы мифологии и народного искусства саха [2. с. 162—166].

Архитектурная композиция центра, основанная на философии простоты строится на основе комбинации форм, кубов, для нее характерна минималистическая «медитативность». (Рис. 1, 2) Концептуальное решение главного входа основано на представлениях народа, отраженных в эпосе *Олонхо* — металл олицетворяет силу и неземное мужество, здесь заложен образ *Кыдай Бахсы*, кузнеца из Нижнего мира *Олонхо*. Предлагаемое автором решение интерьера, находится между рукотворной архитектурой и первозданным, природным состоянием пространства и конструктивным воздействием.

Рисунок 1. К. Егорова Проект «Дизайн-концепция здания центра Народного творчества со специализированной школой-мастерской по обработке металла». 2013 г. Решение архитектурного объема Центра

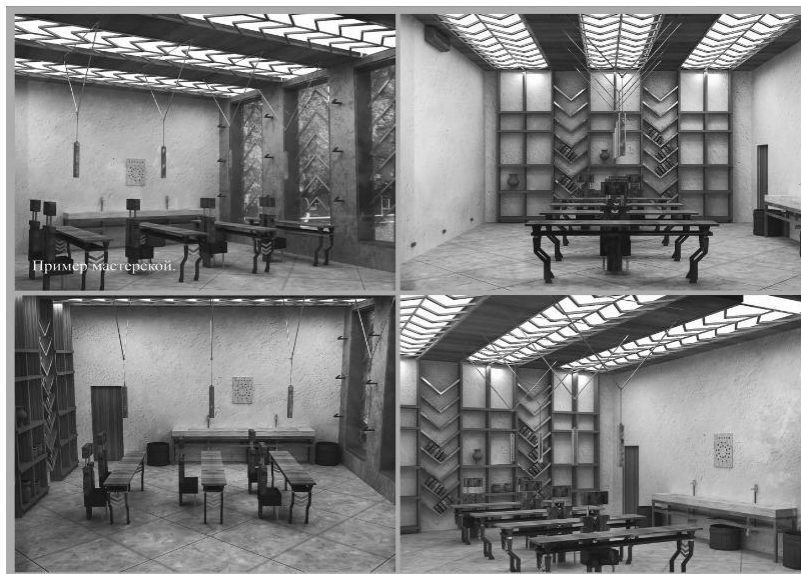

Рисунок 2. К. Егорова Проект «Дизайн-концепция здания центра Народного творчества со специализированной школой-мастерской по обработке металла». 2013 г. Решение интерьеров Центра

В интерьере мастерских данного проекта заложен образ *матаар* (короб для хранения предметов рукоделия) — хранить знания и умения человека, передавать их из поколения в поколение. Присутствующий в интерьере мастерских орнаментальный мотив *таналай* символизирует творчество, имеет декоративное и функциональное значение, образует ритмичные ряды потолка, окон, выполняет функцию полок. Выбор мотива неслучаен, орнамент *таналай* — в традиционной культуре саха имеет магический смысл, т. к. является своеобразной лестницей между срединным (земным) миром и верхним миром божеств *Айыы*.

Интересно решенный главный зал Центра кодирует ритуальные числа. Ритм многих явлений окружающего мира, элементов ритуальной обрядности якутов чаще всего осмысливался через три (троекратность), семь (семикратность), девять (девятикратность), существовала т. н. «приближенная система количественных символов». В организации зала использована конструкция традиционной якутской юрты-*балаган*, в центре — подиум в виде

солярного круга. Стены подчеркнуты декоративными панелями представляющими интерпретацию традиционного орнамента, цветовых сочетаний. В данном проекте получил отражение синкретизм традиционной культуры и искусства: художественная функция неотделима от утилитарной и обрядовой.

Проект Р. Степанова «Дизайн-проект модульных конструкций быстровозводимого мобильного жилья для условий Крайнего Севера», 2013 г. (рук. доцент Г.Н. Решетников) стал продолжением поисков решений в области трансформирующегося мобильного жилья актуального в первую очередь для хозяйственной деятельности коренных народов: оленеводы, охотники, промысловики [3, с. 177—184]. Автор отмечает перспективность использования именно динамичного и адаптирующегося жилья в будущем. В работе на основе анализа форм и конструкции традиционных жилищ народов Севера и Арктики предлагается конструктивное решение: разработка трех основных модульных элементов каркаса-крепления, с помощью которых возможно возведение различных конфигураций жилья. Проект предусматривает использование материалов региональных производителей, например, на основе базальта, сочетающего массу позитивных характеристик: экологичность, малый вес, окупаемость и пр.

Комплексной задаче по организации и оформлению общественного интерьера посвящен проект Ю. Осиповой «Разработка дизайн-проекта модульного интерьера ресторана-кафе быстрого питания якутской кухни», 2013 г. (рук. доцент, карх. Старостина А.А.). Автор проекта отмечает неразрывную связь традиционной кухни саха с эстетическими представлениями и средой, тенденция к сохранению которой наблюдается и сейчас, это находит отражение в том внимании, которое уделяется оформлению интерьера ресторанов национальной кухни. В проекте отмечается проблема продвижения национальных брендов, этностилистики, только начинающей внедряться в архитектуру и ландшафтный дизайн. Целью проекта стала разработка инновационного дизайна интерьера быстрого питания, якутской кухни (Рис. 3).

Рисунок 3. Осипова Ю. Проект «Разработка дизайн-проекта модульного интерьера ресторана-кафе быстрого питания якутской кухни». 2013 г. Фрагмент интерьера

Художественный образ внутреннего пространства связан с традиционными мифологическими представлениями: бытовыми обрядами, легендами, мотивами народных сказок. В создании образа интерьера использованы традиционные формы архитектуры, необычные композиционные решения, натуральная кладка из местных материалов, естественная фактура дерева, элементы народного искусства и быта, оригинальное оборудование. Образ «небесной мутовки», радиальная форма, заложенные в решении потолка и выполнении отдельных элементов пространства взаимосвязаны и подчинены тематической направленности интерьера, его функциональному, эстетическому замыслу. Для интерьера в отделке, удачно найденные приемы освещения и размещения оборудования, сдержанность цветового решения, гармоничное включение средств декоративно-прикладного искусства. Эстетическая концепция проекта основана на синтезе якутского и «арктического» этнических стилей.

Линию якутского, шире «северного» графического искусства продолжает и дизайн визуальных коммуникаций, наиболее впечатляюще проявляющий себя в области социального и экологического плаката. Новый век должен стать веком экологии, и плакат в этом отношении должен способствовать развитию отношения к миру как единому живому организму. Чтобы эко-логия дополнялась эко-чувством, эко-отношением, эко-действием в реальной и виртуаль-

ной сферах. По своей природе и функциям плакат есть визуальный message, максимально доступный и простой для прочтения и понимания. Главная его цель — оперативно и результативно донести конкретную идею-информацию.

Универсальным языком коммуникации являются знаки и символы. Создание знака — древнейший творческий опыт, идущий со времен прошлого всех культур и народов. Современный плакат тяготеет к простым и лаконичным формам. Сокращается глубина пространства, применяются локальные цвета, силуэтность изображения, минимальное использование светотени, резкость контура. Курсовой проект Николаевой С. «Серия плакатов «Харыстаа», 2012 г. (рук. доцент Рахлеева О.А.) (Рис. 4), представляет собой интерпретацию темы экологической проблемы освоения северных территорий. Автор через символический язык показывает неразрывную связь традиционной культуры и той экосистемы, которая ее рождает, как бы возвращает зрителя к традиционному пониманию человеком явлений и ритмов природы.

Таким образом, исследовательские направления разрабатываемые преподавателями кафедры получают отражение в планировании учебного процесса, содействуя повышению качества подготовки специалистов и развитию научных и прикладных исследований в области дизайн-проектирования, традиционного искусства в современной художественно-проектной культуре.

Рисунок 4. Николаева С. Проект «Серия плакатов «Харыстаа». 2012 г.

Список литературы:

1. Петрова А.Г. Орнамент народов Арктики: учеб.-метод. рекоменд. Якутск: ИЦ ФГБОУ ВПО АГИИК, 2013. — 28 с.: ил.
2. Петрова А.Г., Егорова К.П. Образы традиционной культуры в современном дизайне //Материалы всеросс. (с междунар. участием) научно-методич. семина. «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы». Екатеринбург: Изд-во ФГАОУ ВПО УрФУ, 2013 г. — 208 с. — С. 162—166.
3. Решетников Г.Н., Степанов Р.В. Опыт традиционной архитектуры в разработке дизайн-проекта модульных конструкций быстровозводимого мобильного жилья для условий Крайнего Севера//материалы всеросс. (с междунар. участием) научно-методич. семина. «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы». Екатеринбург: Изд-во ФГАОУ ВПО УрФУ, 2013 г. — 208 с. — С. 177—118.

3.3. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН

ИНТЕРАКТИВ В ДИЗАЙНЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О РЕГИОНЕ (РОССИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ), 2004—2014 ГГ.

Марьясова Мария Константиновна

*специалист по учебно-методической работе,
Новосибирской Государственной
Архитектурно-Художественной Академии,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: mar98asova@gmail.com*

INTERACTIVITY IN DESIGN OF GRAPHIC INFORMATION ABOUT THE REGION (RUSSIA, GREAT BRITAIN), 2004—2014 YY.

Maryasova Mariya

*specialist in teaching methods,
Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

Показаны структура и роль графического сообщения в официальной информации о регионе, посредством построения комплексной схемы коммуникационного процесса между источником информации и его гетерогенной аудиторией. Схема основана не только на подходах классиков мировой коммуникативистики, но и на логическом синтезе специфики процесса, исходя из восприятия свойств среды и канала.

Проводятся параллели между оформлением контуров региона в Сибири (Россия) и действиями британских лейбористов (1997—2010), во время осуществления деволюционных преобразований.

ABSTRACT

We describe the structure and the role of the graphic message in official information about the region, building the complex scheme of the communicational process between the source of information and it's

heterogeneous audience. That scheme is based not only on classics of the world Communicational science, but on logical synthesis of some specific features, accordingly with media and channel.

We draw a parallel between the process of regional shaping in Siberia (Russia) with the actions of the British Labour governance (1997—2010), while making actions on devolution process.

Ключевые слова: интерактив; дизайн; графическая информация; регион; коммуникация; деволюция.

Keywords: interactivity; design; graphic information; region; communication; devolution.

«Тихой» революцией современности стало сокращение роли традиционных бумажных носителей информации и распространение в обиходе информации электронной. Как показывает практика, электронные носители дешевле, их можно быстрее распространить, а электронную информацию проще хранить, т. к. она банально более компактна. «Горячими», т. е. облегчающими горизонтальную коммуникацию, названы современные электро-информационные средства в работах канадского социолога М. Маклюэна [7, 8].

Электронная информация, как правило, часто ротируется. Её задача — оставаясь максимально массово понятной (следует учитывать действие таких свойств как публичность, возможности быстрого распространения и повторных обращений), быть адресной по отношению к искомым контактными сегментам аудитории. Например, если информация размещена на сайте, адресованном пенсионерам, то это не значит, что её не могут прочитать молодые люди, и наоборот.

Для нашей страны межведомственная и публичная электронная коммуникация — уже не экзотическое, но всё ещё новшество в политической жизни. В результате реализации ФЦП «Электронная Россия» (2002—2010 гг.) работа с электронной информацией стала необходимостью для государственных служащих. Приобретает актуальность такое направление как информационный дизайн, применительно к среде Интернет и публичным документам. Автором данного исследования сделано несколько тематических публикаций [2, 3, 4].

Воздействие и плоды реализации данной программы — предмет исследований многих уважаемых специалистов в сфере государственной информационной политики. Приведём лишь несколько фамилий: И.Ю. Алексеева, Г.Т. Артамонов, Н.В. Борисова, Е.Л. Варганова, В.И. Василенко, Л.А. Василенко, Т.В. Ершова, Б.В. Кристальный, А.Е. Крупнова, И.Н. Курносова, И.С. Мелюхина, Б.В. Наумова,

Г.Л. Смолян, О.В. Сютнюренко, Ю.В. Травкина, Ю.Е. Хохлова, Д.С. Черешкина, А.В. Чугунова, М.Г. Дмитриева, Е.В. Карасёва, Е.В. Петрова — в работах этих авторов политическая интернет-коммуникация уже выступает как предмет специализированного изучения.

Политическая коммуникации региона представляет собой обмен сообщениями (в т.ч. комплексными: состоящими из формы, содержания и кода) между элементами социальной системы, связанными политическими отношениями (в т.ч. регионального уровня). Поэтому схематично представить акт коммуникации, как направленной подачи сообщения гетерогенной (т.е. разнородной) аудитории, мы можем воспользоваться схемой, изображённой на рис. 1.

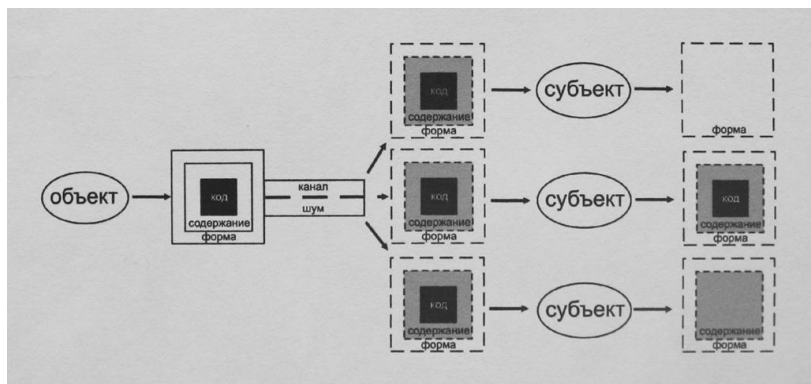

Рисунок 1. Структура сообщения и последовательность в процессе коммуникации

Схема составлена на основании синтеза определений коммуникации Г. Ласуэлла, Х. Шпеера [15, р. 261—297] и М. Маклюэна [8], при учёте фактора разнородности реципиентов и коммуникативных возможностей среды Интернет.

Её базовый элемент — комплексное сообщение (М) (например, текст, снабжённый графикой и звуком), состоящее из формы (Ф), содержания (С) и кода (К). Эти части взаимосвязаны: при условии неправильного восприятия одной из составляющей, смысл сообщения теряется. В роли (Ф) могут выступать стиль текста, фотографии. (С): основная мысль, которая выражается посредством сообщения. (К): характерный лексикон, графический элемент. Г.Г. Почепцов отмечает, что сообщение рождается на стыке информационного и символического пространств [11, с. 182.), являясь их проводником в массовое

сознание. Политический символ — знак или знаковообразный элемент (предмет, слово, образ, действие). Он наделяет «политические феномены (материальные предметы, партии, события и т. п.) определёнными значениями и смыслами, способствуя политической коммуникации между субъектами политики (людьми, организациями, государствами)» [5, с. 482].

В основе описания процесса передачи сообщения лежит схема, предложенная Г. Ласуэллом. Но она устарела и требует внесения ряда важных элементов, поскольку в нашей статье речь о развитии коммуникации, более похожей на диалог, нежели на пропаганду. Во-первых, произведён учёт информационного шума и возникающей в результате него, информационной перегрузки (*information overload*) [14, р. 298—343]. Подразумевается «определённое состояние получателя информации в таком объёме, что реципиент уже не может воспринять её значение» [15, р. 276]. Информационный шум способен исказить смысл, поскольку реципиент воспринимает сообщение, отчасти руководствуясь увиденным ранее. Во-вторых, ввиду специфики канала и поведения пользователя в процессе ознакомления с информацией в Интернете, первичное восприятие сообщения происходит как совокупности кратких текстовых и графических посланий: наиболее выразительных текстовых фрагментов, фона страницы, графических элементов [10]. В связи с этим, важна роль наличия текстового и графического (К), различного при первичном восприятии источника информации. В роли подобного (К) могут выступать цвета [1], характерные элементы дизайна, стилистика заголовков. Х. Шпеер вводит понятие «эзотерической коммуникации» (*«esoteric communication»*): «каждая группа... будь то возрастная, гендерная, профессиональная или тайное сообщество использует особый словарь, но так же и невидимое (завуалированное) значение, скрытое от тех, кто вне, и доступное тем, кто внутри сообщества, вопреки использованию общего эзотерического словаря» [15, р. 276]. Например, эзотерическая коммуникация в виде символов, имеющих культурно-исторический подтекст и понятных лишь членам локального, либо культурно просвещённого сообщества, размещается на сайтах регионов, где есть традиция компактного проживания какого-либо этноса или группы этносов. В Сибири это может быть, например, использование соляных символов, традиционных для народов Севера. Орнаментальное изображение рек Алтая (Би и Катунь) с их притоками, символ Родины, крепости и вечности родного дома — дом; волнистые линии под треножником — очагом — Алтын-Келя (символ Телецкого озера), белый грифон Кан Кереди.

Большую роль играет и использование региональной топонимики. Это способствует сохранению не только исторического наследия, но и формирует восприятие региона как целостности, в условиях многообразия населяющих его культур.

Как правило, именно гербы и флаги являются источником символов для эзотерической коммуникации. Поскольку территориально-административное деление неоднократно менялось за время своего существования в Сибири, после смены режимов в 90-е годы, мы стали свидетелями и возврата к дореволюционному виду локальной геральдики, как верности самобытности и свидетельству местной политической традиции. В 2013 г. автором статьи была выполнена полиграфическая работа, связанная с массовым использованием графической информации гербов и флагов некоторых сибирских городов (Музей ЗСТП (Новосибирск)). Ввиду отсутствия и труднодоступности «исходников», часть информации пришлось брать по сети Интернет. При работе с файлами обозначили себя следующие проблемы:

- низкое разрешение изображений и расхождения в цветовой информации (оттенки цвета);
- большинство изображений растровые, опять-таки в низком разрешении. Это ведёт к тому, что, даже при незначительном увеличении, трудно избежать пикселизации картинки.

Вариант решения — использование официальных геральдических цветов и векторных форматов. К сожалению, в некоторых случаях затруднён, поскольку изображения на гербах и флагах используются оцифрованные с рисунка, т. е. растровые, не прошедшие упрощение средствами векторной графики.

Символы, как элементы, образующие структуру политического пространства рассматриваются в работе Д.А. Мисорова [10]. Комплекс символов складывается в код. К примеру, герб республики Алтай (образованный в т. ч. из эзотерических символов), основные цвета герба, повторяемые на сайте являются составляющими кода. А.А. Бергер приводит определение кодов, как «высоко комплексных ассоциаций, знакомых членам данного общества и культурного сообщества. Эти коды, или секретные структуры, находятся в людском сознании, они влияют на то, каким образом люди интерпретируют знаки, символы, с которыми они встречаются в медиа и повседневной жизни» [13, р. 26].

Применительно к политической коммуникации, поскольку речь идёт об обмене сообщениями между элементами социальной системы, связанными политическими отношениями, следует учитывать, что для достижения сознания адресата структура сообщения должна включать в себя некий набор характеристик, соотносящихся

с ценностями адресной социальной группы (или групп). Британские лейбористы, находясь у власти в 1997—2010 гг., проводили преобразования, нацеленные на децентрализацию части властных полномочий Британского правительства и законодательных (в области культуры, ставки подоходного налога и социальной политики) Британского парламента, при условии сохранения унитарного государства, т. н. деволюционный процесс. Партийные идеологи удачно использовали унифицированные символы современности, как социальные (семья со средним, но постоянным достатком, благоустроенное жильё, комфортные условия работы), так и фотографии оригинальных архитектурных сооружений. К примеру, был построен т. н. Купол тысячелетия — сложная конструкция из стали и напряжённой ткани. Авторство проекта принадлежит британскому архитектору Ричарду Роджерсу (один из создателей стиля "хай-тек"). В настоящее время купол вошёл в состав развлекательного центра, выполнив и функции стадиона для Олимпийских игр 2005 г. Фотографии оригинальных архитектурных сооружений пополняют контент региональных сайтов, как свидетельство обновления не только традиционного английского стиля, но и модернизации государства в целом. К примеру, здание Холирудского дворца было проектом архитектора Уильяма Брюса, ставшего одним из основателем шотландского палладианства и умершего в 1710 г. Возможно, фамилия архитектора и наводила на мысли о Роберте Брюсе (одном из величайших шотландских монархов, активно воевавших за независимость от Англии, основателе местной династии Брюсов), но в 1707 г., в соответствии с Унией, вопрос о шотландском самоуправлении надолго утратил свою актуальность. Выразительность образ регионального парламента обрёл в конце 90-х гг. XX века, но делегатов народной воли разместили не в старинном дворце, а в новом, специально спроектированном архитектором из Каталонии. Энрик Миральес Мойя создал сооружение в стиле деконструктивизма. Здание имеет формы, близкие к природным, ландшафтным и поражает воздушностью конструкций.

У футуристичных проектов «новых лейбористов» несомненно нашлось большое число критиков. В то же время, при помощи них центральная власть пыталась решить целый комплекс задач. В частности, визуально соединить британскую и современную европейскую системы законодательства, лишив британскую общественность (в т. ч. и мировую) ощущения «окаменелой» традиционности и неспособности к модернизациям устоев британской политической системы.

В публикации информации имеет смысл ориентироваться на её адекватность жизненным устоям адресной социальной группы.

К примеру, важно соответствие человеческих образов, антропологическим характеристикам потребителей информационного продукта. От графической информации в Интернете ожидаемы, прежде всего, компактность и однозначность. Основные её виды — это фотографии ключевых лиц, массовок, делегаций, предметов культуры и архитектурных памятников. Для них логично учитывать некоторые особенности. Например, осложнено использование пёстрого фона или высокодетализированных изображений. По мере увеличения детализации, контраст изображения понижается. Следовательно, посетители веб-сайтов могут обращать на них меньше внимания. В исследовании Перниче-Нильсена приводится факт, что пользователи чаще обращают внимание на изображение, когда позёр: улыбается, смотрит в объектив камеры, проявляет непосредственность и естественность, а изображение предполагает простоту интерпретации и образность [10, с. 220—256].

Коммуникативная функция интернет-представительств реализуется не только при помощи интернет-приёмных, но и опосредованно, в виде общественной реакции на официальную информацию регионального значения. Живое, оперативное обсуждение проблемы на форуме, в комментариях к новостям является ценным источником мнений представителей заинтересованной общественности по поводу того или иного события. Региональным властям важно не только быть понятными универсально, но и видеть реакцию контактного сегмента аудитории, что, возможно, облегчит процесс выработки решений и корректировки нововведений, а также поможет отслеживать ход исполнения реформы или текущие действия. Региональные общественные группы — это ценный источник мнений. Но портрет частного потребителя информационных услуг — всегда комбинация культурных (культура, субкультура, и т. д.); социальных (референтные группы, семья, роли и статусы); психологических (мотивация, восприятие, усвоение, убеждения и отношения); личностных (возраст и этап жизненного цикла семьи, род занятий, экономическое положение, образ жизни, тип личности и представления о самом себе) факторов [6, с. 147]. Поскольку, речь ещё и об информации, локализованной по смыслу, средства создания визуальных ассоциаций могут использоваться для формирования устойчивого «чувства лояльности» [12, с. 56]. И вовсе обязательно, что эти символические образы должны быть футуристичными.

Список литературы:

1. Базыма Б.А. Цвет и психика [Электронный ресурс] / Б.А. Базыма // "ПСИ-ФАКТОР". — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy.htm>, (дата обращения: 16.04.2014).
2. Дёмина М.К. Английский вопрос в ракурсе деволуции // История и социология государства: Сб. научных трудов / Под редакцией А.П. Деревянко. Новосибирск: НГУ, 2003. — С. 227—243.
3. Дёмина М.К. Образ модернизируемого государства в документах правительства Великобритании (1997—2003 гг.) // Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: История, филология. Том 5, Выпуск 1. История, 2006. — С. 101—108.
4. Дёмина М.К. Опыты создания инфо-коммуникативных пространств российских регионов на примере интернет-представительств зоны СФО // Вопросы гуманитарных наук. — 2006, — № 6. — С. 526—533.
5. Категории политической науки: учебное пособие / Под ред. А.М. Торкунова. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 2002. — 655 с.
6. Котлер Ф. Основы маркетинга / Пер. с англ. В.Б. Боброва/ Общ. ред. Е.М. Пеньковой. СПб.: АО «КОРУНА», АОЗТ «ЛИТЕРА ПЛЮС», 1994. — 698 с.
7. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека : пер с англ. В.Г. Николаева / М. Маклюэн. М.; Жуковский: "КАНОН-пресс-Ц", "Кучково поле", 2003. — 462 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего [Текст] / М. Маклюэн. М.: Академ. Проект: Фонд Мир, 2005. — 495 с.
9. Мисюров Д.А. Политика и символы. М., 1999. — 124 с.
10. Нильсен Я., Перниче К. Веб-дизайн: анализ удобства использования веб-сайтов по движению глаз. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2010. — 480 с.: ил.
11. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века / Почепцов Г.Г. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. — 352 с.
12. Сиссорс Дж. Рекламное медиа-планирование / Дж.З. Сиссорс, Р.Б. Бэрон. «Питер», 2004. — 416 с.: ил.
13. Berger A.A. Media analysis techniques [Текст] : 3rd edition / Ed. by A.A. Berger. SAGE, 2005. — 244 p.
14. Schramm W. Effects of mass media in an information era // Propaganda and communication in world history / Ed. by Laswell H.D. Honolulu: Univ. press of Hawaii for The East West center. — P. 298—343.
15. Spier H. The communication of hidden meaning // Propaganda and communication in world history / Ed. by Laswell H.D. Honolulu: Univ. press of Hawaii for The East West center. — P. 261—297.

3.4. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ОБРАЗ РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.В. ТУРЖАНСКОГО

Савина Екатерина Алексеевна

*соискатель кафедры русского искусства Санкт-Петербургского
государственного академического института живописи,
скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: savina-e-a@yandex.ru*

THE IMAGE OF RUSSIAN ESTATE IN THE ART OF L.V. TURZHANSKY

Savina Ekaterina

*external doctorate student of Russian art department
of Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture,
Russia, Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В контексте особой популярности темы усадьбы среди мастеров «Союза русских художников» в статье рассматривается живописное наследие Л.В. Туржанского. Выявлены наиболее значимые усадебные образы мастера, произведен анализ избранных картин.

ABSTRACT

In the context of the particular interest to the theme of estate painting among the masters of the «Union of Russian Artists», the article takes into consideration painterly heritage of L.V. Turzhansky. The most impressive estate images of the master are pointed out, chosen canvases are analysed.

Ключевые слова: Л.В. Туржанский; усадебный пейзаж; усадебный интерьер.

Keywords: L.V. Turzhansky; estate landscape; estate interior.

В последнее время в нашей стране особенно остро стоит вопрос о сохранении культурного наследия. При этом важное место отводится

русским усадьбам — национальному достоянию России. С каждым годом их становится все меньше, на глазах рушатся и погибают уникальные памятники старины. Многие усадьбы уже стали музеями и заповедниками, другие — переданы в частные руки, однако большая их часть по-прежнему нуждается в восстановлении. Одним из источников реконструкции не только внешнего облика, но и внутреннего мира русских усадеб, помимо документальных свидетельств, могут стать полотна художников-современников переломных эпох.

На рубеже XIX—XX вв. тема усадьбы получила широкое распространение среди мастеров «Союза русских художников». И если в связи с творчеством С.Ю. Жуковского, С.А. Виноградова, А.В. Средина о ней говорилось довольно часто, то о картинах Л.В. Туржанского этого сказать нельзя. В недавнем прошлом художника отмечали скорее как продолжателя традиций реалистической пейзажной живописи «Товарищества передвижных художественных выставок», чем как новатора в кругу и за рамками «Союза русских художников». О нем написано крайне мало искусствоведческих работ [1; 2; 3; 4]. Монографии, вышедшие в свет в 1960—80-е гг., представляют собой небольшие альбомы, которые содержат суждения авторов, соответствующие идеологии той поры, воспоминания современников и далеко не полные перечни работ художника. Все эти публикации появились в годы, когда о феномене русской усадьбы не было принято говорить вслух. Безусловно, живописное наследие Л.В. Туржанского требует тщательного пересмотра и изучения. Полотна этого самобытного мастера стоит рассмотреть и в русле усадебной тематики.

Конечно, многие из них не являются прямым обращением к уходящей навсегда старине — исчезающим «дворянским гнездам» (в отличие от творческой практики С.Ю. Жуковского, С.А. Виноградова). В первую очередь Л.В. Туржанский запомнился критикам тем, что соединил пейзаж с анималистическим жанром. Его милые сельские пейзажи с приземистыми деревянными имениями, оживленные присутствием кур, коз, телят и лошадей, по сей день хранят в себе образ России. «Коровин говорил о нем: он так пишет землю, что бери лопату и копай» [1, с. 42]. Художник также создавал портреты, бытовые композиции, работал в качестве театрального декоратора.

Однако в творчестве Л.В. Туржанского есть и усадебные дома — картины, рожденные строем чувств того времени. «Белый дом» (1910), «Осень. Дача» (1912), «Уголок дворца» (1912), «Последние дни» (1915) — исполнены с ощущением шемящей утраты. Рассмотрим эти и другие полотна в хронологическом порядке.

«Белый дом» (1910, Челябинская областная картинная галерея) — строение не отличает какой-либо ярко выраженный архитектурный стиль. Двухэтажный усадебный дом скорее выдержан в духе уютного «дворянского гнезда». Наглухо забиты его нижние окна, словно траурная лента перевязывает их уходящая вниз по диагонали поперечная планка-полоса. Безлюдна терраса второго этажа, пустынно ее темные окна. Усадьба не подает признаков жизни, только белобокая сорока залетела в этот тихий уголок. Вместе с тем, красочное решение полотна отнюдь не придает ему трагичность. На фоне голубого неба с проплывающими грядами светлых облаков эффектно выделяется яркий белый дом. Его полукруглый фронтон подчеркивает мягко изгибающаяся перед крыльцом дорога. Небольшое строение, занимающее всю правую часть полотна, окружают зеленые и желтые кустарники и деревья, отбрасывающие тени на охристую дорогу.

«Уголок дворца» (1912, Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) — композиция выстроена фронтально, белый дом и примыкающая к нему слева крытая галерея, образуют сплошную стену на полотне. От первого плана их слегка отделяет сплошь покрытая зеленью полоса земли, по цвету перекликающаяся с надстроенным чердаком. На фронте различима декоративная лепка, над занавешенными окнами первого этажа видны венки, выделяется арочный портал, украшающий небольшой дворец. Распростершиеся слева ветви сухого дерева созвучны изящному рисунку лепки. Галерея, обвитая листьями винограда, привлекает внимание необычным темно-лиловым цветом. Соседство белого, голубого, зеленого и фиолетового — не совсем обычно для художника. Его авторство скорее подтверждают мягкие формы нарядного дворца, а также пастозная вибрирующая манера письма.

«Осень. Дача» (1912, Новосибирская областная картинная галерея) — два небольших деревца на первом плане полотна, две лавочки, за ними — вход в белый дом, обозначенный темно-красными листьями винограда. Среди них виднеется всего одно окошко и двери. Выделяется густая насыщенная зелень по сторонам низенького дома, местами проглядывает сквозь нее небо. Художник красочно разрабатывает избранный мотив, а любимый им объемный корпусный мазок придает всему ощущение некой запущенности.

«У околицы» (1912, Нижегородский художественный музей) — скорее природный мотив, нежели деревянная усадьба интересует художника в этом полотне. Показан уголок деревянного дома с арочным окошком, низенький плетень, дорога перед ним и стройный конь,

пасущийся неподалеку. Различимы белые стволы берез, ветхое строение справа вдаль. Красочное решение полотна построено на коричневатых, рыжеватых, охристых тонах, передающих ощущение теплого солнечного дня. Творческое кредо Л.В. Туржанского полностью выражается и в этой его работе: «нужно вырубать кусок жизни мгновенно и правдиво» [2, с. 21].

«Апрельское солнце» (1913, Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля) — показан тот же фрагмент деревенского дома, небольшое окошко, белые стволы деревьев, протяженная дорога, только вместо коня — трое ребят, сидящих перед ней. Более тонко разработан колорит полотна: интересны соотношения охристой земли, дороги, словно льющейся по полотну молочной рекой, коричневатого забора и голубого неба. Горизонтальный формат холста придает еще большую выразительность изображенному мотиву. Вся работа делится на пять параллельных друг другу, разнообразных по цвету полос. Вспоминается еще одно высказывание любимого учителя художника: «Туржанский. Я завидую ему, — восклицал Коровин. — Какое у него чувство поэзии в живописи, какой интересный колорит! Приглядывайтесь к Туржанскому, учитесь у него» [2, с. 12].

«Осень. Солнце» (1914, Чувашский государственный художественный музей) — снова «протяженный» природный мотив. Художник часто использует этот композиционный прием: ограничивает полотно по сторонам (фрагментами домов, забором), а в свободном пространстве, в данном случае — между раскрытой дверью дома и изгородью имения показан приусадебный участок. Темная зелень, бурая и коричневатая листва деревьев, куры, выскивающие пропитание в рыхлой земле. Яркие мазки белого цвета выделяют их оперение на темной почве, так же обозначена дверь. Колористические акценты умело переключают внимание зрителей с одной детали на другую.

«Последние дни» (1915, ГРМ) — изображена немного покосившаяся и на половину окон первого этажа ушедшая в землю усадьба. Распахнуты ее двери, зияют черным цветом насквозь открытые или разбитые окошки... Освещенная наискось лестница убегает внутрь дома. Фасад строения отражает ветви деревьев и сам будто является частью природы. Спешат укрыться за окном первого этажа суетливые куры. Напряженный, динамичный, красный цвет крыши дома, менее яркий на его стенах, драматизирует все изображенное на полотне. Обитаема усадьба или нет? Долго ли осталось ей так стоять?

«Теплый вечер» (1912, Частное собрание) — ощущение зыбкого равновесия придает полотну чуть покосившийся деревянный усадебный фасад, изображенный художником под углом старый дом. Несколько с другого ракурса, он показан на полотне «Весна» (1917, Таганрогский художественный музей). В тонких градациях коричневого цвета исполнены бревенчатые стены дома, дощатый забор, деревянный плетень. Несмотря на забитый вход, созвучие ярких цветов — лазоревого неба, карминового фронтона дома, охристой земли перед ним, дают ощущение радости.

«Песнь весны» (1921, Частное собрание) — Л.В. Туржанским передано несколько иное состояние ранней весны, чем на полотнах С.Ю. Жуковского. Снег растаял, но нет еще того яркого солнца, молодой зелени, звонкого неба. В коричневато-охристых сдержанных тонах на переднем плане полотна представлена чаша иссякшего фонтана, за ней — плотный ряд стволов деревьев и лишь вдали — двухэтажный усадебный дом. Приметен его белый фасад, полукруглый фронтон, зеленая крыша. Вновь забиты окна на первом этаже, однако есть предположение, что изображен дом художника в Екатеринбурге или его мастерская в Малом Истоке. Картина сохранилась и на открытках — среди серии фотографий, запечатлевших город до 1917 года. Сравнительный анализ полотен позволяет предположить, что изображен тот же самый дом, что и на упомянутом выше полотне «Белый дом» (1910).

В 1920-е гг. Л.В. Туржанский создает ряд интерьеров, написанных в особняке бывшего владельца Прилепского конного завода (Тверская губерния) — Я.И. Бутовича. Пожалуй, нет в них ощущения грусти и горечи, в ярких красках бьется новая жизнь. «Интерьер. Красный ковер» (1921, Частное собрание) — показана обстановка богатого особняка, анфилада комнат. Горят золотом рамы, пышет красным цветом мягкое кресло, извиваются спинки стульев, а на полу лежит красочный ковер. Что бы не происходило вокруг, вещи доживают в интерьере свой век.

Усадебные полотна Л.В. Туржанского — красочные пестротканые холсты, всегда написаны в свободной пастозной, обычной для автора манере (как отметили бы современные исследователи — в формате 3D). Но, увы, в основном художником изображены те дома, которые уже не подают признаков жизни.

В силу своего дарования и особой расположенности к пейзажу Урала, Л.В. Туржанский лишь слегка коснулся темы усадьбы. Однако и эти его малочисленные картины представляют собой особый интерес

для историков отечественного искусства, исследователей бытования русской усадьбы.

Список литературы:

1. Глобачева С. Л. В. Туржанский. Л.: Художник РСФСР, 1960. — 96 с.
2. Леонард Викторович Туржанский / Авт. Н.И. Станкевич. Сост. И.Л. Туржанская. Л.: Художник РСФСР, 1982. — 160 с.
3. Леонард Викторович Туржанский / Каталог выставки к девяностолетию со дня рождения 1875—1945. Государственный художественный музей БССР. Сост. Т.А. Карпович. Минск: Польша, 1965. — 40 с.
4. Петровичев П.И. и Туржанский Л.В. / Ред. И. Куратова, вст. ст. В. Лобанов. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. — 62 с.

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ 1812 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Е.Я. КУРГАНОВА

Брызгалова Елена Николаевна

*д-р филол. наук, проф, зав. кафедрой журналистики,
рекламы и связей с общест.*

Тверского государственного университета,

РФ, г. Тверь

E-mail: bruzgalovaelena@gmail.com

THE VISION OF THE WAR OF 1812 IN E. KURGANOV'S HISTORICAL PROSE

Elena Bryzgalova

*dr. of Science, prof., Head of the department of journalism, advertising
and public relations of Tver State University,
Russia, Tver*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ изображения Отечественной войны 1812 г. в исторических романах Е.Я. Курганова. Соотношение документального начала и вымысла, усложнение коммуникативных отношений автора и читателя, перемена точек зрения — это и многое другое отличает прозу данного писателя от других.

ABSTRACT

The analysis of images of the Patriotic War in 1812 in E.Y. Kurganov's historical novels. His prose is distinguished of the others by the ratio

of documentary and fiction, the complexity of communicative relationship of author and reader

Ключевые слова: война; автор; читатель; герой; точка зрения; современная литература; историческая проза.

Keywords: war; writer; reader; character; point of view; modern literature; historical fiction.

Е.Я. Курганов — известный литературовед, автор работ по истории и теории анекдота, в последнее десятилетие заявил о себе как интересный и серьезный прозаик, автор ряда исторических романов. Среди них выделим те, что посвящены изображению войны 1812 года. Это романы «Шпион Его Величества, или 1812 год (Историко-полицейская сага в четырех томах)», «Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта (Невероятный, но правдивый роман)», «Первые партизаны, или Гибель подполковника Энгельгардта (Роман-документ в пяти частях с прологом и эпилогом)», «Завоеватель Парижа (Биографическая хроника с картинками эпохи)». Основным концептом и идейным центром всех этих произведений, является *война*. Каждое из них показывает эпоху в определенном ракурсе и с точки зрения героев-участников событий. Вместе взятые, они образуют единое полотно, многомерное и панорамное. Но несомненно, что наибольший интерес для читателей и литературоведов, с точки зрения обозначенной нами проблемы, представляет роман «Шпион Его Величества, или 1812 год (историко-полицейская сага)» [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14], наиболее полно представляющий эпоху, наиболее интересно построенный и, к сожалению, пока еще полностью не опубликованный.

Огромную роль в реализации концепции войны и создания концептосферы романа играет его композиция. Композиционная структура произведения сложна и своеобразна. Прежде всего бросается в глаза ее многослойность. Основной текст, который имеет форму дневника Якова де Санглена, создателя русской тайной военной полиции при Александре I, дополняется приложениями — записками других участников событий, которые хранятся в бумагах главного героя и полны его примечаний, дописок на полях и пояснений.

Таким образом, в романе предложена «многоголосая» и противоречивая версия происходящего, в которой мнения участников то согласуются, то противоречат друг другу, но при этом всегда «работают» на то, чтобы изображение получилось многомерным и чтобы читатель смог составить собственное представление об описанных событиях.

Созданная в романе композиционная структура позволила Е. Курганову уйти от авторского диктата в освещении исторических событий: это Санглен в своем дневнике описывает происходящее таким, каким он его видит. Он же комментирует дневник Алины Коссаковской [10], записки финансиста Абрама Перетца [9] и «секретные прибавления к мемуарам А. Чарторыйского» — «Книгу Адама» [12]. Он, постоянно высказывая сомнение в правдивости написанного ими, оценивает, полемизирует с мемуаристами, опровергает или подтверждает их высказывания. Например, предваряя дневник графини Алины краткой справкой, Санглен пишет, что это «сплошное вранье. Верить ... не стоит». И далее продолжает: «Сие сочинение носит пасквильный характер, и я отказываюсь рекомендовать его к печатанию» [10]. Об Адаме Чарторыйском он высказывается резко, поддерживая действия царя, фактически обманувшего своего недавнего любимца и нарушившего обещание сделать его наместником Польши, называя их «суровыми и справедливыми» [12]. Оправдывает он и позицию царя в истории с Перетцем, пожертвовавшим в 1812 г. свое огромное состояние для нужд русской армии и не получившим никакой компенсации после окончания войны.

Характеры героев, особенности их личностей, их позиции и взгляды на войну и эпоху так до конца и не проясняются для читателя, даже когда он переворачивает последнюю страницу произведения, прочитав все, включая приложения, потому что остается слишком много противоречий и возможностей для различных интерпретаций. И это не упущение автора, а его осознанная позиция и признание читателя как со-творца, наделенного правом иметь собственное мнение о рассказанном. Более того, автор использует своего рода провокационную стратегию: разъяснение по поводу тех или иных сюжетных коллизий он поручает одному из героев-мемуаристов, в то время как другой (чаще всего Санглен) его опровергает. Например, борьба русской тайной полиции и польской графини Коссаковской постоянно заканчивается ее арестом, побегом из-под стражи и дальнейшим появлением в наиболее важных и потому уязвимых для русских местах: при попытке покушения на царя, в Москве, в которую вскорости должна войти армия Наполеона, при подготовке и проведении Веского конгресса и др.

Сначала мы узнаем обо всех перипетиях этого длительного поединка из дневников Санглена. Читатель, основываясь на его записях, считает Алину виновной в ряде преступлений против российского государства. Он с интересом следит за тем, что и как предпринимает полиция для ее поимки, и всякий раз разочаровывается, когда ей удается

ускользнуть. Казалось бы, все ясно, так как на эту версию работает и дневник самой героини, объясняющей мотивы своих действий любовью к родине, ненавистью к России и стремлением способствовать возрождению «великой Польши» [12]. Это же, пусть и косвенно, подтверждается в мемуарах Чарторийского — еще одного вельможи, желающего возродить польскую государственность. Поэтому у читателя складывается определенное представление о героине. Но оно опровергается в записках Перетца: он высказывает мнение, что графиня мало того, что была двойным агентом и выполняла поручения Аракчеева, так еще и состояла в любовной связи с Сангленом. Это, с его точки зрения, и объясняет ее удачливость при побегах из-под стражи. Мемуарист утверждает, что предоставил царю доказательства в виде выкраденных любовных записок, и это способствовало падению директора воинской полиции.

Подобный сюжетный поворот не только опрокидывает читательские представления, сложившиеся ранее, но и в новом свете подает главного героя романа, поскольку противоречит очень многому из того, что тот писал в своем дневнике. Казалось бы, теперь-то все ясно: читатель наконец получил возможность все «разложить по полочкам» и составить окончательное мнение. Но «позднейшие вставки» Санглена страстно опровергают обвинения финансиста в его адрес: «Невыносимая клевета! Плод воспаленного воображения господина Перетца, и более ничего! Упомянутых им писем и в помине не было. Никогда. Ручаюсь головою. Да ежели бы даже графиня Коссаковская и стала вдруг писать мне любовные записочки, то зачем мне было хранить их среди бумаг канцелярии Высшей воинской полиции? Я бы тут же их уничтожил. В общем, налицо наглая выдумка господина Перетца» [9].

Обе точки зрения логически верны: один герой говорит о предоставленных доказательствах, другой уверяет в их ложности. Читатель, уже знакомый и с дневником Санглена, и с дневником Алины, оказывается в своеобразном тупике, так как ни в одном из них не было даже намека на возможную связь героев. Автор при этом остается в стороне, предоставляя читателю самому решить, кто прав и кому верить. А для того, чтобы ему окончательно определиться в своем отношении к героям, придется подобрать собственную «доказательную базу», которая будет состоять из множества фактов и мнений. Может быть, он еще раз перечитает какие-то фрагменты, найдет в них подсказки и тогда окончательно разрешит для себя, кто прав, Перетц или Санглен.

Таким образом, дневниковая форма повествования в романе Е. Курганова из монологической превращается в диалогическую: каждый повествователь рассказывает о своей версии происходящего, а Санглен корректирует и опровергает то, что говорят остальные повествователи. Все это способствует созданию совершенно особой атмосферы недоговоренности, множественности мнений и сомнений в правоте того или иного рассказчика. Читатель постоянно оказывается перед необходимостью учитывать то, что все четверо находятся между собой в сложных отношениях и преследуют каждый свои собственные цели. К тому же читателю приходится учитывать, что среди основных героев только Алина Коссаковская — вымышленный персонаж, а остальные — реальные исторические лица, оставившие свой след в истории страны и в той или иной степени повлиявшие на эпоху.

Это характерно не только для данного романа, но и для всей исторической прозы писателя, посвященной эпохе 1812 г. Не только главные, но и многие второстепенные герои его романов — реальные люди. Отзывы современников о них дошли до наших дней и рисуют нам людей неоднозначных, часто оставивших по себе противоречивые мнения современников. Судя по романам, автора привлекают люди яркие, способные на самостоятельные действия, готовые к самопожертвованию, но далекие от того, чтобы выглядеть идеальными. Автор открыто говорит об этом в предисловии в одном из фрагментов «Шпиона...»: «В 1812-м году и вообще в царствование Александра I происходило много фантастического, и личности на политическом небосклоне тогда были зачастую нереально яркие, крупные, оригинальные, каждая из которых обладала своей индивидуальной стилистикой, четко выраженным творческим почерком, сильной характерологической отметиной и вместе с тем резким индивидуальным своеобразием» [13].

Под это определение подходят все главные герои романов о той эпохе. Например, Павел Иванович Энгельгардт («Первые партизаны, или Гибель полковника Энгельгардта» [6]) в энциклопедических и биографических источниках предстает как несомненный герой, под страхом смерти отказавшийся от сотрудничества с французами и от предательства [17]. А в романе, где приводятся отрывки из реальных свидетельств и документов, он предстает еще и неуживчивым, скандальным, малоприятным в глазах соседей человеком [6].

Графа Ивана Витта («Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта» [5]), несомненно, человека храброго, некоторые современники считали предателем и не без оснований называли согладатаем царя.

В биографических справочниках упоминаются свидетельства генерала П.И. Баграциона, назвавшего Витта «лжецом» [3], и Ф.Ф. Вигеля, считавшего его редким интриганом [3]. Военные историки нашего времени восторгаются его талантом разведчика [15], в то время как можно встретить и резко отрицательное мнение: «Его ордена омыты кровью и слезами жертв» [1]. Курганов учитывает все это, его Витт — человек из плоти и крови, ему свойственно ошибаться, увлекаться, испытывать разные чувства. Но несомненно одно: он верен своей стране, даже если его понятие о верности расхожится с читательским.

О реальном Якове де Санглене («Шпион его величества...») в романе приведены отзывы его современников, среди которых А.И. Герцен, Н.И. Греч, Ф.Ф. Вигель, Т.П. Пассек и др. [14]. Современники в большинстве своем отзывались о нем отрицательно. Автор объясняет все это так: «Вообще надобно признать, что негативная репутация Санглена во многом исходила из российского жандармско-полицейского мира николаевского времени и, может быть, даже во многом формировалась в пределах этого мира. Это, видимо, объясняется тем, что Санглен был личным шпионом Александра I, знал множество государевых тайн, и, соответственно, в царствование Николая I он оказался совершенно не ко двору. Можно даже сказать, что его побаивались, побаивались того, что он может рассказать» [13]. Но были и те, кто воспринимал Якова де Санглена положительно — эти отзывы также приведены в романе. По мнению современного нам исследователя, Санглен «имел репутацию двуличного человека» [4]. Современный военный журналист и историк А.Ю. Бондаренко считает, что «современники побаивались его... даже тогда, когда он был частным лицом» [14].

Итак, о каком бы из героев ни шла речь, автор уходит от однозначной оценки человека, представляя его с разных сторон. Писатель называет свои романы «реконструкциями» и на основе реальных фактов, документов и свидетельств создает собственные картины, в которых реальность подвергнута художественной обработке, а документы придуманы. В результате создается иллюзия предельного правдоподобия, что и привносит в произведения Е.Я. Курганова публицистический оттенок, поскольку они воспринимаются читателем именно как документальное повествование. Реальные исторические лица, мощный документальный фундамент, дневниковая форма повествования — все это способно ввести читателя в заблуждение и заставить интерпретировать вымышленное как реальное. Например, некоторые придуманные писателем факты обрели самостоятельность

и используются другими авторами в публикациях о реальных людях как достоверные. Так, краевед из Рыбинска И. Кочуев в статье, посвященной реальному Я. де Санглену, пишет, что он участвовал в «амурных похождениях» императора Александра, в то время как это вымышленный факт из романа Е. Курганова [4].

С другой стороны, то, что придумано, вполне могло происходить и в реальности. Например, история шарлатана Франца Леппиха, который обещал Александру I сделать «большой (воздушный — Е.Б.) шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, по ветру и против ветра» [7, с. 88], и получил под этот проект большие деньги, введена в роман для того, чтобы передать общую атмосферу, царившую при дворе накануне сдачи Москвы противнику и характеризовавшуюся оторванностью от реальности, неумением понять и принять очевидное и нежеланием брать на себя ответственность за промахи и ошибки. По сути не важно, имел ли место этот эпизод в реальности, — он мог быть, потому что не противоречил этой реальности: неудачный опыт воздухоплавания мог и состояться. Известно, что во Франции первые воздушные шары поднимались в воздух за несколько лет до Великой французской революции, то есть в 80-е гг. XVIII в., значит, русский самодержец вполне мог увлечься идеей использования воздушного шара в военных целях вместо того, чтобы заниматься делами армии. Таким образом, вымышленное и реальное подается автором в одном ряду и оправдывает его формулу «если это и не происходило, то вполне могло произойти»: «Все, без исключения, персонажи — вплоть до самых эпизодических — реальные исторические лица. Практические все описанные события имели место, а если не имели, то вполне могли бы иметь» [11, с. 6].

В результате роман представляет собой правдивый портрет эпохи, основанный на единстве самых разных начал и взглядов. Исходя из этого, можно сказать, что авантюрное начало, выраженное в сюжетной линии борьбы Санглена и Алины, естественным образом включено в сферу начала эпического, документального, основанного на борьбе государств и народов. Вымышленные люди и события вписываются в логику реальных документов и свидетельств. Само повествование облечено в документальную форму, ведь дневники и записки — это документы эпохи. Сочетание публицистического и художественного начал в прозе Е. Курганова и специфика документальности в его произведениях уже становились предметом научного осмысления [2], поэтому в данной статье нет смысла останавливаться на этой проблеме.

Дневники Якова де Санглена составляют большую часть повествования. Все происходящее мы видим его глазами, к нему сходятся все сюжетные нити в четырех томах «полицейской саги». Каждый том делится на части, которые состоят из эпизодов. Но Санглен не только автор дневника, он своеобразный дирижер, руководитель оркестра, в котором у каждого из героев своя партия. В справке, предваряющей одно из приложений, автор говорит о Санглене, что он «на протяжении многих лет собирал письма, дневники, воспоминания, посвященные памятной эпохе 1812-го года» [9]. Его архив — это и есть роман, в котором личностное становится одним из проявлений всеобщего. Дневники и записки героев передают жизненный опыт людей той эпохи, их восприятие происходящего. Не случайно автор называет мемуары финансиста Перетца «своего рода исповедью, историко-психологически чрезвычайно показательной» [9]. В картине эпохи частные свидетельства обретают иной, более глубокий смысл, выражают ее суть, характер и становятся ее объективными составляющими.

Список литературы:

1. Абросимов А.В. Поиск крестного отца Витковской улицы // Newfavorite: Культурно-информационный ресурс [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.newfavorite.net/vitt.htm> (дата обращения: 01.12.2013).
2. Брызгалова Е.Н. Художественное и публицистическое начала в исторической прозе Е. Курганова // *Colloquium: Volume di contribute scientifici internazionali*; a cura di U. Persi e A.V. Polonskij. Bergamo Belgorod: Edizioni “POLITERRA”, 2013. — P. 22—32.
3. Иван Осипович Витт // Хронос. Биографический указатель [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/witt_io.php (дата обращения: 12.09.2013).
4. Кочуев И. Шпион его величества // Рыбинская неделя. 2012. № 40 (217), от 10.10.2012 [Электронный ресурс]. U— Режим доступа. — RL: week.ru/article/g-a-4198.html (дата обращения: 12.10.2013).
5. Курганов Е. Генерал-шпион, или Жизнь графа Витта [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://iaelita.ru/aelitashop/item/zavoevatel-parizha_cikl-_zabytye-generalny-1812-goda_.html. (дата обращения: 07.12.2012).
6. Курганов Е. Первые партизаны, или Гибель подполковника Энгельгардта [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://iaelita.ru/aelitashop/item/pervye-partizany2.html> (дата обращения: 20.2.2013).
7. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год. Июль-сентябрь 1812 г. Москва (историко-полицейская сага). М.: Икс-Хистори, 2011. — 352 с.

8. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 г. Апрель-июль. Вильна (историко-полицейская сага). М.: Икс-Хистори, 2011. — 384 с.
9. Курганов Е. «Где соль, там и Перетц»: Эпизод из историко-полицейской саги “Шпион Его Величества” // Заметки по еврейской истории. 2014. № 1 (171). Январь. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Kurganov1.php> (дата обращения: 18.01.2014).
10. Курганов Е. Дневник Алины. Бумаги из архива военного советника Якова Ивановича де Санглена [Электронный ресурс] // День и ночь. 2013. № 6. Журнальный зал. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/din/2013/6/29k.html> (дата обращения: 12.02. 2014).
11. Курганов Е. Шпион его величества // Нева. — 2005. — № 12. — С. 6—98.
12. Курганов Е. Книга Адама (Секретные прибавления к мемуарам А. Чарторьского) // Архив автора.
13. Курганов Е. Шпион Его Величества (историко-полицейская сага). Москва. Охота на французов (конец июня — первая половина июля 1812 года // Архив автора.
14. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год (историко-полицейская сага в четырех томах). Том первый. Петербург-Вильна. Март-июнь 1812-го года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://flibusta.net/b/173131>. (дата обращения: 07.12.2013).
15. Левкова А. Яков де Санглен: начальник русской контрразведки. Беседа с военным историком Александром Бондаренко // Радио Голос России [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: rus.ruvr.ru/2010/09/30/23124959.html (дата обращения: 21.12.2013).
16. Шигин В. Штирлиц XIX века // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2005-06-24/7_shtirliz.html (дата обращения: 09.09.2013).
17. Энгельгардт Павел Иванович (1774—1812) // Наполеон и революция [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://impereur.blogspot.ru/2012/12/1774-1812.html> (дата обращения: 25.09.2013).

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РАССКАЗАХ К. КАРНЫШЕВА

Колмакова Оксана Анатольевна

*канд. филол. наук, доцент
Бурятского государственного университета,
РФ, г. Улан-Удэ
E-mail: post-oxygen@mail.ru*

FEATURES OF THE NARRATIVE STRUCTURE OF K. KARNYSHEV'S STORIES

Oksana Kolmakova

*candidate of Philological Science, assistant professor
of Buryat State University,
Russia, Ulan-Ude*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется специфика функционирования персональной повествовательной ситуации в рассказах современного русскоязычного писателя Бурятии К. Карнышева.

ABSTRACT

The article analyses the features of the functioning of personal narrative situation in the stories of K. Karnyshev, the modern Russian-language writer of Buryatia.

Ключевые слова: повествование; повествователь; персонаж; персональная повествовательная ситуация.

Keywords: narrative; narrator; character; personal narrative situation.

Творчество К.Г. Карнышева, возможно, одно из наиболее исследованных в бурятском литературоведении. Однако с точки зрения повествовательной организации его рассказы и повести остаются малоизученными. В ряде своих рассказов К. Карнышев обращается к особому типу повествования, в котором ведущая роль принадлежит сознанию персонажа. Литературоведы и лингвисты подходят к этому явлению с разных точек зрения, предлагая соответственно свою типологию и терминологию. Так, Е.В. Падучева говорит о «свободном косвенном дискурсе» [4, с. 206], Н.А. Кожевникова — о «несобственно-

авторском повествовании» [2, с. 206], Ю.В. Манн — о «персональной повествовательной ситуации» [3, с. 47]. Такое повествование становится цепью перцептивных, ментальных и эмоциональных ощущений персонажа, его впечатлений и новых открытий, ошибок и их исправлений, восторгов и разочарований. Автор обобщает конкретные подробности жизни и быта своего героя, сосредотачивая мир в его воспринимающем сознании. В русской литературе подобная стилистика является достаточно продуктивной. Однако ее применение К. Карнышевым выявляет скрытые возможности этой повествовательной формы. В данной статье рассмотрено функционирование персональной повествовательной ситуации в рассказах К. Карнышева «Вельможная рыбалка» и «Рыдалка и ее женихи».

Сюжет «Вельможной рыбалки» предельно прост. К Африкану Андреевичу приезжает его зять Яков якобы порыбачить. На самом деле Якова волнуют сбережения тестя «на черный день». Улучив момент, он совершает бессовестное воровство, оставив пожилого человека умирать в одиночестве.

Уже первый абзац рассказа показывает, что в повествовательной организации текста автор отдает приоритет слову и сознанию персонажа: «С ледоставом <...> *нагрязнул* к Африкану Андреевичу зять Яков <...> Мужа старшей дочери Анны *известно*, какие заботы приманивали в эту пору в Приютино — долгожданная осенняя рыбалка открывается. Навечно заболит душа, хоть раз отведавшая ее. Никого не пугает, что чуть *помористее*, в поле зрения человеческого глаза, чернеет полая вода, которая даже при небольшом ветре может *погнать зыбь*. А та раз за разом начнет раскачивать ледяные *закраины*, крошить, пускать трещины по всей *забереге*» [1, с. 181]. Выделенные фрагменты текста указывают на то, что воспринимающим в данном эпизоде является сознание героя, Африкана Андреевича.

Во втором абзаце рассказа помимо просторечных и диалектных слов из лексикона героя («*кучились*», «*лебезная*», «*шиоркается*», «*ошалелость*», «*раззявленный*») мы встречаем уже иные «сигналы». Во-первых, это поэтизмы: «*светозарное царство*», «*небесные иглы*», «*предсмертный танец*»); во-вторых, медицинский термин — «*агонизирующие позы*». Становится очевидным, что повествование в рассказе построено как конкуренция двух дискурсов — героя и повествователя, причем приоритет отдается герою: «Да только не у всякого человека бывает добычливой рука. Какой уже год Яков *трясет удочку над лункой*, а обходят его цветастую наживу лукавые рыбины: не дадимся мы тебе. Почему? Сам догадайся. На лед без угодливой няньки не выйдет. Сопровождай его, *нагинайся в три погибели*, тяни санки с поклажей

кто-нибудь другой. Ему же это никак *несподручно*» [1, с. 182]. Первая часть рассказа оканчивается внедрением в дискурс героя слова повествователя: «Он не знал еще, что и в самом деле это был последний у него выход на лед» [1, с. 188]. Эта фраза повествователя о судьбе героя усилит трагизм финала всего рассказа.

Примечательно, что для другого своего героя, зятя Африкана Андреевича Якова, Карнышев не создает персональной повествовательной ситуации. Речевая партия Якова все время оформлена как прямая речь в диалогах с Африканом Андреевичем. Ни разу она не принимает формы несобственно-авторского повествования. Даже когда сознание Африкана Андреевича затуманилось — ему стало плохо, Карнышев передает картину происходящего глазами Африкана Андреевича, а не Якова. «Совсем не сон *захлестнул его на ходу*, запеленал сознание <...> *Не сон, не сон! А что?* Не хотелось отгадывать. А потом страшная тишина так же резко оборвалась, хрипло задышала его грудью, *вызналась* перепуганным голосом Якова» [1, с. 189]. На первый взгляд кажется, что восклицание «*Не сон, не сон...*» принадлежит Якову. Но из следующего абзаца становится ясным, что это сам Африкан Андреевич пытается понять, что с ним происходит: «*Может быть*, течение крови в нем приостановилось и затвердели от озноба руки и ноги? Он всем телом слышал сейчас, как что-то горячее разливалось по нему, заполняло *захолодавшие* пустоты» [1, с. 189].

В последнем диалоге Африкан Андреевич и Яков взаимодействуют как равноправные герои, и вся сцена кажется изображенной нейтральным по отношению к персонажам повествователем. Однако эта позиция вступает в противоречие с финалом. Ведь из диалога героев следует, что победа оказывается за Африканом Андреевичем: он не позволит Якову обворовать его. Но в финале рассказа Африкан Андреевич оказывается *уже* обворованным: Яков совершил кражу до их с тестем последнего разговора. Это-то событие и объясняет возбужденность Якова, добравшегося-таки до заветной полочки на божнице.

Теперь сцена диалога Африкана Андреевича и Якова предстает в ином свете: пусть Африкан Андреевич повержен «физически», но моральная победа за ним. И каким теперь неприглядным выглядит Яков, который добился своего, но продолжает оскорблять тестя! Вернемся к словам повествователя о том, что рыбалка Африкана Андреевича окажется действительно последней. Становится ясно, что подлое воровство Якова окончательно подкосило здоровье Африкана Андреевича. Повествователь сожалеет, что такие безнравственные люди, как Яков, торжествуют. Итак, организуя повествование в рассказе «Вельможная рыбалка» как персональное, Карнышев «впускает»

в «авторское пространство» Африкана Андреевича, а Якову, напротив, не дает «права голоса». Благодаря такой повествовательной структуре автор не только сам отстраняется от своего неприглядного героя, но и увеличивает дистанцию между ним и читателем.

В художественном мире К. Карнышева ничтожному в морально-нравственном отношении человеку (такому как Яков) противопоставит Природа. В рассказе «Рыдалка и ее женихи» природное начало персонифицировано в образе сибирской лайки Рыдалки. Этот рассказ мог бы считаться традиционно-анималистическим, если бы не эпизод смерти человека.

Точка зрения собаки приоритетная в повествовании. Собачьими глазами описывается мотоцикл хозяина Сим Семыча: «Ух, как *взвизгнула* и *зашиборчала* в железной середине мотоцикла молчаливая долгое время жинь! Есть еще в нем сила. Заиграла она, запела, *запоуркивала*. *Грудь колесом, хвост гоголем*» [1, с. 271]. Нелепая смерть Сим Семыча также передана глазами собаки: «...Полушубок Сим Семыча зацепился ремнем за руль, самого его ударило головой о край льдины. Бежавшая следом Рыдалка остановилась возле воды. Она еще *слышала запах хозяина*. Неподалеку от нее *полынья бурлила пузырями*. Положив голову на лапы, Рыдалка внимательно стала следить за *кипением воды*. И после того, как верчение ее стихло, поверхность выровнялась, собака не отнимала глаз от полыньи. Так и не двигаясь, подняв торчком уши, она просидела очень долго на одном месте. И как будто очнувшись от ожидания, не видя хозяина, Рыдалка пронзительно залаяла...» [1, с. 275]. В этом приеме «остранения» человеческой смерти, отказа от осознания ее обыденности, кроется гуманистическая карнышевская идея о том, что смерть любого человека — это трагедия вселенского масштаба.

Однако жизнь продолжается. Во фразе повествователя первых, собака ждет щенков и потому постоянно «заглядывает внутрь себя». Во-вторых, смысл фразы можно расценить и как авторское допущение о способности к рефлексии у любого живого существа, в том числе и у собаки. Растворяя дискурс повествователя в «слове» Рыдалки, Карнышев вновь возвращает Человека в мир Природы.

Таким образом, обращаясь к форме персонального повествования, К. Карнышев решает как минимум две художественные задачи. Во-первых, сосредотачивая описываемый мир в сознании героя, автор маркирует этого героя как положительного. Во-вторых, посредством несобственно-авторского повествования у Карнышева оформляется лейтмотивная для его творчества тема единства человека и природы.

Список литературы:

1. Карнышев К.Г. Чудодей: повести и рассказы. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2002. — 464 с.
2. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX—XX веков. М.: Институт русского языка РАН, 1994. — 336 с.
3. Манн Ю. Об эволюции повествовательных форм (вторая половина XIX века) // Изв. Рос. АН. Сер. лит-ры и языка. — 1992. — № 1. — С. 40—50.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

4.2. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЗАПРЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ, ИМЯНАРЕЧЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА

Гайсина Фанира Фасхетдиновна

*мл. науч. сотрудник Института
истории, языка и литературы УНЦ РАН,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: gais73@mail.ru*

PROHIBITIONS RELATED TO PREGNANCY, NAMING CEREMONY AND UPBRINGING OF CHILDREN

Gaisina Fanira

*ml. scientific. employee Institute of History, Language and Literature,
Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В данной статье описываются запреты башкир, связанные с беременностью, обрядом имянаречения и воспитанием детей, многие из которых актуальны и по сей день. Цель статьи — показать современным читателям веками накопленный опыт, мудрость народа для сравнительного изучения.

ABSTRACT

This article describes the Bashkirs prohibitions related to pregnancy, naming ceremony and upbringing of children, still relevant in this day and age. The purpose of this article is to show to modern readers the experience and wisdom of previous generations for comparative study.

Ключевые слова: фольклор; жанр; поверья; приметы; запреты; обряд имянаречения; воспитание.

Keywords: folklore, genre, beliefs, signs, prohibitions; naming ceremony; education.

Отдельный пласт башкирского фольклора связан с беременностью, имянаречением и воспитанием ребенка. Особое внимание в этом обряде уделяется предписаниям и нормам поведения. Воспитанию башкирских детей посвящены труды А. Инана [8, с. 116—123], Р. Фахретдинова [15], Р.А. Султангареевой [12, с. 3—75; с. 3—106]. В статье Р. Султангареевой «Имянаречение как элемент родовой культуры» раскрываются традиции башкирского народа, связанные с наречением ребенка именем. «Имя — знак становления членом рода, код появления прав у ребенка», — пишет Султангареева [13, с. 73—80]. У башкир имеются такие запреты, как «нельзя давать ребенку «тяжелые» имена, связанные с луной, солнцем — иначе будут болеть»; в день имянаречения запрещалось рубить дрова, валить дерево и т. д.

Молодой ученый Г.Г. Батыршина в статье, посвященной обряду наречения ребенка именем, указывает, что термин «имя» — социальный знак, первый шаг к принятию ребенка в члены рода, общества [2, с. 234—237].

Все башкирские обряды связаны с правами человека. После того, как новорожденный получил имя, он приобретает свои права в обществе, считается членом рода.

Семейный праздник по случаю рождения ребенка имеет различные названия: «смотрины ребенка» (*бала күреу*), «поздравление с рождением ребенка» (*бала тыуыу менән котлау*), «чай малыша» (*бәнес сәйе*), «чай пупка» (*кендек сәйе*), «обмывание ножек» (*тәпәй йууыу*), позже — «чай первых зубов» (*тәүге теш сәйе*). Пришедший в гости должен был обязательно принести подарок ребенку, нельзя приходиться с пустыми руками.

Особо тщательно соблюдались предписания и запреты, имеющие обережный смысл. Много запретов связано с именами, например: «ребенка нельзя долго оставлять без имени, так как бес может подменить», «ребенка без имени нельзя одного оставлять», «женщина (вместо муллы) не должна давать ребенку имя». Детям иногда давали имена гор, рек (Урал, Амур, Нил, Эльбрус, Памир). В связи с этим имеют место запреты: «ребенка нельзя называть именем гор и рек, ему будет тяжело, не вынесет». Суть запрета такова: если гора большая, грозная, значит, и судьба у человека будет нелегкой; а река все течет и течет, поэтому и человек ничего не добьется, «все» будет у него «утекать» в жизни.

Также появляются запреты на имена со словом «тимер» (железо) (например, Тимерхан, Сынтимер и др.). Считалось, что дети вырастут жестокими и черствыми. Этот запрет исходит из того, что железо, как металл, твердое и холодное. Однако в случаях, если ребенок часто

болел, для того, чтобы он был крепким, ему давали имена со словом «тимер», например, Тимерьян, Тимербай и т. д.

В отличие от советского периода в последнее время башкиры стали чаще давать детям арабские имена, широко распространены имена, восхваляющие Аллаха (Рахим, Кадыр, Газиз и т. д.). Считается, что носящий такое имя будет счастливым. Имеются в этом случае и опасения: будет ли в будущем дитя достойно своего имени. Например, в Аскинском районе РБ мальчика назвали Мухамад-каримом, а он остался немым [7, л.а.]. Мухаммад — имя пророка, а Каримом называют священную книгу мусульман (Коран-Карим). Ребенок, носящий столь высокое имя, должен быть верующим, честным, совестливым человеком. Нельзя ругать и бить ребенка, носящего имя с религиозным смыслом, говорят старики. Имена, обозначающие высоко ценностные понятия, обязывали ко многому, потому присутствует момент опасений.

При рождении давали ребенку первое имя и скрывали его, считая, что оно охраняет человека. Традиции скрывания имени ребенка связаны с желанием уберечь его от глаза и порчи. Раньше детям давали много имен (до 7), поскольку существует поверье, что если навести порчу на человека, называя его имя, второе имя может спасти его от злых чар. Это делалось также для того, чтобы ребенка не подменил *шайтан*.

Запрет давать ребенку иностранные имена объясняется тем, что на том свете он будет без имени, так как считалось, что чужое для нации имя останется на земле. Поэтому советовали давать ребенку мусульманское имя, т. к. считается, что «на том свете безымянного ребенка позовут по имени родителей, а тех, кто не назвал свое дитя мусульманским именем, ждет наказание». Существует традиция: мертворожденного или умершего сразу после родов ребенка, прежде чем похоронить, нарекают именем. Таким образом, запреты относительно детей охраняют их жизни и здоровье, призывают им счастье в будущем.

Большинство запретов связано с матерью и ребенком. Беременная женщина должна заботиться о своем здоровье и будущем ребенке. Поэтому «беременной женщине нельзя ходить с непокрытой головой и необутой», «во время беременности нельзя много спать и сидеть, ребенок будет большой и будет трудно рожать, надо больше ходить», «беременной женщине нельзя заходить на кладбище и подходить к покойнику, если это не близкий родственник», «беременной женщине нельзя ходить на кладбище, иначе земля, приставшая к подошвам, может напорочить скорую смерть

или мертворождение», «беременной женщине нельзя провожать покойника, встречаться с бездетной женщиной, в противном случае ребенок умрет» и т. д.

Беременная женщина не должна была одна отправляться в дальнюю дорогу. Также её одну нельзя отпускать на речку, в лес, поле, гору, баню. Говорят, духи поля, воды, горы, леса незаметно забирают плод в утробе [10, с. 25].

«Беременная не должна садиться на печной голубец, иначе у ребенка будет вздутие живота», «во время беременности нельзя точить нож, косу, иначе ребенок может оказаться обжорой, злым, неукротимым в желаниях» [3, с. 281].

Беременной запрещалось садиться на пустое ведро, иначе может случиться выкидыш. Запрет основан на сравнении пустого ведра и пустого чрева. «Беременной женщине нельзя переступать через коромысло, при родах ребенок поперек пойдет» — здесь кривая линия коромысла наводит также на мысль об отрицательном воздействии на женщину. «Беременной женщине запрещалось перешагивать через лежащие поперек палку, дрова, дерево. Это могло привести к неправильному расположению плода при родах. Если по неосторожности беременная все же перешагнула, должна тут же шагнуть назад» [10, с. 27].

Часто содержание и смысл запретов построены на логической взаимосвязи: «беременной нельзя стричь волосы, её жизнь и счастье ребенка укорачиваются». Волосы символизируют сохранение силы и энергии человека в себе, являются сакральной частью тела, длина волос сравнивается с длиной жизни, счастья.

Содержание многих запретов строится по аналогии признаков, свойств внешнего мира. «Беременной нельзя жевать жвачку, а то ребенок будет болтливым», «беременной нельзя мыть полы, иначе ребенок будет косой» (ведь женщина во время работы смотрит по сторонам), беременной «нельзя грызть семечки — ребенок будет плаксой», «нельзя перешагивать через метлу — ребенок будет плаксой», «нельзя смотреть, как забивают скот — ребенок будет хрипеть» — такие запреты существовали в народе и возникли для сохранения здоровья будущего ребенка. «Беременной нельзя прясть шерсть и вязать, иначе пупок замотается на шею ребенка». Вязание, пряжа, нитка ассоциируются с путаницей, беспорядком. По этому признаку строится запрет как предостережение для беременной. В связи с семантикой «рубеза, входа» в потусторонний мир выступает запрет: «беременной женщине нельзя садиться на шесток печи (*мейес кәлдәксәһе*), нельзя длительное время пребывать у горящего очага во избежание потери ребенка или болезни

в будущем» [16, с. 504]. Здесь подразумевают сжигающее свойство огня.

Жизненные, бытовые ситуации фольклоризируются и приобретают символический смысл. «Беременной женщине нельзя крутить ручную мельницу, ребенок может родиться с обвернутой пуповиной». Беременным запрещали обижать животных, кошек, собак, так как боялись проклятия животных, отчего ребенок мог родиться больным, инвалидом. Беременной женщине также запрещали возиться с краской, заниматься тяжелой работой во избежание проблем со здоровьем. Также нельзя было беременную женщину одну отправлять в баню.

Ввиду трудностей в содержании большого количества детей возникли такие запреты: «нельзя обходить стол кругом, детей много будет». Стол — место, за которым собирается много народу для трапезы. В запрете переосмысливается эта данность. Чтобы не родить двойню, нельзя было есть яйцо с двумя желтками [4, с. 88—89].

Из пожелания долгой жизни ребенку широко распространился совет-запрет «нерожденному дитя нельзя заранее покупать одежду». Похожие запреты есть и у других народов. О.В. Егорова описывает запреты чувашского народа, касающиеся беременных женщин [16, с. 126—137]. Они обнаруживают типологические сходства с башкирскими.

В статье «Народная гигиена башкир и охрана здоровья детей» В.З. Гумаров отмечает, что раньше «беременной не разрешалось утолять жажду сырой водой, не рекомендовалось длительное пребывание у горящего очага. Объясняли просто: в будущем ребенок может утонуть или сгореть в огне. Однако суеверие имело под собой рациональную основу. Употребление сырой воды могло усилить перистальтику кишечника, а проникновение болезнетворных микробов обусловить его расстройство с последующим отрицательным влиянием на беременность. Перегрев организма женщины был также неблагоприятным для развивающегося плода» [5, с. 130].

Этнограф З.И. Минибаева, описывая народные методы лечения, заговоры-заклинания, распространенные в народе, традиции сохранения жизни и здоровья детей у гайнинских башкир, упоминает и используемые запреты [11, с. 72—76].

В запретах отражается особое отношение к таким категориям, как пространство, расстояние, время, число, религия. Роженице нельзя было одной идти в баню, ее сопровождала повитуха. Когда новорожденного купали в бане, в качестве охранных мер остерегались

произносить в бане имя ребенка, до истечения 40 дней ребенка не называли по имени, чтобы шайтан не мог его подменить и т. д.

Веник, которым парили ребенка, выбрасывали, им нельзя было подметать пол, ждали, когда он сам осыплется — это должно было способствовать счастливому будущему только что пришедшего в мир нового человека.

Чтобы уберечь ребенка от сглаза и порчи, мать не должна была до 40 дней выносить его на улицу, показывать чужим людям. В народе говорили: «Новорожденного до 40 дней нельзя никому показывать — могут сглазить». Считается, что в течение 40 дней мать и дитя живут между двух миров (тем светом и этим), поэтому именно в этот период их сильно оберегали, отсюда такие запреты, как: «новорожденного до 40 дней нельзя оставлять одного, может нечистая подменить; если приходится оставлять, то нужно рядом положить какой-нибудь металлический предмет: нож, ножницы, священную книгу — Коран». В основе этого запрета лежит вера в то, что злые силы боятся металла. В запретах действует вера в священность Корана, ислама.

Запреты возводят предметы, вещи и части тела ребенка на сакральный уровень: «пуповину нельзя выбрасывать», «ребенок, родившийся в «рубашке» (оболочка плода в утробе), будет счастливым, эту рубашку выбрасывать нельзя». «Нельзя выбрасывать «рубашку», первые волосы новорожденного, их бережно заворачивают и хранят, чтобы ребенок был счастливым». Запрещалось выбрасывать ногти ребенка, следовало сжигать их в огне.

Колыбель для новорожденного изготавливали из рябины, считалось, что нечистая сила боится этого дерева, запрещалось изготовление колыбели из березы, так как береза считается скорбным деревом. От колыбели нельзя было отходить далеко: ребенка мог подменить шайтан. Запрещалось также выносить колыбель к чужим людям, во двор, на улицу [10, с. 52—53].

Многие запреты направлены для сохранения здоровья ребенка: «младенец не должен смотреть в зеркала, потому что он может, испугавшись, долго не разговаривать, стать заикой или немым», «нельзя ударять ребенка метлой, а не то он заболит».

В некоторых запретах отражается символ пустоты: «нельзя качать пустую колыбель, а то ребенок будет плаксивым», «не качай пустую колыбель, а то черта качает». Много запретов, связанных с порогом, также разных объяснений к ним. Когда говорят: «Нельзя садиться на порог — у ребенка счастье уменьшится или останется сиротой», имеется в виду то, что порог все топчут. Запрет предупреждает «перенос» этого подавленного, низкого состояния

на дальнейшую судьбу ребенка. В запретах наблюдаются мифологические верования древних о сакральности порога.

Подобные запреты имеются и в обычаях других народов. Например, донские казаки запрещают оставлять ребенка одного, показывать его другим людям и в зеркало, качать пустую колыбель [14, с. 1]. У казахов многие запреты, связанные с воспитанием ребенка, идентичны с башкирскими [9, с. 184—191]. Нельзя было грудного ребенка отрывать от груди в начале или в конце месяца, разрешалось только в пятницу и в новолуние, чтобы ребенок не похудел, не заболел.

Выстиранную одежду ребенка запрещалось оставлять сушиться на ночь на улице, не то ребенок станет инвалидом.

Запреты относительно детей имеют половозрастную категорию, касаются новорожденных, грудных, мальчиков, девочек, подростков. Большинство запретов связаны с воспитанием ребенка и имеют морально-нравственный, этический характер, которые направлены на формирование высоко нравственной личности. Эти запреты учат детей, как вести себя в обществе, за столом, с родными. Например, «Не садись за стол вперед старших», «Нельзя долго смеяться — это вред душе», «Нельзя зевать, широко открыв рот и при этом обращаясь к человеку — это неприлично», «Не спеши, когда ешь, а то подавишься», «Не говори родителям даже «уф», «Не вмешивайся в разговор взрослых», «Не переходи дорогу пожилым» и т. д.

Некоторые запреты приучают к гигиене, например, детям часто говорят: «Не садись за стол, не помыв руки», «На столе не оставляй грязную посуду, у ангелов крылья устанут» и т. д.

В целях гигиены мальчикам делают обрезание, с ним связан запрет, где отражены символы числа, парности: «Обрезание нельзя проводить в четные годы, когда мальчику 2, 4, 6 лет, а нужно делать в нечетные годы».

В башкирских семьях детей с малых лет приучают к труду и аккуратности, поэтому много запретов, связанных с трудовым воспитанием. Например: «после работы метлу не бросай как попало, прислони аккуратно — радость придёт», «лопату не прислоняют», «полы не следует мыть от порога — к покойнику», «не полагается мыть полы поперек половиц», «книгу открытой не оставляй», «нельзя латать одежду, не снимая ее» и т. д.

Отдельная часть запретов нацелена на экологическое воспитание детей: «без нужды не рви траву», «не разорь гнезда птиц», «не засоряй родники, ручьи» и т. д. [1].

С воспитанием связан и такой запрет: «ребенка нельзя слишком баловать, а только, спящего можно немного приласкать».

Таким образом, запреты, связанные с беременностью и используемые в воспитании детей, имеют обережные, предупреждающие цели. Поэтико-смысловой мир запретов отличают смежность понятий, аллегории, символизм.

Список литературы:

1. Архивные материалы автора (собранные в 1998—2013 годы на территории Башкортостана и соседних областей).
2. Батыршина Г.Р. Родинные обряды башкир: классификация названий этапов, обрядовых актов и действий // Городские башкиры: прошлое, настоящее, будущее. Матер. V Межрегион. научно-практической конференции. Уфа, 2008. — С. 234—237.
3. Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. / Сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфә, Китап, 1995. — 560 с. (на башк.яз.).
4. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX—XX вв. М.: Наука, 1991. — 189 с.
5. Гумеров В.З. Народная гигиена башкир и охрана здоровья детей (конец XIX — нач. XX.) // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир /Под ред Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова. Уфа: БФАН СССР, 1980. — С. 130.
6. Егорова О.В. Чувашские обычаи и обряды периода беременности: роль запретов и предписаний // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: Сб. научных статей. М: ГРЦРФ, 2009. — С. 126—137.
7. Записано автором в 2007 г. Аскинском р-не РБ. Личный архив.
8. Инан А. Күсмә төрки кәбиләләрендә уллыкка алыу йолаһы менән бәйлә традициялар // Ватандаш. — 1998. — № 6. — Б. 116—123.
9. Кемалова А.Б. Тыйым сөздендін тәрбиелік мәні // Материалы Международной научно-практической конференции: «Тюркоязычный фольклор как фактор межнационального согласия» (22 марта 2012 г.). Актюбинск: Актюбинский университет им. С. Бейишева, 2012. — С. 184—191.
10. Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты. /Сост., подготовка текстов Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2009. — С. 380.
11. Минибаева З.И. Традиционные способы сохранения жизни и здоровья ребенка у гайнинских башкир // Семья и семейные традиции у народов Башкортостана. Уфа, 2008. — С. 72—76.
12. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. — 243 с.; Жизнь человека в обряде. Уфа: Гилем, 2006. — 337 с.

13. Султангареева Р.А. Имянаречение как элемент родовой культуры // Ватандаш. — 2003. — № 11. — С. 73—80.
14. Ткаченко С. Запреты в жизни донских казаков (На материале диалектологической экспедиции в ст. Раздорскую) // Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2. Ростов-н/Д., 2004. — // Раздорский этнографический музей-заповедник // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.razdory-museum.ru/c_rituals-4.html. 07.02.2009.
15. Фахретдинов Р. Наставления для детей (Пер. на башк. яз. А.Г. Салихова) // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы Востоковедения. Уфа, 2001. — 148 с.
16. Хадыева Р.Н. Содержание концепта «ут» («огонь») в башкирской этнокультуре // «Кадырбаевские чтения-2012». Материалы III Международной научной конференции. Актобе, 2012. — С. 503—504.

4.3. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ДРАМАТУРГИИ НА КАРАКАЛПАКСКИЕ КОМЕДИИ

Матмуратова Рита Захидовна

*научный сотрудник
Каракалпакского государственного университета,
Узбекистан, г. Нукус
E-mail: atir.87@mail.ru*

INFLUENCE OF WORLD DRAMA TO KARAKALPAK COMEDY

Rita Matmuratova

*scientific researcher of The Karakalpak State of University,
Uzbekistan, Nukus*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется одна из актуальных проблем современного литературоведения — влияние мировой классической драматургии на каракалпакскую комедию. В статье проблема влияния зарубежной литературы на развитие каракалпакских комедий рассматривается в сравнительном аспекте с лучшими образцами драматургии Европы. Научный анализ дается на основе исследования классических сюжетов, взятых из европейской литературы. Вместе с тем подчеркиваются специфические особенности каракалпакских комедий.

ABSTRACT

From the second part of the XX century the karakalpak comedy was developed with genre and form feature. We can point some kinds of factors in developing Karakalpak comedy. One of them is the world classic drama's influence. In this article the literary reveal of Karakalpak comedies with the influence of European literature was typological studied. Likewise, was pointed the specific differences of Karakalpak comedy.

Ключевые слова: драматургия; комедия; сатирическая комедия; сюжет комедии; художественное влияние; сопоставление характеры героев.

Keywords: dramatic composition; comedy; satiristic comedy; the plot of comedy; literary influence; typology of heroes' characters.

Любая литература во все времена развивается благодаря процессам взаимосвязи и взаимовлияния с литературой других народов. Как известно из истории литературы, комедия Плавта «Сокровище» и «Близнецы», написанные в III—II веках до н. э., послужили основой для создания комедии Ж.Б. Мольера «Скупой» и В. Шекспира «Комедия путаницы». В каракалпакской драматургии также известны несколько комедий, испытавших на себе художественное влияние мировой драматургии.

Каракалпакская драматургия сформировалась в 20-х годах XX века, но наибольшее развитие получила в 60—80-х годах данного столетия. Велико влияние мировой классической драматургии на развитие каракалпакской комедии. На сцене Каракалпакского государственного театра им. К.С. Станиславского были поставлены комедии Б. Майлина «Правила Талтанбая» (1933), У. Гаджибекова «Аршин Мал-алан» (1934), Ж.Б. Мольера «Проделки Скапена» (1939), «Гартюф» (1956), Н.В. Гоголя «Ревизор» (1952), которые положительно повлияло на творчество каракалпакских драматургов. Комедии «Проделки Скапена» [7], «Ревизор» [1], «Горе от ума» [2] играют большую роль в написании комедий «В мире глупости» Д. Айтмуратова [8], «Омирбек и Тазша» К. Матмуратова [6], «Насильно мил не будешь» С. Хожаниязова [9]. В этих комедиях, описывающих феодальные отношения, есть общая связь: в них господин изображен глупым и пустым человеком, а его слуга — умным и находчивым.

В научных трудах Д. Иванова «Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра» [3], В.Г. Катаева «Чехов и Германия» [4] и других изучаются проблемы литературного влияния. Д. Иванов исследует драматургию А.А. Шаховского, сопоставляя с пьесами Ж.Б. Мольера. Творчество Ж.Б. Мольера и сегодня является своеобразной школой мастерства для мировых комедиографов. Хотя в каракалпакском литературоведении жанр комедии не становился объектом специального исследования, можно указать труды К. Курамбаева «Хамза и каракалпакская литературная среда», Б. Турсынова «Влияние переводных пьес на развитие каракалпакской драматургии и театра» [5] как первые опыты по сравнительному изучению каракалпакских драматических

произведений. Сходство и различие комедий «Проделки Майсары» Х.Х. Ниязи и «Насильно мил не будешь» С. Хожаниязова были глубоко изучены К. Курамбаевым.

В комедии «Насильно мил не будешь» С. Хожаниязова заметна идейная и сюжетная близость с комедиями Ж.Б. Мольера. Если Мольер повествует о взаимной любви Леандра и Зербинетты, Октава и Гиацинты, то главную сюжетную линию комедии С. Хожаниязова составляет борьба Ауеза и Айсанем за свою любовь. Сцена, когда Скапен избивает Жеронта, посадив его в мешок, созвучна со сценой, когда Ауез избивает Годалака, прячущегося в мардане (мардан — сосуд для зерна, сделанный из камыша). Разница в том, что Скапен избивает своего хозяина из-за мести, а Ауез — чтобы отвратить старика, стоящего на его пути к достижению цели, от своего замысла жениться на Айсанем. Годалак был избит не на улице, а во дворе, когда сидел в каракалпакском национальном сосуде — мардане:

Годалак: *Ой, мне конец! Мне конец! (Опять залез в мардан.)*

Ауез: *Аха! Это же не дурак, оказывается это вор, который пришел за зерном. Я накажу его! (Он взял на руку веревку, и приблизился к мардану.) Эй, вор! Выходи, а то убью! Ты не выйдешь?! На, получи по заслугам! На тебе! (Вытащив из мардана Годалака, Ауез продолжает его бить, в конце концов Годалаку удается убежать. Пришёл Кошкинбай) [9, с. 21].*

В сатирической комедии К. Матмуратова «Омирбек и Тазша» описывается жизнь каракалпаков в феодальную эпоху. Сцены победы главного героя Омирбек над своим земляком — баем Тауасаром переданы в смешных эпизодах. Если в «Проделках Скапена» Скапен обманывает своего хозяина, чтобы помочь Леандру и Зербинетте, то в «Омирбеке и Тазше» защищаются интересы трудящегося народа. Омирбек, используя хитрость, возвращает народу награбленное Тауасаром богатство. Когда Жеронт наказывает своего слугу за оскорбление, Скапен говорит то своим голосом, то голосом деверя Октава:

Скапен: *Я говорю: вот как славно мы их проведем, ваших врагов! Залезайте поглубже в мешок, да не высовывайтесь, а главное, не шевелитесь, что бы ни случилось.*

Жеронт: *Не беспокойся, я знаю, что мне делать.*

Скапен: *Спрячьтесь: вон уж идет один молодчик. (Изменив голос.) «Неужели мне не удастся убить этого Жеронта? Хоть бы какой добрый человек показал, где он прячется!» (Жеронту своим голосом.) Не шевелитесь! «Нет, черт возьми, я тебя найду, хоть сквозь землю провались!» (Жеронту своим голосом.) Не высовывайтесь! «Эй ты, с мешком!» Что угодно, сударь?*

«Вот тебе золотой, покажи мне, где этот Жеронт». Вы ищете господина Жеронта? «Да, черт возьми, ищут». А зачем он вам, сударь? «Зачем?» Да. «Хочу угостить его палками». Таких людей, как господин Жеронт, не бьют палками: с ними нельзя так обращаться. «Как нельзя? С этим болваном, с этим мошенником, с этой мразью?» Господин Жеронт не болван, не мошенник и не мразь, будьте любезны так о нем не отзываться. «Что! Да как ты смеешь со мной так разговаривать?» Должен же я заступиться за почтенного человека, раз его оскорбляют. «А ты разве друг этому Жеронту?» Да, сударь, я ему друг. «А, черт возьми, друг, тем лучше! (Бьет палкой по мешку.) На, получи за него!» (Кричит, будто бы от боли.) Ай-яй-яй, сударь! Ай-яй-яй, послушайте! Ай-яй-яй, полегче! Ай-яй-яй! «Вот передай ему это от меня! Всего наилучшего!» Ох, проклятый гасконец! Ох [7, с. 58].

Такая же сцена есть и в комедии «Омирбек и Тазша». Чтобы притворившийся мертвым Тауасар не догадался, Омирбек лаккы (острослов) говорит голосом то Ымсын, то Базарбая, то муллы. У Мольера Скапен обманом надел на Жеронта мешок, а в комедии К. Матмуратова четвертая сцена целиком посвящена раскрытию образов Тауасара и Омирбека. Творчески используя опыт Ж.Б. Мольера, автор развивает его дальше, тем самым обогатив жанр национальным искусством острословия — «лаккышылык». Чтобы Тауасар поверил, Омирбек то плачет голосом «вдовы» Тауасара Ымсын, то поддерживает «вдову» голосом муллы, а сидящие рядом Темирбек и Тазша также говорят голосами других людей.

Эпизод обмана, смеха над Тауасаром передает характерное каракалпакское искусство острословия. Сцена комедии, когда Тауасар выдает себя и видит перед собой не Ымсын и муллу, а Омирбека, создана удачно. Таким образом, в этих двух комедиях находчивый слуга и умный пастух одерживают победу над своими хозяевами.

Подобное литературное влияние заметно и в комедии Д. Айтмуратова «В мире глупости». Сатирическое произведение Э. Роттердамского «Похвала глупости», комедия А. Грибоедова «Горе от ума» явились для автора творческой школой. Эти три произведения раскрывают недостатки общества через острие сатирическое слово. Работа автора над переводом на каракалпакский язык «Похвала глупости» Э. Роттердамского, обогатила опыт драматурга, что отразилось и на художественном языке произведения. Устами главного героя произведения Глупости обличаются пороки общества, опасные для сознания человека. Реалистичное восприятие художественного отображения заставляет читателя признать, что Глупость действительно могущественна. В комедии «В мире глупости» также

создана видимость, что нет никакой опасности извне, а на самом деле описано общество, погрязшее в глупости. В избрании главного героя Пиркаккана на руководящую должность, а также превращении его в значимую фигуру общества наблюдается связь данного произведения с «Похвалой глупости» Э. Роттердамского.

«В мире глупости» Д. Айтмуратова имеет композиционное и идейное сходство и с комедией «Горе от ума» А. Грибоедова. Через параллель между «умными людьми» во главе с Фамусовым и глупостью во главе с Пиркакканом обличаются подобные общественные отношения. Фамусов, исходя из своего ограниченного мировоззрения, считает себя умным, и хочет, чтобы окружающие тоже поверили в его «умные» высказывания. Это общество верит Фамусову: он скажет «белое» — значит белое, скажет «черное» — значит черное. Ложное известие Софьи о сумасшествии Чацкого воспринимается как настоящая правда. Затем и Фамусов объявляет Чацкого сумасшедшим:

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошёл?

Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молот!

Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!

А ты меня решила уморить?

Моя судьба ещё ли не плачевна?

Ах! Боже мой! что станет говорить

Княгиня Марья Алексеевна! [2, с. 122]

Но единственный положительный персонаж комедии — это Чацкий. Через его образ автор разоблачает общество Москвы во главе с Фамусовым. А в комедии «В мире глупости» Д. Айтмуратова нет ни одного положительного персонажа. Но, несмотря на это, автор достиг поставленной цели. Каждое движение, слова Пиркаккана воспринимается обществом как закон. В то же время зрителю ясно, что это глупый, дурной человек. Особенно в развязке комедии поступки и диалоги персонажей мастерски переданы через использование приема гротеска: «*Таким образом, как было сказано выше, при помощи подъемного крана гранит с Гималайских гор с выгравированным портретом и вышесказанными словами Пиркаккана Оракова, был поставлен на его надгробии... За кулисами слышится плач и горестные возгласы несметной толпы*» [8, с. 226].

На примере каракалпакской литературы мы рассмотрели проблему литературного влияния. Творческое применение автором опыта мировой классической литературы дает положительный результат для национального искусства. Таким образом, можно показать следующие факторы

художественного влияния классических комедий на каракалпакскую драматургию:

1. В 30-х годах XX века было уделено особое внимание развитию театрального искусства. Постановка классических комедий в 1935—1955 годах на театральных подмостках Каракалпакстана послужила толчком к формированию творческого самосознания драматургов.

2. Общественные тенденции, присущие смене эпох, влияют на самосознание творческих людей и вызывают в них потребность обратиться к опыту мировой классической литературы. Основным фактором комедийных повторов можно указать схожую обстановку в обществе.

3. Каждый народ имеет своеобразные традиции, национальную культуру и, соответственно, имеет общие черты в национальном характере. Но единство творческих людей выявляется в художественном отображении недостатков общества, не замеченных другими его членами. Это указывает на духовную близость мастеров слова, несмотря на их национальную принадлежность, что создает схожие сюжеты в художественной литературе.

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Ревизор. Собрание сочинений в семи томах. Том 4. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1977. — 49 с.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Правда, 1986. — 124 с.
3. Иванов Д. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Т.: Ulikooli Kirjastus, 2009. — 226 с.
4. Катаев В.Б. Чехов и Германия: постановка проблемы. / *Vorträge am Slavischen Seminar der Universität Tübingen*. Nr. 2. Tübingen, 1994. — 18 с.; 2-е изд.— *ibid*.
5. Курамбаев К. Хамза и каракалпакская литературная среда. Н.: Каракалпакстан, 1989. — 148 с.; Турсьнов Б. Влияние переводных пьес на развитие каракалпакской драматургии и театра. Н.: Каракалпакстан, 1984. — 107 с.
6. Матмуратов К. Омирбек и Тазша. // *Амударья*. — 2014. — № 1. — 106 с.
7. Мольер Ж.Б. Скапеновы обманы. Перевод с французского И. Смирнова, М.: Просвещение, 1803. — 67 с.
8. Роттердамский Э. Похвала глупости. Айтмуратов Д. В мире глупости. Н.: Каракалпакстан, 1990. — 228 с.
9. Хожаниязов С. Арыулар. Н.: Каракалпакстан, 1987. — 253 с.

**МАРГИНАЛЬНОЕ ГЛОССИРОВАНИЕ
В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ
ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РЕЙНКЕ ЛИС»
(РОСТОК, 1539 Г.).
ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ**

Цапаева Сабина Юрьевна

*дипломированный лингвист, магистр прикладной математики
и информатики, докторант, внештатный доцент, университет,
Германия, г. Росток
E-mail: sabina.tsapaeva@uni-rostock.de*

**MARGINAL NOTES IN THE MIDDLE
LOW GERMAN BEAST EPIC „REYNKE VOSZ DE OLDE“
(ROSTOCK, 1539). A CLASSIFICATION ATTEMPT**

Sabina Tsapaeva

*Qualified linguist, Magister of Applied Mathematics and Informatics,
Ph.D. student, non-staff lecturer, University,
Germany, Rostock*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются возможности классификации маргинальных глосс в средненижненемецком животном эпосе «Рейнке лис». На основе примеров из текста также анализируются функциональные особенности маргиналий. Кроме того, в статье дискутируется вопрос необходимости глосс для корректного понимания и интерпретации текста исследуемого средневекового источника.

ABSTRACT

The present article discusses the classification variation of the marginal notes in the Middle Low German beast epic „Reynke Vosz de olde“. Based on concrete examples from the text the functional characteristics of the glosses are also analysed. Further the necessity of the marginal notes and their relevance for medieval text reading, its correct understanding and interpretation are disputed.

Ключевые слова: средненижненемецкий язык; животный эпос; Рейнке лис; маргинальное глоссирование; глоссы; классификация; функции.

Keywords: Middle Low German; beast epic; Reynke Vosz de olde; marginal notes; glosses; classification; functions.

Понятие *глосса*, *глоссирование* пережило немало дефиниционных трансформаций от античности до наших дней. И если Аристотель понимал под *глоссой* языковой вариант любого ранга в рамках одного текста и противопоставлял общеупотребительные имена тем, которыми пользуются лишь некоторые [1, с. 1096—1097], то в современной журналистике под *глоссой* понимают краткий поучающий комментарий иронично-сатирического характера, высмеивающий побочную негативную сторону новости посредством ассоциаций, показательных историй и пр. [3, с. 79].

Понятие *глоссы*, релевантное для настоящей статьи, в своём понимании схоже с глоссами правовых и богословских текстов Средневековья. В средневековых теологических текстах глоссы вводятся, в первую очередь, с целью толкования отдельных непонятных слов, терминов, целых выражений или мест Священного Писания. Так, в глоссах, которые размещаются либо на полях источника, либо между строк параллельно с комментируемым текстом, предлагаются варианты слов, терминов и т. д., пояснения, определения или примеры их употребления. В юридической практике Средневековья, кроме того, существует функция глоссы *argumenta*. Под *argumenta* подразумевается вид юридической глоссы с вспомогательной функцией быстрого поиска схожих прецедентов в кодексе для сопоставления найденных примеров с актуальным в настоящий момент судебным разбирательством.

Основной функцией глоссы является, таким образом, функция пояснения. Другими словами, как в Средние века, так и сейчас глосса представляет собой, в первую очередь, поясняющий или объясняющий вид текста. Современная журналистская глосса, помимо этого, комментирует некую общественную проблематику или актуальную острую тему. Можно смело утверждать, что между научной средневековой глоссой и современной публицистической глоссой существует тесная генетическая связь. Изучение маргинального глоссирования играет немаловажную роль при рассмотрении средненижненемецкого животного эпоса «Рейнке лис» (Росток, 1539 г.). При этом следует заметить, что некоторые особенности теологической и юридической глоссы определённо используются

в рассматриваемом источнике. Однако в вопросе классификации, а также анализа функций маргинальных глосс в «Рейнке лисе», очевидно, следует использовать новые, дополнительные подходы к глоссированию.

В литературе того времени преимущественно превалируют три тематики:

Христианская морализация, распространение классических знаний среди простого населения и насущные социальные вопросы. В «Рейнке лисе» гармонично соединяются все три указанных аспекта, что дополнительно подчёркивает острую актуальность данного произведения и частично объясняет его популярность. Рассмотрим, однако, непосредственно маргинальные глоссы, сопровождающие текст эпоса и поглавный прозаический комментарий.

Первый тип маргинального глоссирования представляет собой небольшие по объёму рифмованные высказывания без ярко выраженных риторических украшений. Данный тип глоссирования можно условно обозначить понятием *эпиграмма*. Такие эпиграммы встречаются на протяжении всего текста, причём их количество отличается от одной главы к другой. Зачастую размер эпиграммы зависит от размера того отрывка эпоса, который эта эпиграмма комментирует или поясняет. К примеру, природный зачин (Natureingang) первой главы, тематизирующий прекрасные погодные условия в судебно-присутственный день (Hoftag), на который король Нобель созвал всех зверей, параллельно комментируется следующим образом: Heren hülde vnde Aprillen weder / Frowen leue vnde Rosenn bleder. Der Wörpel vnde Karthen spyll / Vorwandeln sick offte / wol dath mercken wyll [5, Bl. IX r]. Таким образом глоссатор осторожно формулирует своего рода предупреждение о том, что любой даже самый хороший день может в один миг превратиться в плохой. Тем самым глоссатор тематически расширяет пространство текста за счёт четверостишия маргинальной глоссы, причём в форме противопоставления. Примечателен тот факт, что эпиграммы практически не встречаются в прозаическом поглавном комментарии.

Тематическое расширение характеризует также следующую глоссу-эпиграмму: De dar wyll syn der Heren hoffgesynde / De schic=ke de mantele na dem wynde. Vnd drage den vp beyden synden Wyll he anders lange tho Нуее gyden [5, Bl. IX r]. Здесь интересно заметить, что рифмованная эпиграмма представляет собой искусную компиляцию двух широко распространённых фразеологизмов, соединённых глоссатором специально для рассматриваемого произведения. В качестве

соединяющих элементов между текстом эпоса и четверостишием выступают понятия Heren и hoff.

Второй тип маргинального глоссирования представляет собой своего рода сноску или литературную ссылку на прямой или схожий источник информации, использованный непосредственно в тексте или авторитетно подтверждающий то, что сказано в тексте. Например, третья маргинальная глосса в первой главе ссылается на место в Библии, точнее, на Евангелие от Иоанна (Глава 3, Стих 20): Johan. 3. Wol quadt deyt hatet dath licht / vnde kümpt nicht an dat Licht / vp dat syne wercke nicht ghestraffet werden [5, Bl. IX v]. Соединяющим элементом служит практически дословная цитата из Библии, применённая к главному (анти)герою эпоса лису Рейнке: De quadt deyt / de schuwet gerne dat licht. Also dede ock Reinke de böse wucht. Т. е. Ибо всякий, делающий злое, боится [вместо: ненавидит] света. Можно предположить, что на одном из этапов развития эпоса автора / составитель использовал Библию в качестве литературного источника. Сама маргинальная глосса может быть расценена как современный аналог концевой, точнее, полевой сноски или литературной ссылки на использованный библиографический источник.

Данный тип маргинального глоссирования встречается как в эпосе, так и в поглавном комментарии относительно часто, причём можно различить несколько подтипов литературной ссылки. В первом случае имеет место комбинация автор + непосредственная цитата, к примеру, ¶ Frigdanck. Jck forchte nicht des manes schin Szo my wyl de Sonne gnedich syn. Wol auers ane Sonne jo moth syn / De nympt vor gudt des Manes schyn [5, Bl. XLIII r]. Имя автора может быть сокращено, как, например, в следующей глоссе, цитирующей небезызвестного Себастиана Бранта: S.B. ¶ Jtzundes ys valsche leue / falsch radt vnd valsch gelt / Dar umme ys vull vntruwe / de gan=tze welt [5, Bl. XCIX r]. Во втором случае мы имеем указание на источник + цитату: Prouer. 13. Turris fortissi=ma nomen do=mini [5, Bl. XLV v]. Также в обратном порядке: Alle fleysch ys graß / vnnd alle syne schönheit al se de blome des veldes. Esaie. 40. [5, Bl. XXXVII r]. В исключительных случаях встречается комбинация цитата + автор: ¶ Panthera ys ein sachtmödich Deerte wen ydt sath ys / vnd al=len deerten fründt=lick / vthgena=men Slangen vnd Draken. rc. vide Plinium. Et Dium Hiero [5, Bl. CXCIII v] или Wen eyne Frouwe wal wyß ge=seen syn / So ma=ket se / dat se euen darmit eine dubbelde Narrynne wert geachtet. secht Eras. Ro. [5, Bl. CXCv r]. Сама цитата может быть приведена на языке оригинала (т. е. на латыни, так как верхненемецкие высказывания приведены в большей или меньшей степени в ассимилированном варианте): Tase

adoles=cens. Ius est in armis. Tolle moras, semper no=cuit differre paratis. Keyzers Julij sprickwordt [5, Bl. CLXXI v] или в переводе, ср. Seneca. Jdt kümpt va=ken / dath de an=fanck eines din=ges / söter is als Honnich / vnde syn ende ys död=lick vorgeyfft [5, Bl. XXX r]. В случаях с двуязычными (в нашем случае содержащими латынь) маргиналиями глоссатор дополнительно работает с разными шрифтами.

Следует отметить, что глоссатор не везде чётко придерживается текста источника. Как подчёркивает Брандес [4, S. XXI], отношение глоссатора к претекстам колеблется от слепого рабского копирования (sklavische [T]reue) вплоть до крайнего самоволия (äußerste [W]illkür). Причём на данном этапе исследования не представляется возможным определить какую-либо закономерность или универсальную модель для заимствований из прозы или лирических произведений, верхненемецких, нижненемецких или латинских оригиналов, античных или современных изданий.

Третий тип маргинального глоссирования представляет собой краткие или реже относительно подробные повторения содержания основного текста (под основным текстом здесь понимаются текст эпоса и текст поглавного комментария) на полях. Следует отметить характерную особенность текста, заключающуюся в том, что первая книга «Рейнке лиса» отличается наиболее подробными маргинальными глоссами данного типа. Такие рекапитулирующие глоссы могут быть дословными или почти дословными повторениями основного текста. Данный тип, таким образом, представляется своего рода систематизированным оглавлением, предлагающим краткое содержание соответствующего отрывка текста. Например, глосса Wath jn dessem Voke vorgebyl=det werth [5, Bl. IX v] вполне однозначно указывает на часть поглавного комментария к первой главе, начинающегося со следующих слов: DYdt bock egentlick vnde recht thouorstande / ys tho merckende / dat hyrinne dath Ampt der Aueriheit [...] vorgebyldet werde [5, Bl. IX v]. В качестве примера короткого маргинального комментария данного типа можно привести следующие: Stercke Treppendreger [5, Bl. XV r], Ampt der getruwen Rede [5, Bl. XXVI r], Eyn Arme [5, Bl. CLXXXII r]. В указанных примерах на полях мы находим ключевые слова или односоставные, зачастую нераспространённые предложения номинального (назывного) типа.

В большинстве случаев маргинальные глоссы данного типа можно в функциональном плане расценить как своего рода подзаголовок. Обычно речь идёт о глоссах короткой или средней длины. Нередко такие глоссы представляют собой, однако, законченные двусоставные предложения, выражающие краткое

содержание соответствующего отрывка основного текста: *Watterley ge=stalt Frouwe / tho vor Eelyken sy. rc. [5, Bl. CLXXXII v]* или *Nemandt schal hōger trachten / alse syn standt esschet [5, Bl. CCXXX v]*.

Кроме того, в тексте присутствуют повторения иного типа, которые по функции напрямую пересекаются с глоссами-сносками. Основным отличием от «хрестоматийных» литературных ссылок является тот факт, что в качестве комментария к тексту указывается лишь источник (или автор; подробнее см. ниже) без дословной цитаты. Такие повторения-ссылки служат достижению максимальной убедительности за счёт частичной рекапитуляции содержания текста в авторитетном источнике, например, Библии. Так, рассуждения о назначении судей и прочих надзирателей поддерживаются прямой ссылкой на Пятую книгу Моисея: *Deutero. 16. [5, Bl. X r]*, где мы находим следующие слова [в русском синодальном переводе]: «Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным не извращая закона, не смотрим на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых» [Пятая книга Моисеева. Второзаконие 16: 18—19].

Там же мы находим рассуждения об отношении к высшим властям, которым находим подтверждение, в частности, в Новом Завете. Например, следующему отрывку из поглавного комментария в прозе соответствует краткая маргинальная глосса *Roma. 13 [5, Bl. IX v]*: *Dan durch den Louwen / werden Keyser / Könige / Für=sten vnd alle Potentaten / angethōget / de van Godt jnn de wertlyke Auericheit / thom vthwendigen regimente / den bösen thor straffe / vnd den framen thor for=derung / gesettet. Derhaluen sprickt Paulus: Alle Auericheit sy van Godt vorordent / vnd de der weddersteyt / de wedder=strevet Gades ordenung [5, Bl. IX v]*. В Послании к Римлянам находим [в русском синодальном переводе]: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» [Послание к Римлянам святого апостола Павла 13: 1—2]. Так же как и в примере с цитатой из Евангелия от Иоанна глосса, очевидно, пересекается в плане содержания с основным текстом. Дистинктивным признаком евангельской глоссы в данной оппозиции является наличие непосредственной цитаты параллельно с указанием на источник, во втором случае мы имеем дело с литературной ссылкой в чистом виде.

Данный вид литературной ссылки без цитаты также может быть подразделён на подтипы. В первом случае глоссатор указывает только

источник, откуда взята цитата, например, Mattheij 5 [5, Bl. III r], Psyl. 18 [5, Bl. XXXIII r] или j. Reg. 23 [5, Bl. XLV v]. Во втором случае вместо источника указывается автор источника без названия произведения: Cicero [5, Bl. CLXXXVIII r] или Erasmus Al=berus [5, Bl. CCCXXX r], в исключительных случаях переводчик-современник некоего античного источника. Третий подтип содержит имя автора (или переводчика) и ссылку на источник, но, что характерно для всех подвидов данного маргинального глоссирования, без цитаты: Cor. Agrippa. Cap. 110. De va. Scient. [5, Bl. CLXXXVIII r]. Примечательно, что глоссатор не указывает источник даже в тех случаях, когда в качестве ресурса для цитат (в рамках всего произведения в целом) используется несколько произведений одного автора. Так, например, в тексте можно обнаружить следы следующих произведений и изданий немецкого сатирика XV века и основателя т.н. литературы о глупцах Себастиана Бранта: „Narrenschiff“ (русс. «Корабль дураков»), рифмованное предисловие (Reimvorrede) к судебнику „Richterlich Clagspiegel“ (русс. «Зерцало судебных жалоб»), а также к правовому сборнику „Layenspiegel“ (русс. «Зерцало мирян») Ульриха Тенглера, переработанное издание шпрухов (gereimte Sinnsprüche) странствующего поэта XIII века и автора дидактической поэмы „Bescheidenheit“ (русс. «Разумение») Фрейданка.

Таким образом, происходит интересное распределение функций в рамках текста «Рейнке лис». Маргинальные глоссы, особенно глоссы к поглавному комментарию, представляют собой тезисы о рассматриваемых обстоятельствах или соответствующие ключевые слова. В тексте прозаического комментария приводятся аргументы, подтверждающие позицию, зафиксированную в маргиналиях. Сам текст эпоса приводит подходящие примеры, что свидетельствует об индуктивном методе работы глоссатора с материалом. Т. е. животный эпос описывает (относительно реальную / фиктивную) ситуацию, поглавный комментарий разбирает данную ситуацию по пунктам и поясняет описанное, делая поправки на морализацию. Маргинальные глоссы представляют собой основные тезисы, которые можно рассматривать как относительно самостоятельные послания читателю.

Подводя итог выше сказанному, хочется отойти от классификации и подробнее остановиться на функциях маргиналий в рассматриваемом животном эпосе. Так, глоссы, представляющие собой своего рода оглавление, выполняют как минимум две функции. С одной стороны, они служат для лучшей ориентации в книге, т. е. данный тип глоссы позволяет в кратчайшее время найти в тексте искомый отрывок с нужным содержанием. Благодаря подобному «оглавлению» при повторном

прочтении читатель может найти нужный текст, пропустить неактуальный для некой ситуации отрывок или установить связь с другими частями текста. С другой стороны, можно предположить, что читатель воспринимает такие глоссы-оглавления как сигнал о повышенной значимости комментированной части текста для понимания текста в целом. Глоссы-оглавления, несомненно, являются основополагающим элементом текста, а лёгкость доступа к релевантным пассажирам носит дидактический характер.

Глоссы-повторения, ссылающиеся на слова Священного Писания, фактически «узаконивают» и «легитимируют» сказанное в тексте. Содержание цитат из Библии переносится в качестве своеобразной проекции на маргиналии, что повышает общий уровень достоверности всего текста, в частности и в особенности, поглавного комментария. Ссылки на авторитетные античные и популярные современные литературные источники придают основному тексту универсальный характер, что соответствует «дидактической доктрине» той литературной эпохи. Тем самым глоссатор подкрепляет претензию на объективную общепринятость составленного им текста. В этом заключается ещё одна особенность ростковского издания «Рейнке лиса» по сравнению с первым средненижнемецким любекским изданием 1498-го года. Как видим, прозаический комментарий к животному эпосу 1539-го года приобретает общезначимый, универсальный характер и получает определённую степень автономности. Кроме того, чтение прозаического комментария и маргинальных глосс носит обязательный характер, а не факультативный, как это было в любекском «Рейнке лисе». Однако было бы слишком смело утверждать, что без глоссирования не было бы ростковского «Рейнке лиса», ведь как текст прозаического комментария, так и маргинальные глоссы существуют и имеют смысл исключительно на основе текста эпоса.

Другими словами, маргинальное глоссирование является неотъемлемой частью рассматриваемого животного эпоса. Принципиальная необходимость его изучения при этом самоочевидна и не нуждается в дополнительной аргументации. Очевидным является и тот факт, что для правильного понимания и обоснованной интерпретации основного текста анализ маргинальных глосс является облигаторным. Ведь именно за счёт маргиналий глоссатору удаётся одновременно расширить горизонт читателя в тех случаях, когда глосса противопоставляется основному тексту, и ограничить свободу прочтения за счёт обозначенного на полях разъясняющего потенциала.

Иначе говоря, глоссатор частично берёт на себя функцию толкования обработанного им литературного текста. Читатель

при этом вынужден двигаться по «маршруту», подготовленному для него предусмотрительным глоссатором. Значительное количество маргиналий задаёт направление мысли читателя в системе координат, очерченных глоссатором. Свободное пространство для самостоятельного толкования текста, несомненно, остаётся — как известно, один текст не может быть прочитан одинаково двумя людьми —, но оно строго ограничено. Образно глоссы можно представить себе в качестве дидактического корсета произведения, который невозможно отложить в сторону или проигнорировать. Здесь стоит заметить, что объём поясняющего текста (включая маргиналии) столь велик, что у читателя даже может сложиться впечатление, что эпос был написан для комментариев, а не наоборот. Открытым остаётся вопрос, каково было в таком случае основное намерение глоссатора, чем он руководствовался в своей работе. Возможно, свет на этот аспект сможет в ближайшее время пролить пока также не найденный ответ на вопрос об идентификации личности глоссатора ростокского средневекового бестселлера о хитром лисе.

Список литературы:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Мн.: Литература, 1998. — 1391 с.
2. Библия в синодальном переводе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/> (дата обращения 02.04.2014).
3. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 191 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата обращения 02.04.2014).
4. Brandes K.W.H. Die jüngere Glosse zum Reinke de Vos. Halle a. S.: Niemeyer, 1891. — 315 S.
5. Reynke Vosz de olde / nyge gedrucket mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren / erluchtet vnd vorbetert. Rostock: L. Dietz, 1539. — 272 Bl.

4.4. ЖУРНАЛИСТИКА

РЕАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ

Камзин Какен

*д-р филол. наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, Алматы
E-mail: kaken-kamzin@mail.ru*

REAL SPACE IN JOURNALISTIC TEXTS

Kaken Kamzin

*doctor of Philology, professor KazNU of a name of al-Farabi,
Republic of Kazakhstan, Almaty*

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье автор, опираясь на теоретические установки известных ученых, рассматривает феномен дистанционности в журналистике с нескольких адресных точек. По его мнению, наряду с объективным сканированием, существует и субъективное освоение этой формы познания. Определение дистанции на практике, по утверждению исследователя, связано еще и с психологическим восприятием человека таких контрастов, как приязнь/неприязнь, привязанность/отчуждение.

ABSTRACT

In this article the author, based on the theoretical setting of famous scientists, examines the phenomenon of remoteness in journalism from several targeted points. According to him, along with objective scanning, there is a subjective development of this form of knowledge. Determination of the distance, in practice, according to the researcher, also connected with the psychological perception of a person of such contrasts as affection / dislike, attachment / alienation.

Ключевые слова. Физическая номенклатура измерения; коммуникационное пространство; автономизация свободы личности; тренд души.

Keywords: Physical nomenclature of measurement; communication space; personal freedom autonomism; soul trend.

Понятие дистанции по своей сути неотделимо от осязаемого нами пространства и времени, т. е. к нему по определению приложима физическая номенклатура измерения. И эти узнаваемые обозначительные черты могут быть конкретного визуального или умозрительного характера. Заметим, в современных спортивных репортажах или сообщениях комментатор четко констатирует то, что спортсмен такой-то сумел пробежать сто метров за девять целых, восемь сотых секунд, а в площадно-событийных репортажах — столкновение общественных отношений, увеличение дистанции между бедными и богатыми слоями населения и т. д. Надо признать, что о таком разнообразном раскладе жизненного пространства писали в своё время немецкий социолог, один из основоположников конфликтологии Георг Зиммель и французский философ Пьер Бурдьё. Именно в контексте подобных трансформаций явственно просматривается некий соединительный шов расстояния (пространства) и времени, который и указывает на направление и динамику всего и отдельного процессов. С понятиями удаление и приближение связаны не только физическое поле человека, но и реакция природы на антропогенные притязания. Есть возможность на этот контент взглянуть с конструктива следующего жанрового текста: «Буря бушевала над Петербургом, как возвращенная молодость. Редкий дождь хлестал в окна. Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит. Люди пробегали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями. Неясный свет, зловещий и холодный, то убывал, то разгорался, когда ветер вздувал над городом полог облаков», — то это — уже не стандартная конкретика, а поэтично-философское размышление о природе, времени и человеке, художественное фиксирование исчезающих планов [1, с. 282]. Такой же заряд, на мой взгляд, заложен в авторском рассуждении, о том, как «русским читателям, не привыкать читать писателей, которые любили Россию издалека. Гоголь и Тургенев нередко нуждались в удалении от родины, чтобы воспламениться ностальгическим зарядом» [2]. Другими словами, пространственное удаление, духовная эмиграция личности, стремление к расширению коммуникационного пространства, поиск на чужбине планетарного признания тоже ассоциируется в некоторой степени с дистанцированием от национального реализма и автохонного гнезда. А если увязать дистанционное отдаление с историческими феноменами, то такую судьбу на стороне избрали для себя Абунаср аль-Фараби, Захираддин

Мухаммед Бабур, Махмуд Кашгари, Мухаммед Хайдар Дулати, Мустафа Чокай и многие другие высокородные и высокочтимые деятели культуры — выходцы из кипчакских городов Казахстана. Их быстрое географическое переселение, как ни странно, стало и их современным триумфальным социально-культурным возвращением в родной шаньрак, возвращением через многие годы, через много веков. Воистину правы были древние мудрецы, говорившие, remember, esto memor.

Дистанцирование с одной стороны — это отстраненность от чего-то неприемлемого, кого-то неприятного, с другой — автономизация свободы личности и взглядов, стремление к независимому мышлению в обременительной среде. Подолгу проживающие в отдалении от Родины, за рубежом, поэт и ученый О.О. Сулейменов, писатель и знаток тюркомонгольской цивилизации М.М. Магауин, хорошо знают, что творческий профессионализм копится и на расстоянии, и когда становится возможным, он обязательно потревожит культурно-социальную среду. Эти интеллектуалы, конечно, никогда не забывают, что любое табу — это искусственное ограничение конкуренции и поэтому некоторые готовые жанровые формы они хранят в депозитариях своей памяти.

Согласно платоновской «притче о пещере» и ее истолкованию Мартином Хайдеггером, человек поставлен в своем бытии к существу так, что видит не весь познаваемый мир в целом, а лишь функционирующие перед его взором тени тех видов, которые в просвете истинного бытия остаются у него за спиной. Он стеснен такой мотивированностью, но сыздавна привык к ней. Освобождение от этого плена для него и окружающих равносильно бунту или взрыву. Тем более, что поворот к свету за спиной, а далее и выход из пещеры ослепляет человека, вызывая резь в глазах. В этом слепящем клюфте становится страшно. «Переходы из пещеры в дневной свет и оттуда обратно в пещеру требуют каждый раз изменения привычки глаз от темноты к свету и от света к темноте».

Платон делает акцент на важности медленного и постепенного привыкания телесного ока, — являющегося трендом души в целом, — к свету и к темноте. Правильность взгляда разумного ока требует правильной направленности души, а это, в свою очередь, предполагает принятие всем строением тела соответствующего положения.

Вот такое личностное восприятие света и тьмы, притягивание к себе былой реальности отмечено в эссе яркого журналиста-аналитика К.С. Смаилова, посвященное Ануару Алимжанову и Олжасу Сулейменову — духовно близких ему людей, и успешно творивших в сложносочиненную эпоху, латентных оппозиционеров к установочной действительности, во многом не разделявших ее идеологических

и идейных концептов. Если у А.Т. Алимжанова и О.О. Сулейменова неприятие советского позитивизма выразилось в выдвигании на передний план национального, тюркского и восточного содержания, то у К.С. Смаилова преобразование общественного мышления — это энергичная апелляция к качественно иному будущему, т. е. к своевременному внедрению модерна и инноваций в сознание просвещенного авангарда.

Известный публицист, один из активных участников строительства культуры в Казахстане, К Смаилов, в свойственной только ему манере видения окружающего мира, выхватывает с почтительного расстояния, многомерного потока событий самые выигрышные моменты и образы типа: «Заседания в киностудии всегда проходили в творческой атмосфере. На одном студийном заседании я написал на клочке бумаги следующие слова: «Чем отличается Олжас от Ануара? Ануар считает себя виноватым перед всеми людьми, а Олжас считает всех людей виноватыми перед ним.

Если они иногда и не сходились характерами (многие даже их специально срамливали), но, когда дело касалось истории страны, сложных судьбоносных коллизий народа, они наперекор всему приходили к единому мнению. Потому что очень уважительно относились к своему народу и очень высоко ценили его. Когда разговор шел именно об этом, всякое наносное, никчёмное отсеивалось, забывалось» [3, с. 136.]. Естественно, в авторском смикшированном размышлении о товарищах, о себе четко вырисовывается т. н. эффект транскрипции, в результате которого за скобками неизбежно остаются неписьменные компоненты речи — интонация, смех, мимика, жесты, зрительная коммуникация — т. е. все то, что не позволяет неподготовленному читателю отличить живую речь от написанного текста.

XXI век растревожил покой социума, расширил возможности информационного обмена, по-своему решил проблему научно-культурного общения, интенсивного освоения иного ментального формата. Иначе говоря, глобальная интервенция неумоимо проталкивается почти по всем направлениям общественной жизни, ее активизация напрямую связана с экономическими и культурологическими проектами Западной цивилизации. Но сие всеобъемлющее мультикультурное пламя, как отмечают сами апологеты западофилов, за последние годы начало медленно угасать. Таким образом, многовековая общечеловеческая практика снова подтвердила, что у демократии не только западноевропейское лицо и она всегда крепко привязана к национальной почве. Паллиатив по этому тракту, однозначно, не проходит.

Разумеется, отечественная журналистика стала более открытой иностранному влиянию, а по сему казахской национальной журналистике нужен качественный рывок. Учитывая всевозрастающую актуализацию этой проблемы и в свете обязательных инструкций и постановлений ученые-гуманитарии, во чтобы это не стало, хотят прорваться за кордон. Все желают стать первооткрывателями, все ищут незанятые ниши, даже нисколько не задумываясь о том, востребованы ли их исследования по литературе и общественным наукам там, на Западе. Ведь ментальность, высокая планка языковой нормы, ценностные ориентации, постоянное обращение к собственной культуре и истории — критерии сугубо национальные. И не считаться с этой данностью никак нельзя.

Виртуозно играя на этих контрапунктах, некоторые деятели от масс-медиа сисходительно-менторским тоном заявляют, что наша/ваша школа журналистики находится в роли догоняющего. Так могут говорить только те интеллигенты, которые напрочь лишены казахской речевой компетенции и имеют о ней весьма отдаленное представление, не способны глубоко вникнуть в проблематику и стилистику национальной публицистики. Абсолютно ясно также, что самодостаточная казахская журналистика не может и не обязана говорить со своим народом на английском, французском или на других языках мира. Другое дело, когда журналисты-международники успешно работают за рубежом, оперативно передавая на родину остроактуальные новости и социально значимые факты. Журналистика не должна еще уподобляться мессии, указывающей самые верные пути преодоления социально-общественного кризиса. Об этом в достаточно убедительной форме писал в свое время К. Смаилов: «Некоторые руководители требуют от журналистов, чтобы они не ограничивались голой критикой недостатков, но и рассказывали о способах их искоренения, указывали пути их преодоления. Если журналист на данном этапе смог бы найти легкие пути преодоления экономического кризиса, тогда он бы сидел не в редакции, а в доме правительства. Каждый обязан быть на своем месте и заниматься своим делом. Журналист убедительно и доказательно должен отстаивать правду, не идти на компромисс с несправедливостью (согласитесь, это не совсем легкая ноша!), а искоренение имеющихся недостатков — это прямая обязанность руководителей правительства» [4, с. 47.]. Эти черты, несомненно, были присущи самому автору этих строк, который любил писать не только убедительно, но и убежденно.

Факты получают осмысленность в свете их отнесения к ценности, т.е. осмыслению различных возможностей их видения действующими

субъектами. Именно ценностная интерпретация, по Максус Веберу, учит понимать соответствие факта и его мыслительной обработки, раскрывает перед исследователем то, что смутно и неопределенно «ощущается». В ходе такой интерпретации вовсе не нужно выносить какое-либо оценочное суждение. Мы находим фактическое свидетельство тому, о чем здесь говорит немецкий историк культуры М. Вебер, у Ануара Алимжанова, писателя, публициста, общественного и государственного деятеля: «Я знаю и люблю стихи Рудаки. И меня вдруг взволновала мысль о том, что, быть может, я сижу на том самом месте, по которому тысячу лет назад проходил сам великий Устод.

Его окружали эти горы. Так же шумели сады, так же буйствовала река, и орлы так же беззвучно носились в небе. Только следы Устода на тропинках и дорогах уже скрылись в пыли веков. Но их можно оживить в своем воображении и попробовать пройти по ним, бережно снимая покрывало с тех далеких дней, как влажный ветер в полдень тихо снимает сонливость со старого цветка.

Поэт любил цветы. Любил розы. Наверное, тогда было много роз в садах. Да и сейчас их немало. Вон они пылают меж яблонь» [5, с. 22.].

Если М. Вебер ставит вопрос о доказательстве причинных соотношений между фактами, вычлененными из бесконечности наблюдаемых явлений, то А. Алимжанов превращает это в возможную практику, максимально приближая к нам средние века, при этом не обращаясь напрямую к причинно-следственным сведениям. Конечно, достигается это не посредством простого «наблюдения», во всяком случае, если под этим понимать лишнее всяких предпосылок мысленное «фотографирование» всех происшедших в данном пространственно-временном отрезке физических и психических процессов, даже если бы это было возможно. Непосредственная наглядность исторического факта претерпевает в контексте веберовского рассуждения парадоксальную метаморфозу: она должна быть мысленно представлена иной, чем есть на самом деле. Более того, что есть событие «на самом деле», проясняется только после ухода от фактичности в знание о нем. Следовательно, факт превращается в рассудительную действительность.

Чтобы очистить сам факт от оболочки, О. Сулейменов всегда стремится оторваться от «массовой фактичности». Этот отрыв начинается уже при построении им пространства переменных и завершается расчетом опорных тенденций и взаимосвязей. В одном из своих изысканий он говорит, что «наша история — в слове, которое может стать археологическим материалом, документальным

свидетельством присутствия этноса в глубокой истории... Римский историк Тацит (I в. н. э.) говорит о кочевниках, обитавших в низовьях Дуная и степях Северного Причерноморья. Называет их *jazyges*. В Большом Латинско-русском словаре это слово переводится — язгыги. Вернее, перевели не слово, а окончание мн. числа — *es*. Считаю перевод удачным, потому как возможно и в оригинале значилось это окончание, правильно понятое и переведенное Тацитом на латинский. Если тюркское *jazyk* — «степь», «равнина» (от *jaz* — «разглаживай», «разравнивай») в славянском получило семантическое развитие — «степняк», тогда множественное число превращало слово в этноним-кличку **jazyk-i* > **jazygi* — «степняки» [6, 46—47]. Здесь, как мне кажется, лингвистические персоналии означают не наблюдаемую величину, а тип социальных явлений. Таким образом, у О. Сулейменова главенствующая абстракция превращает индивидуальное явление — т. н. живую фактичность — в событийную точку. В этом заключается существенное ограничение научного метода, составляющего, как показали неокантианцы, контраст «наглядной представляемости действительности». Начало рационального дистанцирования от «живого» во имя самого живого утверждалось ими не только для отрицания чувственной трактовки истины, либо плоского и поверхностного описания повседневных происшествий, но, прежде всего во имя познания самого живого.

По утверждению неокантиста Генриха Риккерта, только тот может быть назван культурным человеком, кто в состоянии подавить в себе ритм жизни. Поэтому он и настаивал на высылке реальности за пределы разума, намеренно не замечая жизненных всплесков и старался спастись от него расстоянием. Согласно его теории, лишь понятие «ценности» дает возможность отличить культурные процессы от явлений природы. Понятие ценности позволяет нам выделить из множества индивидуальных предметов действительности нечто цельное, отделить существенное от несущественного. «Лишь отнесение к ценности определяет величину индивидуальных различий. Благодаря им мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой. Ни один историк не интересовался бы теми однократными и индивидуальными процессами, которые вызываются Возрождением или романтической школой, если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям» [7, с. 315—316]. Понятие культура — это некоторая целостность, в которой историческое познание отделяет существенное от несущественного. Исследователь выделяет, таким образом, кроме понятия бытия, понятие ценности, которое находится как бы наравне с бытием. Ценность — это нечто,

которое существует, это «смысл, лежащий над всяким бытием». Более того, область ценностей не только находится вместе с бытием, дополняет его, но и, согласно Риккерт, в определенном смысле противостоит сфере бытия. Он пишет, что мир состоит из действительности и ценностей, рассматривает ценности как некое «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [8]. Определение дистанции, на мой взгляд, связано еще и с психологическим восприятием человека таких условностей, как приязнь/неприязнь, свой/чужой, привязанность/отчуждение.

Известно, что линейная методика измерения расстояния характеризуется одномерностью, непрерывностью, упорядоченностью и необратимостью, его движение воспринимается в виде длительности и последовательности процессов и состояний окружающего мира. В связи с этим можно выделить концептуальную дистанцию, относительно к сфере объективно существующего внешнего мира, и чувственно-образную — к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком.

Современная публичная журналистика активно работает в среде динамического реализма, ей свойственна временная дискретность, т. е. способность воспроизведения наиболее существенных фрагментов, отрезков жизни. Отбор этих эпизодов определяется эстетическо-познавательными намерениями автора. Таким образом, в большинстве случаев реальное время намного длиннее публицистического. В этом проявляется закон журналистской экономии, дистанционно-временного сжатия, искусственного отсекаания подлинного расстояния и времени.

Список литературы:

1. Алимжанов А. Собрание сочинений. Том третий. Алма-Ата: Жазушы, 1990. — 512 с. — С. 22.
2. Беляева Т. Ирландец вне Ирландии // Литературная газета, 8—14 февраля 2012.
3. Мұртаза Ш., Смаилов К. Елім саған айтам, ел басы сен де тыңда. Алматы: Казакстан, 1998. 176 б. — 47 б.
4. Паустовский К.Г. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1983. 368 с. — С. 282.
5. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. — М.: Наука, 1997. 532 с. — С. 315-316.
6. Риккерт, Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Логос. М. : Тип. Рус. Т-ва, 1910. — Кн. 1. — С. 19—61. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www.gumer.info>bogoslov_Buks/Philos/FilosFers](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/FilosFers).

7. Смаилов К.С. Жеті қыр, бір сыр//Әнуар мен Олжас. Алматы: Атамұра, 2000. 224 б. — 136 б.
8. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: Атамұра, 2002. 320 с. — С. 46—47.

МЕТОД ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кодола Наталья Валерьевна

канд. пед. наук, доцент

Московского педагогического государственного университета,

РФ, г. Москва

E-mail: ykodola@mail.ru

JOURNALISM PHILOLOGICAL RESEARCH METHOD

Natalia Kodola

candidate of pedagogic sciences, associate professor

of Moscow State Pedagogical University,

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

На основе анализа взглядов исследователей на теоретические представления сущности филологической науки и анализа взглядов на журналистику как ее предмета, определена область противоречий, искажающих результаты исследования журналистики, проводимые общенаучными методами, и на основе выявленных противоречий продемонстрировано направление поиска путей преодоления возможных заблуждений в филологическом исследовании журналистики.

ABSTRACT

Based on the analysis of researchers' opinions upon theoretical understandings of philological science implication and upon journalism as its subject matter the contradiction scope has been defined, where contradictions distort results of journalism research conducted with a help of general scientific methods. A sares ult of define dcontradictions the avenue of searching the ways to overcome possible mistakes in journalism philological research has been presented.

Ключевые слова: филология; журналистика; интервью; феноменология; феноменологический метод; интеллектуальная форма движения материи.

Keywords: philology; journalism; interview; phenomenology.

Взаимосвязь, взаимодействие и взаимопонимание многомиллиардного человеческого сообщества в современную эпоху развития методов и средств коммуникативности можно охарактеризовать как «всецело зависимых» от средств массовой информации. При этом развитие методологии предъявления информации значительно опережает исследования в области журналистики как основы подготовки и предъявления этой информации. В этой связи целесообразно обратить внимание на ту область познания, в которой наиболее четко может быть представлена сущность процессов, связанных с развитием самой журналистики. По нашему мнению, в материальной действительности не существует более прямого направления поиска проблем коммуникативности субъектов бытия, чем исследования в сфере филологической науки. Рассмотрим основные взгляды исследователей на сущность самой филологии.

Одним из первых исследователей, который изложил свое видение роли и места филологии в человеческом познании, может быть назван Ф.Ф. Зелинский. Согласно взгляду Ф.Ф. Зелинского филология должна принадлежать к категории «науки о духе», что, естественно, придает ей особый статус в иерархии наук и обособляет от совокупности математических и естественных наук. При этом он отмечает, что науки, посвященные изучению человеческого духа, могут изучать его либо в самом себе, либо в его творениях: «Первую группу составляют специально философские науки (психология, логика, теория познания); вторая распадается на две подгруппы, смотря по тому, изучаются ли творения человеческого духа в смысле, так сказать, поперечного или в смысле продольного разреза, в своей одновременности или в своей последовательности. К подгруппе поперечного разреза принадлежит множество наук, называемых «теориями» или «системами», — теория языка, теория искусства, система действующего в данное время права, догматика данной религии. Подгруппу продольного разреза составляют две науки — история и филология» [3, с. 811].

Раскрывая сущность словарного понятия филологии, А.А. Чувакин демонстрирует следующие его стороны. Статус филологии как «содружества гуманитарных дисциплин» и состав входящих в нее наук: языковедение, литературоведение, текстология, источниковедение,

палеография; объект изучения филологии — «духовная культура человечества»; методы исследования — «языковой и стилистический анализ»; материал исследования — «письменные тексты». Говоря о предмете исследования филологической науки, А.А. Чувакин утверждает, что есть неповторимая совокупность объектов, которой в современной науке не занимается ни одна отрасль, кроме филологии. «В эту совокупность входят естественный язык, текст и homo loquens (человек в его функции говорящего и пишущего, слушающего и читающего; «человек говорящий» в широком смысле). Филологические науки не могут обойтись без фигуры homo loquens: он предстает в виде сказителя и певца, автора и читателя, ведущего телевизионного шоу и радиожурналиста, создает текст и потребляет его, он «присутствует» в тексте устном, письменном и, разумеется, электронном» [8, с. 10]. При этом, раскрывая сущность понятия *текст*, А.А. Чувакин отмечает, что «любой текст, есть воплощение человеческого духа. Человеческий дух воплощен в разных формах и содержит разные смыслы: от высокого до низкого...» [8, с. 13].

Поднимая вопрос о методах исследования филологии, А.А. Чувакин подчеркивает, что: «...в филологии анализ является фундаментальным, но не единственным методом исследования; в современных филологических науках анализ стал более разнообразным (существует анализ лингвистический, литературоведческий, филологический, коммуникативный, риторический, семиотический, герменевтический)» [8, с. 16]. При этом А.А. Чувакин утверждает в качестве предмета исследования филологии, изучаемого посредством анализа, естественный язык, текст и homo loquens — «главное воплощение человеческого духа» [8, с. 17].

В соответствии со взглядами А.А. Чувакина филология рассматривает человека, участвующего в речевой коммуникации, человек говорящий есть объект филологии. Он утверждает, что самореализация человека возможна только через язык и человек конституирует себя в тексте. «Интерес к человеку со стороны современной лингвистики зафиксирован в понятии языковой личности. Языковая личность — это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих сознание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [8, с. 146—153]. Он утверждает, что обобщающим научным направлением, изучающим человека говорящего как объект филологии, является филологическая теория коммуникации. «Интересы филологической теории коммуникации сосредоточены на коммуникативной деятельности человека посредством текста на естественном языке» [8, с. 160].

Принципиальное упорядочение взглядов на предмет филологии демонстрируется во взглядах В.У. Бабушкина, который придает этому предмету конкретное представление в сознании субъекта. «Феноменологов же интересует само сознание, которое рассматривается не столько в качестве средства, сколько в качестве основного предмета подлинно философского анализа. Их особенно привлекают те характеристики сознания, благодаря которым, по их мнению, создается сама возможность восприятия реальности. Таким образом, интересы феноменологов в определенном смысле противоположны интересам представителей нефеноменологической философии, поскольку объектом феноменологического анализа является не реальность, а акты сознания, в которых конституируется эта реальность» [1, с. 15].

Таким образом, благодаря взглядам В.У. Бабушкина, можно представить, что именно феноменологический метод исследования может открыть новые пути в понимании сущности филологических проблем. Он подчеркивает необычность феноменологического подхода, заключающегося в том, что сознание выполняет при этом двойную функцию: будучи предметом аналитической деятельности, оно является одновременно и средством исследования. «Необходимое условие феноменологического анализа заключается в том, чтобы внимание исследователя было направлено не на внешний мир, а на само сознание, ибо, именно оно в конечном счете является источником как научного, так и донаучного знания» [1, с. 26].

Раскрывая сущность феноменологического исследования, В.У. Бабушкин демонстрирует четыре основных его подхода, при которых метод описательной феноменологии применяется для исследования того, что видим, слышим, воспринимаем непосредственно, без рефлексивных наслоений, и сознание ориентировано на сами явления. Интенциональный анализ применяют для выявления и исследования актов сознания, участвующих в осмыслении и преобразовании реальности. Герменевтическое направление как филологическая, историческая и философская теории истолкования текстов, методология общественных наук и как универсальное философское учение, способное служить методологической и мировоззренческой основой понимания действительности. Согласно взглядам В.У. Бабушкина наиболее характерной тенденцией в современной герменевтике является абсолютизация роли языка, который рассматривается как предмет герменевтического истолкования. Особую роль он определяет следующему подходу: «Реалистические интерпретации феноменологического анализа стремятся преодолеть субъективизм феноменологических предпосылок, пытаются так перестро-

ить феноменологическую философию, чтобы она была способна учитывать характеристики не только сознания, но и самой действительности» [1, с. 175—181].

В современной действительности речевая коммуникативность и самовыражение человека говорящего стали проявляться наиболее четко в сфере журналистики: как поставщиков словесно-речевой информации, так и ее потребителей. «Говорящие» средства массовой информации отгеснили и литературу, и искусство, и саму науку в воспроизведении словесно проявляемой информации. Мультимедийные средства стали полностью заменять обычную библиотечную сферу предъявления словесно-речевой информации. Роль журналистики в настоящий период может быть представлена как взаимодействие субъектов, обеспечивающих возможность получения сведений, адекватно отражающих явления бытия, и как предоставление возможности восприятия их для всех субъектов бытия без искажения. В своем генезисе журналистика проявлялась и как взаимосвязь и взаимодействие субъектов бытия для регулирования отношений между различными идеологиями интеллектуальной формы движения материи, и как связующее звено между управляющими и управляемыми субъектами в области управления интеллектуальной формой движения материи, и как ретранслятор явлений бытия в определенной области материальной действительности, для демонстрации своего взгляда на представления управляющих субъектов и управляемых субъектов сущности процессов, проявляемых в наблюдаемых явлениях бытия.

Характеризуя выбор направления исследования проблем коммуникативности, В.М. Березин отмечает, что в современных условиях бытия огромного количества субъектов проявляется глобальная проблема «не-взаимопонимания», которая создает препятствия для деятельности в сфере массовой коммуникативности. Он отмечает, что важным направлением исследования является проблема нахождения пути получения достоверных знаний о сущности феномена человеческой коммуникативности. В этой связи В.М. Березин излагает свое видение методологического подхода в следующем: «... всякое знание постольку хорошо, поскольку берется в развитии... Истину следует рассматривать как процесс, она проявляется в столкновении мнений. Противоречие, таким образом, есть нормальная форма развития знания, его движущая сила... Процесс познания поэтому предстает как процесс «снятия неопределенностей», изживания старых представлений, как процесс возникновения нового знания, формирования и внесения в повседневную жизнь... Этот процесс в эпоху информационно-компьютерной революции сопрягает-

ся и совмещается с коммуникативной деятельностью человека, проходит посредством массовой коммуникации» [2, с. 4].

Во взглядах В.М. Березина проявляется новое представление о роли и месте средств массовой информации в обществе «глобальной коммуникативности», в условиях, когда всякий субъект бытия становится «звеном» всеобщей цепи коммуникативности. При этом принципиально изменяется место и роль журналистики в самом объективном бытии, которые требуют глубокого исследования именно в сфере филологической науки. В.М. Березин характеризует данный феномен следующим образом: «Схема функционирования СМИ здесь выстраивается в цепочку — отдельный человек — творцы (журналисты, культурные деятели) — политические и коммерческие структуры, осуществляющие определенную поддержку и пытающиеся влиять на формирование и изменение потребностей, — отдельный человек» [2, с. 45].

В связи с тем, что феномен журналистики исторически развивается только второй вековой период, он сам по себе является новой научной проблемой, а отсутствие специфических филологических научных методов исследования данного феномена предоставляет повод для развития противоречий, возникающих в процессе развития журналистики, для предотвращения которых в данный период не существует специальной методологии. Феномен журналистики основывается на онтологическом противоречии одновременного ее представления как объективного и субъективного отражения явлений человеческого бытия на самом коротком промежутке настоящего периода между прошлым и будущим. Объективность журналистики должна отражаться как возможность ее независимости ни от социальных, ни от материальных условий для предоставления достоверных сведений о явлениях бытия. Субъективность журналистики отражает внутреннее мировоззрение ее субъекта на сущность раскрываемых явлений и становится условием.

Для того чтобы избежать развития противоречий, возникающих между объективностью сведений и субъективностью их отражения, необходимо применить такие воздействия в сфере журналистской деятельности, которые обеспечили бы регулирование искажений и приближение адекватности сведений к уровню достоверных. За весь продолжительный период генезиса мировоззренческих взглядов субъектов исследований на сущность бытия и мышления не было преодолено противоречие между представлениями об объективности бытия и субъективности мышления, с одной стороны, и отражениями форм движения материи как в материальной действительности,

так и в мыслимой реальности. В результате разногласий в различных понимании сущности бытия и мышления возникла «субъективная преграда» к решению проблемы сущности понятий материи и сознания, которая заиклилась на различии представлений об иерархии идеалистического и материалистического представления. Данная проблема весь период генезиса цивилизации сказывается на всех областях человеческого бытия, но особенно остро проявляется в сфере социальной и научной активности субъектов бытия.

В настоящее время одним из решающих факторов субъективного восприятия явлений материальной действительности становится глобальная активность средств массовой информации. При этом ведущую роль в реализации целей средств массовой информации играет «глобальная журналистская активность», которая в современном мире получила «неограниченные возможности» в решении задач, целью которых является управление идеологической направленностью представлений субъектов о сущности явлений прошлого, настоящего и будущего бытия цивилизации. К одной из сфер журналистской активности относится информационное обеспечение деятельности, направленной на перевоплощение взглядов наиболее активных субъектов бытия, отражающих прошлое и настоящее состояние «общественного сознания» и «общественного бытия» и предлагающих определенные направления их развития и совершенствования. Причем в данной области журналистского творчества как наиболее перспективный может быть представлен жанр интервью.

Однако в данный период развития методологических основ журналистики возникает возможность проявления противоречия между требованиями «технологического прорыва» в сфере средств массовой информации и возможностями средств методологического обоснования перевоплощения журналистики для упорядоченного осуществления процессов в методологически-технологической среде журналистской активности. Одной из причин данного противоречия может быть отставание развития методов исследования журналистики от современных тенденций развития знаний об общественном бытии и мышлении. В связи с этим исследование методологических основ журналистики и формулирование на основе их результатов понятий о методе филологического исследования журналистики на примере жанра интервью является актуальным. До настоящего периода не существует эффективного метода исследования проблем журналистского феномена, особенно это проявляется в области филологических наук, для которых по определению может быть доступно выявить такие способы воздействия на онтологическое основание журналистики, которые

обеспечат высокую степень языковых, литературных и коммуникативных качеств субъективного представления объективных сведений о сущности явлений бытия. Поэтому из-за того, что метод филологического исследования жанра интервью как целостная и упорядоченная научная проблема до настоящего периода не был сформулирован, то по своей сущности он может быть представлен как новый. В связи с тем, что разработка метода филологического исследования журналистики направлена на разрешение противоречий, возникших во взаимодействии методологических и технологических основ средств массовой информации, и обеспечивает возможность решения научной проблемы — перехода коммуникативных возможностей журналистики на новый уровень взаимоотношений методологической и технологической составляющих средств массовой информации, то данное исследование может быть представлено как научно значимое.

Существующие методы филологического исследования основаны на диалектической методологии, в центре внимания которой находятся методы познания, не дающие возможности проникнуть в глубинную сущность феномена интеллектуальной формы движения материи. Данные методы достаточно проработаны и отражены в трудах исследователей.

В соответствии со взглядами А.А. Тертычного в журналистике существует две основные группы методов «преобразования» объективной действительности в ее информационный аналог: рационально-познавательные и художественные методы, которые проявляются в эмпирическом и теоретическом уровнях познания. Предметом исследования журналистики на эмпирическом уровне рассматривается поток информационных публикаций. На теоретическом уровне рассматриваются тексты аналитических публикаций. Художественные методы в журналистике применяют параллельно с рационально-познавательными, рассматривая их как художественно-публицистические произведения.

К эмпирическим методам А.А. Тертычный относит: метод наблюдения, основанный на личном наблюдении, личном познании действительности путем чувственного ее восприятия; метод проработки документов путем анализа документов, в зависимости от того, какие сведения в данный момент более всего необходимы журналисту; методы интервью, беседы, опроса, анкетирования, обеспечивающие получение необходимых сведений от свидетелей тех или иных событий; метод эксперимента.

К теоретическим методам он относит формально-логические методы, при которых знание получают по законам логики путем соответствующих умозаключений из старого знания, из уже известных фактов [7, с. 112].

Развитие данной методологии получило воплощение в трудах М.Н. Кима, где диалектико-филологические методы исследования журналистики рассмотрены во всех ее сторонах. Рассматривая методологию как область знания, охватывающую средства, методы, приемы, технологии, используемые в какой-либо науке, учение о сущности, системе и способах применения методов, обеспечивающих полноту и правильность решения задач, поставленных наукой, М.Н. Ким говорит о применении системы логических приемов и специальных методов в исследовании явлений журналистики: «Методология не сводится к сумме определенных приемов и способов исследования, а предполагает разработку цельной системы особых принципов и подходов к изучению объектов, представляет системное образование, определяемое не только системой сложившихся знаний, но и особенностями журналистского процесса познания явлений» [4, с. 98].

К наиболее ярко выраженному с феноменальной точки зрения жанру журналистики целесообразно отнести жанр интервью. Интервью отражает явление бытия в самый короткий период — здесь и сейчас. Феномен интервью отражает наиболее специфическое явление бытия, проявляемое в одномоментном цикле воздействия интервьюера, направленное на выявление сведений, и обратное воздействие интервьюируемого на предъявление сведений. И именно в данном коммуникативном цикле создается онтологическая основа для субъективного образа филологической конструкции предстоящего журналистского изложения сведений. В связи с тем, что методология жанра интервью имеет серьезную теоретическую основу, сам процесс подготовки, осуществления, обработки и предъявления интервью можно рассматривать как вполне сложившееся и научно обоснованное. Однако феномен интервью содержит внутреннюю сторону, которая не всегда четко проявляется в теории и на практике [6, с. 8].

Данная сторона в основном может проявляться именно в филологической области как языковые, литературные и коммуникативные основания. Именно эта сторона феномена журналистики является недоступной для исследования существующими в ее теориях методами. Становится актуальным поиск нового подхода к исследованию феномена журналистики. И сама филология раскрывает его сущность через понятие феномена, то есть для исследования феномена журналистики целесообразно применить феноменологию.

ческий метод, идею о сущности которого два века тому назад изложил Г. Гегель и который по определению относится именно к филологической науке.

В настоящее время методы исследования проблем жанра интервью чаще не выходят за пределы уровня эмпирических представлений. Причем общие журналистские методы исследования в целом претендуют на методологическое обоснование теоретического уровня представления, но данная наиболее востребованная область общественных отношений не имеет обоснования на мировоззренческом уровне представления. Поскольку в явлениях журналистики отражается интеллектуальная форма движения материи, то и метод исследования целесообразно формулировать в пределах способов взаимосвязи, взаимодействия и взаимопонимания предметов материальной действительности, которые проявляются как феномены интеллектуальной формы движения материи. Жанр интервью отражает процесс, в котором интеллектуальная форма движения материи управляется субъектом журналистской деятельности в таком направлении, которое предоставляет возможность обеспечить продуктивную коммуникативность с другими субъектами для раскрытия сущности их представлений о предмете интервью [5, с. 346].

Развитие журналистики в современных условиях неразрывно связано с высокотехнологичными общественными отношениями, при которых интеллектуальная форма движения материи достаточно глубоко проникает в сознание субъектов бытия не только при их непосредственном взаимодействии и взаимосвязи, но и через предметы коммуникативности, организованные на основе физической и химической форм движения материи. Такое разделение коммуникативных процессов на «непосредственные» и «опосредованные» создает условия для возникновения противоречий между возможностями взаимопонимания взглядов субъектов при непосредственном общении и взглядами при опосредованном мультимедийными средствами общении. При этом исследование этих противоречий проводится на основе методов, в основе которых заложен принцип раздельного рассмотрения проявлений процессов мышления и бытия, подразумевая принципиальные различия между явлениями мышления и явлениями материальной действительности. Уделяя большое внимание развитию методов исследования мышления и бытия в их «аналитической изоляции», упускают сторону коммуникативности, относящуюся к ее субъекту непосредственно и в данных методах рассматриваемую «механистически». С целью преодоления противоречия целесообразно изучить возможность разработки такого

метода исследования проблем коммуникативности в совокупности интеллектуальной и других форм движения материи, который позволил бы обеспечить адекватное представление о процессах взаимосвязи и взаимодействия субъектов в процессах областей журналистской деятельности как при непосредственном общении, так и опосредованном через мультимедийные средства коммуникации. Возможности применения такого метода в настоящем и будущем наиболее отчетливо могут проявиться при исследовании проблем журналистики, а именно ее жанра интервью.

Судя по предмету исследования, в качестве которого может рассматриваться коммуникативность как процесс взаимосвязи, взаимодействия и взаимопонимания субъектов бытия, для рассмотрения целесообразно принять метод, основанный на явлениях коммуникативности между субъектами бытия. В качестве основного подхода целесообразно рассмотреть феноменологический способ представления процессов, проявляемых в результате движения материи интеллектуальной формы, как внутренние в мышлении субъектов, так и внешние, выраженные через речь субъектов. При этом под феноменом целесообразно представлять понятие, в котором отражается сущность предмета материальной действительности в интеллектуальной форме движения материи.

В качестве основной гипотезы исследования целесообразно представить возможность объединения в методе филологического исследования журналистики ее онтологические и филологические проблемы. При этом онтология проблемы связана с ярко выраженным двойственным характером проявляемой в явлениях журналистики ее сущности. Во-первых, проявлением ее особенностей как атрибутов бытия, во-вторых как атрибутов мышления. В связи с этим методология исследования журналистики может быть диалектически в своей аналитической части разделена на методы исследования онтологического и филологического основания. Одновременно филология проблемы может быть связана с недостаточностью изученности сущности журналистики, проявляемой в явлениях движения материи интеллектуальной формы, для регулирования отношений в которой и предназначена журналистика как категория общественного бытия субъектов и коммуникативный вид проявления интеллектуальной формы движения материи.

Таким образом, поиск путей преодоления основных противоречий современного состояния методологии исследования журналистики позволил выбрать основное направление исследования, заключающееся в разработке метода филологического исследования

журналистики, в котором могут быть учтены как филологические, так и онтологические феномены коммуникативности субъектов бытия в едином пространстве средств массовой коммуникации. При этом, сложность и научная новизна вскрытой проблемы, определяет область исследования в пределах жанра журналистики интервью, в сущности которого можно наблюдать отражения всех противоречий, характеризующих современное состояние журналистики как отрасли коммуникативно-творческой человеческой деятельности, с явно выраженным преобладанием языковой и литературной формой взаимои самовыражения.

Список литературы:

1. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: «Наука», 1985. — 361 с.
2. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. Серия: Практическая журналистика. М.: РИП-холдинг, 2003. — 170 с.
3. Зелинский Ф.Ф. Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXVa (70) / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. — С. 811—816.
4. Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. — 400 с.
5. Кодола В.Г. Философия управления летной деятельностью. Saarbrucken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. — 400 с.
6. Кодола Н.В. Интервью. Методика обучения. Практические советы: Учеб. Пособие для студентов вузов / Н.В. Кодола. -2-е изд. Испр., перераб. И доп. М.: Аспект Пресс, 2011. — 174 с.
7. Тertyчный А.А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. — 312 с.
8. Чувакин А.А. Основы филологии: учеб. пособие / А.А. Чувакин; под ред. А.И. Куляпина. М.: ФлИнтА: наука, 2011. — 240 с

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XXXV международной научно-практической конференции

№ 4 (35)
Апрель 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.04.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,875. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3